

NEW YORK TIMES AND USA TODAY BESTSELLING AUTHOR OF REAL AND MINE

Она самая настоящая,
за которую он
когда-либо боролся.

КЭТИ ЭВАНС

РЕММИ

https://vk.com/real_raw_ripped

Боец Андеграунда Ремингтон Тейт является тайной, даже для самого себя. Его разум темный и светлый, сложный и назидательный. Временами его действия и прихоти тщательно взвешены, а иногда они выходят из-под контроля. Несмотря на все это в нем есть одна постоянность: желать, нуждаться, любить и защищать Брук Дюма. Это его история; с самого первого момента он положил на нее глаз и знал, что несомненно она будет самой настоящей, за которую ему когда-либо приходилось бороться.

НАСТОЯЩЕЕ СИЭТЛ

В моей жизни будут сотни дней, которых я не запомню.

Но этот день я никогда не забуду.

Сегодня я женюсь на своей жене. Брук «Маленькая Петарда» Дюма.

Я обещал ей свадьбу в церкви. И она получит свадьбу в церкви.



— КЛЯНУСЬ, ЕСЛИ ты еще сильнее нахмуришься в сторону двери, она треснет по твоим взглядом, — говорит мой личный помощник Пит, сидящий на диване.

Оборачиваюсь в их сторону, откуда он и Райли наблюдают за тем, как я расхаживаю по гостиной старой квартиры Брук, в Сиэтле. Видимо, эти двое считают меня чертовски забавным. Придурки. Не вижу здесь ничего смешного. Вернувшись к двери спальни, я продолжаю нетерпеливо топтаться на месте.

Хоть убей, не представляю, почему она так долго. Ровно пятьдесят восемь минут прошло с тех пор, как она заперлась в нашей спальне, чтобы собраться, хотя обычно Брук — моя любимая Брук — одевается за пять.

— Чувак, это день ее свадьбы. Девчонки много времени тратят на подготовку, — Райли делает руками жест, подразумевающий *«такова жизнь»!*

— Как будто, ты теперь эксперт, — подкалывает его Пит.

— Дело в платье! — говорит Мелани, лучшая подруга Брук, появляясь из двери спальни, и таща за собой длинный белый материал, похожий на вуаль. — У него все эти пуговицы... и что вы трое здесь делаете? Ремингтон, я говорила об этом с Брук. Парни, вы должны уйти, и мы встретимся с вами у алтаря.

— Что за чушь, — смеясь, говорю я. Но, когда Мелани продолжает смотреть на нас троих, а особенно на меня, с таким выражением, которое, наверное, используют для собак, которых хотят вышвырнуть, я хмурюсь, и направляюсь к двери спальни.

Сжимаю дверную ручку и говорю сквозь щелку в двери:

— Брук?

— Реми, пожалуйста, не заходи сюда!

— Тогда подойди к двери.

Когда я слышу ее шаги, прижимаюсь ближе к краю, понижая голос, чтобы нас не услышали придурки на диване в гостиной.

— Черт возьми, детка, почему я не могу сейчас тебя увидеть?

Мелани то и дело, то заходит, то выходит из комнаты, а я разделен со своей уже-почти-женой закрытой дверью? Мне это не нравится. Мы разделены, несмотря на то, что она предположительно, наряжается именно *для меня*.

— Возможно, потому что хочу, чтобы ты смотрел, как я буду к тебе идти, — шепчет она.

Боже, этот голос, прямо там. Он рождает во мне желание повалить дверь и очень крепко ее поцеловать, затем заняться ее телом под платьем, которое она пытается надеть — сделать то, что делают мужья со своими чертовыми женами.

— Детка, я и так потом увижу, как ты будешь ко мне идти. Я просто хочу увидеть тебя именно сейчас. Открой дверь, и я займусь твоими пуговицами.

— Ты сможешь расстегнуть их позже, и затем заняться *мной*.

Дерзкое заявление сопровождается мягким «гааа», как будто кого-то, очень маленького, там что-то позабавило.

— Извини, Разрывной, — возвращаясь, говорит Мелани, и прогоняет меня от двери. — Парни, вы должны отправиться в церковь. Увидимся там через тридцать минут.

Я хмурюсь, когда она, как чертов червяк, через крошечную щель, ускользает в спальню, не позволяя мне бросить на Брук даже взгляда. Используя тот же метод, выходит более крупная Джозефина, держа кого-то маленького возле груди. С изгиба ее руки на меня смотрит мой сын, и в тот же момент, затихая, он ухмыляется почти с тем же насмешливым выражением лица, как у Пита и Райли.

Он вытаскивает руку изо рта, и мокрой ладошкой хлопает меня по челюсти.

— Га! — произносит он, затем ёрзает и тянется ко мне.

Поймав его, я прижимаюсь лицом к его животу и рычу, что вызывает еще одно «Гааа!»

Когда я поднимаю голову, чтобы посмотреть ему в глаза, он чертовски рад. Я тоже, но снова рычу, как будто это не так, и ворчу на него:

— Ты считаешь меня смешным?

— Гааа!

В его глазах сияет озорство. Его головка меньше моей ладони, когда я охватываю ее и легонько дую на пух на его макушке. Мой четырехмесячный Рейсер, сын, которого мне подарила Брук. Он — самое прекрасное, что я сделал в своей жизни.

Я никогда не думал, что у меня будет кто-то, вроде него. Сейчас вся моя жизнь вращается вокруг *этого* человечка с ямочками, который срыгивает на все мои чертовые футболки. А еще вокруг моей Брук. Говоря о ней, мне не хватает слов. Пит *сильно* хлопает меня по спине.

— Ладно, чувак, ты их слышал. И осторожнее, он собирается сделать свои детские дела на твой костюм!

Сжимая челюсть, я глажу по головке Рейсера, и он мне улыбается. У него одна ямочка, не две. Брук говорит, это потому, что он мой только наполовину. Я спорю, что он весь мой и

она тоже.

Улыбаясь ему в ответ, возвращаю его Джозефине, которая уверяет:

— Мистер Тейт, не беспокойтесь, у меня все под контролем.

Она должна была быть телохранителем, но, черт возьми, я не знаю, кем она сейчас является. Она гуляет с Рейсером, и выполняет некоторую работу няньки. Он запускает в ее волосы палец, и тянет, а ей это, кажется, даже нравится. Бросив взгляд на кухонные часы, я смотрю на нее.

— Я хочу, чтобы Брук там была через пятнадцать минут, — говорю я, и она кивает.

Мою невесту ждет лимузин, но у Райли есть ключи от припаркованного неподалеку, кабриолета Мелани. Мы все в него запрыгиваем. Я плюхаюсь на переднее пассажирское сиденье, потом смотрю на окно нашей временной квартиры. Я не могу понять этой суеты с пуговицами свадебного платья. Лично я уверен, что должен ехать в машине со своей женой к чертовой церкви, где мы поженимся. Точка.

— Рем. Не похоже, что она бросит тебя, оставив стоять у алтаря, мужик, — смеясь, говорит Райли.

— Да, я знаю, — шепчу я, оборачиваясь. Но иногда, я как раз не знаю. Иногда, моя грудь будто завязывается в узел, и я думаю о том, что, если проснувшись однажды утром, вдруг обнаружу, что Брук с моим сыном ушли, то умереть — это слишком легкое слово для того, что я захочу тогда сделать.

— Через двадцать восемь минут, она, в белом, будет направляться к алтарю только для тебя, — говорит Пит.

Молча, я смотрю в сторону.

Брук целый месяц волновалась из-за всего этого. Думая об этом, и о том, о торте, или не о торте. Я соглашался на все, отчего в ее голосе слышалось особое волнение, и она целовала меня так, как мне нравится. Так что сейчас она, кажется, взяла себя в руки, и одевается, готовясь к своему дню, а я чувствую себя дураком, потому что она сказала, что не против того, чтобы мы вместе ехали в церковь. А затем ее лучшая подруга вбила ей в голову тупые-девчачьи идеи. Теперь я еду один. К церкви, в которой никогда не был. Чтобы жениться на своей жене. Она едет прямо за нами, но мне не хорошо. Я чертовски обеспокоен, и это — то беспокойство, которое исчезнет, если она откроет дверь и просто посмотрит на меня своими золотыми глазами. Тогда я успокоюсь, и стихнет чувство, бурлящее в груди.

Но этого не произойдет.

Впереди меня ждет двадцать семь адских минут... и мой разум проделывает со мной такие трюки, будто он раскачивается, словно маятник, и остановить это я могу только тогда, когда окажусь рядом с Брук.

Постукивая ногой, я поглаживаю кольцо, зажатое в кулаке. Затем люблюсь им, и смотрю на ее имя в надписи: «МОЕМУ НАСТОЯЩЕМУ, ТВОЯ БРУК ДЮМА.»

ПРОШЛОЕ

ДЕНЬ, КОГДА Я ЕЕ УВИДЕЛ

Толпа Сиэтла ревет, когда я рысью выбегаю по проходу «Андеграунда».

Далеко в конце и прямо в моем поле зрения ждет ринг. Семь на семь метров, четыре параллельных каната с каждой стороны, четыре чертовых столба, вот и все.

Этот ринг — мой дом. Когда я не на нем, я скучаю по нему. Когда я тренируюсь — думаю о нем.

С каждым шагом в его направлении я напрягаюсь все сильнее, готовый приступить к делу. Мои вены расширяются, сердце работает, чтобы насытить мои мышцы. Мои мысли четкие и ясные. Каждая частичка меня готова атаковать, защищаться и выжить — и подарить этим людям острые ощущения, ради которых они так кричат.

— *Реми! Я люблю, тебя, Реми!* — слышу, как они орут.

— *Я отсосу тебе, Реми!*

— *РЕМИ, ВОЗЬМИ МЕНЯ, РЕМИ!*

— *Ремингтон, я хочу твоего Разрывного!*

Протягивая пальцы, хватаюсь за верхний канат и перепрыгиваю через него на ринг, окинув взглядом окружающих меня людей. Огни горят. Мое имя у всех на устах. И все их волнение и ожидание вращается вокруг меня веселым маленьким вихрем. Они орут и машут мне розовым дерьмом. Они желают меня здесь. Прямо здесь. Только меня, какого-то противника мудака и наши кулаки.

Я сбрасываю с себя халат и передаю его Райли, своему другу и помощнику Тренера, в то время, как люди встают на ноги и начинают орать громче, когда я поворачиваюсь приветствовать толпу. Они все стоят. Все смотрят на меня так, будто я их Бог Войны и сегодня ночью я подарю им возмездие.

Я чертовски люблю это.

Я чертовски люблю эти крики, женские выкрики о всяком дерьме, которое они хотят, чтобы я сделал с ними.

— *Реми! Реми!* — словно сумасшедшая кричит женщина во все горло. — *Ты так чертовски горяч, Реми!*

Ухмыльнувшись, я поворачиваюсь, пробегаясь взглядом по переполненному проходу и останавливаясь на ней. У нее длинные волосы цвета красного дерева, янтарные глаза и розовые пухлые губы, которые сразу же раскрываются в шоке. Чувствую себя одурманенным.

Мои инстинкты вступают в силу, и я охватываю незнакомку одним быстрым взглядом. Она молодая, спортивная, скромно одета, но нет такой скромности в том, как она оглядывает меня своими широко раскрытыми изумленными глазами.

Святой Бог, у меня такое чувство, будто она только что провела своим языком по моему члену.

Когда ее глаза встречаются с моими, я вопросительно приподнимаю бровь, молча спрашивая ее: «*Это ты только что кричала мне, или нет?*»

Ее щеки заливают красивый оттенок розового, и я понимаю, что кричала ее подруга, та, что блекнет по сравнению с ней. Она не похожа на того, кто будет добиваться внимания от кого-то, вроде меня. Но она запустила все мои инстинкты охотника и теперь я хочу ее, и я получу ее.

Я подмигиваю ей, но могу сразу сказать, что она не чувствует себя игриво. Она выглядит потрясенной.

— *Кирк Дирквуд, «Молот», здесь для всех вас сегодня!* — кричит парень с микрофоном.

Я ухмыляюсь, когда поворачиваюсь, чтобы посмотреть, как Дирквуд запрыгивает на ринг и снимает свой халат. Сгибаю руки и сжимаю пальцы до побеления костяшек.

Мое тело отлично себя чувствует — каждый мускул разогрет и готов сокращаться. Я знаю, что я хорош, как черт, но хочу, чтобы и *эта* девушка знала. Я чувствую себя очень, очень по-собственнически, и я не хочу, чтобы она смотрела на кого-то, кроме меня. Я хочу, чтобы она видела, что я самый сильный, самый быстрый. Черт, насколько я знаю, я хочу, чтобы она думала, что я единственный мужчина на всем проклятом мире.

Кирк громоздкий, и медленный, как улитка. Он наносит первый удар, но я это вижу еще до того, как он начинает думать о движении. Я уклоняюсь и отвечаю ударом, который приходится ему в бок и он теряет равновесие. Она наблюдает за мной, я это знаю. Жар в ее взгляде заставляет меня драться сильнее и быстрее. Черт, я владею этим рингом. Я люблю все, что с этим связано. Я знаю его размеры, ощущение покрытия под ногами, тепло огня, светящихся на меня. Я никогда не проигрывал ни одного боя в «Андеграунде». Люди знают, что не зависимо от того, как сильно меня избивают, я всегда поднимаюсь и заканчиваю бой на своих условиях.

Но сегодня? Я чувствую себя *бессмертным*.

Толпа начинает скандировать мое имя.

— *РЕМИ... РЕМИ... РЕМИ.*

Это мой ринг. Моя толпа. Мой бой. Моя чертова ночь.

Затем я слышу этот голос снова. Не *ее*, а той женщины, с которой она пришла.

— Обожемой, ударь его, Реми! Просто нокаутируй его, сексуальный зверь!

Я угождаю, и сбиваю Кирка на пол сильным ударом. Вокруг вспыхивают крики. Рефери хватает и поднимает мою руку, и я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее, любопытствуя о выражении ее лица. У меня тяжелое дыхание и возможно, есть кровоточащие раны, но ничего из этого не имеет значения. Все, что имеет для меня значение — это проверить ее. Она видела, как я его вырубил, черт возьми? Я хоть впечатлил ее, или нет?

Она отвечает на мой взгляд, и мой желудок скручивается. Боже, из-за нее я становлюсь твердым. Она одета в эту красивую одежду, и я клянусь, что она самая изысканная из всех, кого я когда-нибудь видел в подобном месте. Тем не менее, во что бы она ни была одета, одежды слишком много и от нее нужно избавиться.

— *РЕМИ! РЕМИ! РЕМИ! РЕМИ!* — кричат люди.

Интенсивность их криков возрастает в то время, как ее испуганные золотые глаза поглощают меня, как и я пожираю ее.

— Вы хотите больше Реми? — ведущий радостно спрашивает толпу. — Ну что ж! Давайте сегодня подберём достойного соперника для Ремингтона «Разрывного» Тейта!

Черт, они могут вывести кого угодно, человека или монстра. Я так заряжен, я мог бы сразиться с двумя одновременно.

Периферическим зрением я слежу за ней, внимательно и неотрывно. В этой кружевной рубашке. В этих облегающих брюках. Я уже подметил, что она весит примерно 54 килограмма и ростом 170 сантиметров, где-то на голову ниже меня. В своей голове, я уже измерял ее грудь в своих руках и пробовал на вкус ее кожу своим языком. Внезапно, я замечаю, как она что-то шепчет своей подруге, поднимается на ноги и уходит вниз по проходу.

— А теперь, дамы и господа, нашему чемпиону бросит вызов Паркер «Террор» Дрейк!

Я в недоумении смотрю, как он уходит и в желудке образуется узел, когда остальная часть моего тела стягивается, готовясь идти за ней.

Толпа оживает, когда Паркер забирается на ринг, а все, что я могу делать — это смотреть, как она оставляет мою арену в то время, как каждая молекула во мне кричит, чтобы я заполучил ее.

Звенит колокол, и я не играю в игру отвлекающих ударов и ожидания, как всегда со своими противниками. Я смотрю в лицо Паркера, дарю ему взгляд, говорящий «*Извини, чувак*» и наношу ему *удар*, от которого он валится с ног.

Он со звуком падает и не двигается.

Толпа в ошеломлении замолкает. Диктору требуется какое-то время, чтобы заговорить, пока я жду, до чертиков разочарованный, мое сердце колотится в нетерпении, а я все жду, что Паркер останется лежать и начнется отсчет.

Он начинается.

Давай, ублюдок...

Я собираюсь выиграть чертов чемпионат этого года и меня не дисквалифицируют...

Просто назовите это нокаутом и пусть она услышит...

ДЕСЯТЬ!

— Ну и ну, это было быстро! У нас нокаут! Да, дамы и господа! Нокаут! И в рекордное время, наш победитель в очередной раз Разрывной! Разрывной, который сейчас спрыгивает с ринга и — *куда, черт возьми, ты идешь?*

Толпа сходит с ума, когда я приземляюсь на ноги в проходе, и их крики сопровождают меня всю дорогу в лобби. Они кричат мне в то время, как мое тело кричит мне, чтобы я поймал ее.

— *Разрывной! Разрывной!*

Мое сердце колотится, как бешеное. Она идет быстро, но черт, я бегу. Все мои чувства требуют от меня погони и захвата, и я получаю эту девушку. Хватаю ее за запястье и поворачиваю.

— Что за... — ахает она с широко раскрытыми глазами от шока.

Она такая красивая, у меня перехватывает дыхание. Красивый лоб, длинные ресницы с острыми кончиками, эти золотые глаза, этот изящный нос и эти губы, как зефирки. Мне нужно попробовать их на вкус как можно скорее. Во рту становится влажно, примитивный голод разгорается во мне.

— Твое имя, — рычу я. Ее запястье крошечное в моей руке, хрупкое, но я не собираюсь отпускать. О, нет.

— Э-э, Брук.

— Брук, а дальше? — рывкаю я, усиливая захват.

Ее запах возбуждает меня. Мне нужно найти источник этого запаха. Задняя часть ее ушей? Ее волосы? Ее шея?

Она пытается вырвать свою руку, но я усиливаю захват, потому что она никуда не пойдет, кроме как в мою спальню.

— Брук Дюма, — звучит голос позади меня, а затем сумасшедшая подруга, которая с ней была, выпаливает номер, который не запоминает мой идиотский мозг, потому что я все еще заиклен на ее имени.

Брук Дюма.

Я усмехаюсь, когда встречаю этот красивый золотой взгляд.

— Брук Дюма, — хрипло произношу я, медленно и глубоко, мой язык скручивается вокруг имени, когда я смакую его. Такое чертовски сильное, стильное имя.

Ее глаза расширяются в шоке, и она дарит мне голодный наивный взгляд, позволяющий мне увидеть, что она немного возбуждена, но и немного напугана.

Это сводит меня с ума. Мне нужно прикоснуться, почувствовать аромат, попробовать на вкус, утвердить. Я взрываюсь потребностью сказать ей, что ей стоит бояться меня, и в то же время все, что я хочу — это погладить рукой ее длинные волосы и пообещать ей, что я буду ее защитником.

Поддавшись импульсу, я скольжу пальцами к ее затылку, стараясь быть нежным, чтобы она не сбежала в то время, как в моей голове остается только одна мысль. *Взять. Ее.*

Не отрывая от нее взгляда, я оставляю сухой поцелуй на ее губах, медленно, пытаюсь не напугать ее, но так, чтобы она знала, кто я, и кем я буду для нее.

— Брук, — говорю я в ее мягкие губы, затем с улыбкой отстраняюсь. — Я Ремингтон.

Ее глаза встречаются с моими, и они такие металлически-золотые и чистые с чем-то, что я распознаю, как желание. Моя улыбка исчезает, когда я снова опускаю взгляд на ее губы. Они такие розовые и мягкие, я склоняю голову и беру их еще глубже. Кровь несется по моим венам, когда я погружаюсь в ее аромат. Я хочу эту женщину. Не могу ждать ни секунды, не попробовав ее, не взяв ее.

В одну секунду, она теплая и дрожащая в моих руках, слегка закидывает голову назад для большего, а в следующую нас окружает толпа, и кто-то чертовски безумный кричит мне на ухо:

— *Реми! Я ЧЕРТОВСКИ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! Реми!*

Брук Дюма, кажется, начинает двигаться, и быстро вырывается.

— Нет, — протягиваю руку, чтобы схватиться за ее белую рубашку. Но она со своей подругой убегают сквозь толпу, как юркие маленькие зайчики, а я застрял в толпе с двумя фанатками, которые только и повторяют:

— *Разрывной, Боже мой, пожалуйста, позволь мне коснуться твоего члена.*

— *Разрывной, ты можешь взять нас обеих!*

Когда они проводят руками вниз по моему прессу, я думаю: «*ЧЕРТ!*» и отталкиваю их руки прочь, затем срываюсь за ней. Когда добираюсь до лифта, двери закрылись, и я слышу, как она шумно поднимается на этаж уровня улицы.

— *Реми!*

— *Ремингтон!*

Гневно зарывав, я хлопаю ладонью по закрытой двери, затем уклоняюсь от входящей группы фанатов и, расчищая себе дорогу, направляюсь назад в раздевалку.

Не знаю, злой я, разочарованный или... я не знаю. Куда, черт возьми, она направилась? Она посмотрела на меня так, будто хотела, чтобы я ее съел; не даром я не понимаю чертовых женщин и никогда не пойму. Нахмурившись, я собираю свои вещи и ударяю кулаком об шкафчик.

— Побереги свои костяшки, Тейт! — бросает мне Тренер, собирая все мои вещи в красную сумку.

Я ненавижу, когда мне говорят, что делать. Так что я ударяю вторым кулаком в другой шкафчик, и на нем образуется такая же вмятина, как и на первом, затем, бросив свирепый взгляд на старика, хватаю свою гарнитуру, iPod и спортивный напиток. Следуя за своей

командой к нашей «Эскалейд», я зол, как черт, на себя за то, что позволил ей уйти. Пытаюсь сохранить ее номер на телефоне, по крайней мере, несколько цифр я помню.

— Тот нокаут был невероятный, чувак, ты сбил его с ног за три секунды! — смеясь, говорит Райли.

Я смотрю в окно на огни Сиэтла, постукивая пальцами по своему колену.

— Ладно, так что это было? Мы обсудим очевидное? — спрашивает Пит с переднего сидения. — Кого-то с длинными волосами? Ты, казалось, был одержим погоней, Рем?

— Я хочу, чтобы она смотрела мой следующий бой.

В машине повисает тишина, когда они понимают, что я отчаянно зациклился на ней.

Пит вздыхает:

— Ладно, я посмотрю, что смогу сделать. Мы также достали тебе пару девушек.

— Хороший ассортимент, — добавляет Райли. — Блондинка, брюнетка и рыжая.

И, когда мы поднимаемся в номер, они уже там. Они ждут меня. Три девушки с разноцветными волосами, ожидающие практически без одежды, готовые трахнуть Разрывного.

Их глаза загораются, когда они меня видят.

— Избавьтесь от них, — решительно говорю я и запираюсь в спальне.

После того, как с рекордной скоростью принимаю душ, я вытаскиваю свой ноутбук, я ищу *Сиэтл, Брук Дюма*, чтобы найти остальные цифры ее номера.

Хватая свою гарнитуру, надеваю наушники Dr. Dre и включаю громкую музыку, и в то же время ищу, ищу, ищу и затем...

Бинго.

Прокрутив вниз, я просматриваю несколько статей о Брук Дюма. В одной говорится о том, что она специалист спортивной реабилитации, который стажировался в академии Сиэтла. В более давних говорится, что она была спортсменкой на дорожке. Спринтером. Что-то странное происходит в моей груди. Я перечитал эту часть и, да. Спринтер.

Теперь я понимаю, почему она такая худенькая, спортивная и быстрая. Но у нее есть изгибы, каких я прежде никогда не видел у спринтера. Я сгибаю пальцы в ладони, проигрывая в голове, как поднималась и опускалась ее маленькая задорная грудь, когда она смотрела на меня. У меня текут слюнки, когда я вспоминаю ее аромат. *Черт бы меня побрал*. На YouTube я нахожу видео, где она на каких-то отборочных соревнованиях. Мое сердце снова начинает тяжело стучать, когда я снимаю наушники и нажимаю «воспроизвести». На ней коротенькие шорты. Ее волосы собраны в хвост. И я вижу ее длинные, худые, мускулистые ноги. Мой член набухает, и я неудобно сдвигаюсь и сгибаюсь, чтобы более внимательно рассмотреть, когда она занимает позицию. Группа срывается с места. Она начинает быстро...

Затем одна ее нога подворачивается. И она падает. Она лежит там, на земле, и начинает рыдать, изо всех сил пытаясь подняться. Что-то странное происходит в моей груди. Черт, она так сильно плачет, что ее тело содрогается.

Сжимая руки в кулаки, смотрю, как она самостоятельно пытается сойти с дорожки, в то время, как тупой зритель, записывающий видео, просто продолжал повторять: «Чувак, ее жизнь закончилась», снова и снова.

Камера фокусируется на ее лице, полном слез, и я быстро ставлю видео на паузу и смотрю на нее. Брук Дюма. Она выглядит так же, как и сегодня, но чуть моложе и намного более уязвимой. От выражения ее лица у нее образуется небольшая ямочка на подбородке, а

эти золотые глаза застилают слезы, так что я едва могу разглядеть их красивый оттенок цвета виски. Начинаю читать комментарии под видеороликом, которых довольно много.

Iw1ormw: Ходят слухи, что она занималась кроссфитом вопреки советам своего Тренера, вот колена и навернулось!

Trrwoods: Вот, что происходит, когда должным образом не готовишься!

Runningexpert: Она была хороша, но не великая. Ламаске бы и так выбила все дерьмо из нее на Олимпийских играх.

Мой желудок закипает.

Я смотрю видео еще раз, и мой желудок еще больше закипает.

С гневным рычанием я швыряю свой спортивный напиток через всю комнату и слышу, как она попадает в стену. Мне хочется уничтожить всех, кто насмехается над ней.

Сегодня она стояла на моей арене, пыталась выглядеть неприступно передо мной, была стойкой, как воительница, будто ей не пришлось пережить то, как мир однажды наблюдал за ее падением. В груди все сжимается так сильно, что я не могу нормально дышать, я рычу и закрываю свой ноутбук.

Пит стучит в мою дверь и слегка приоткрывает ее.

— Рем, ты уверен, что не хочешь поучаствовать?

Он шире открывает дверь и указывает на трех женщин позади него, их выжидательные глаза вглядываются в мою спальню. Они вместе вздыхают, а одна бормочет:

— Пожалуйста, Разрывной...

— Только один раз? — говорит другая.

— Я сказал избавиться от них, Пит, — я похрустываю суставами, затем своей шеей.

Дверь закрывается, и в номере оседает внезапная тишина, пока не возвращается Пит и снова открывает дверь.

— Ладно, чувак. Но я действительно думаю, что тебе следовало заняться ими.... В любом случае, Диана интересуется, желаешь ли ты сюда ужин.

Качая головой, я несущу свой iPad к столовой и усаживаюсь, чтобы на автопилоте с жадностью поглотить содержимое тарелки в то время, как Пит делает несколько звонков, подтверждающие наши резервирования отеля в Атланте на следующей неделе.

Когда я ем, то все, что я вижу — это золотые глаза, раскрытые губы и то, как Брук Дюма смотрела на меня, как лань, которая только что поняла, что на нее охотится хищник, который не сдастся, пока не поймает ее.

Я хочу, чтобы она была моей.

Моя.

Я чертовски хочу почувствовать ее аромат, потому что это так меня заводит, ее запах действует на меня, как ничто другое. Я хочу утешиться наблюдением за ней, прикосновением к ней и я хочу. Сделать. Ее. *Своей*. Хватая свой iPad, я снова ищу ее в интернете, не переставая жевать, и останавливаюсь на фото, где она еще бегала на длинные дистанции. Она, как газель, а я буду львом, который бросается за ней.

— Пит, как думаешь, мне нужен специалист спортивной реабилитации? — спрашиваю я.

— Нет, Рем.

— Почему нет?

— Ты мудака, дружище. Ты едва позволяешь массажистам массировать тебя больше двадцати минут.

— Сейчас это нужно, — протягивая ему Айпад, я касаюсь экрана и указываю на имя под ее фотографией. — Мне нужна она.

Пит заинтересовано приподнимает бровь.

— Нужна. Тебе нужна?

— Мне нужен специалист спортивной реабилитации в моем штате. Я хочу, чтобы она заботилась обо мне каждый день. Неважно, каким образом.

Он ухмыляется.

— Они не делают минет, скажу я тебе.

— Если бы я хотел минет, то смог бы получить только что три. То, что я хочу... — я еще раз указываю пальцем на ее имя. — Этого *данного* специалиста спортивной реабилитации.

У Пита брови подпрыгивают к линии волос, он откидывается назад и скрещивает руки на груди.

— Для чего именно она нужна тебе?

Я глотаю остаток пищи, затем делаю большой глоток воды.

— Я хочу ее для себя.

— Рем... — предупреждая, говорит он.

— Предложи ей зарплату, от которой она не сможет отказаться.

Пит отвечает мне озадаченным молчанием. Кажется, он растерян и пытается меня понять. Он смотрит мне в глаза, и я могу сказать, что он проверяет, какого они цвета, черного или синего.

Я не темный. Так что я спокойно жду. Он вздыхает, медленно записывает ее имя и осторожно говорит:

— Ладно, Ремингтон, но позволь мне сказать, что это прям образец *плохой идеи*.

Отодвинув свою тарелку в сторону, я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки.

Мой разум часто подводит меня. Бывает, что он говорит мне, что я бог. Бывает, что он говорит мне, что я не только управляю адом, я вообще изобрел его. Неужели Пит считает, что меня, черт возьми, волнуют *его* мысли по поводу *моей* идеи? Я больше не прислушиваюсь к своему разуму. Я слушаю только свое нутро.

— Я хочу, чтобы она смотрела мой бой в субботу, — напоминаю ему я, поднимаясь и засовывая стул под стол. — Достань ей лучшие места в помещении.

— Ремингтон...

— Просто сделай это, Пит, — говорю я, направляясь назад в свою спальню.

— У меня уже есть билеты, чувак, но нам хватает сложностей держать в секрете от Дианы твои... э-э, проблемы. Будет еще сложнее скрыть подобное от кого-то, вроде этого специалиста спортивной реабилитации.

Я упираюсь плечом в дверной проем спальни и думаю об этом. Я понижаю голос:

— Сделай так, чтобы она подписала контракт, так, чтобы у меня было гарантированное время с ней. И нейтрализуй меня в тот момент, когда я выйду из равновесия.

— Ремингтон, просто позволь мне достать пару других девчонок...

— Нет, Пит. Никаких других девушек.

Я запираюсь в своей комнате, хватаю свои наушники, затем просто лежу с плеером в руках и смотрю на него. На что это будет похоже, если я сделаю ее своей?

Я не обманываю себя мыслью, что она примет меня, но что, если да? Что, если она

может понять меня? Того, кем я являюсь? Две части меня? Нет. Не две части. Каждую. Отдельную. Чертовую. Часть. Меня. Мой желудок скручивается, когда я вспоминаю то, как ее глаза светились, когда она смотрела на меня. Как они смягчились после того, как я поцеловал ее, и она смотрела мне в глаза, желая больше меня.

Я никогда не видел такого взгляда прежде. Меня желали тысячи женщин. Никто не смотрел на меня с таким открытым, испуганным желанием, как она. Она не испугалась меня. Она испугалась «этого». Это то же, что сжимает мой желудок, сбивая меня. Каждая клетка моего тела гудит повышенной боевой готовностью. Каждый дюйм моей кожи бодрствует. Мои мышцы заряжены, как тогда, когда я готов к бою. Только я не готов драться сейчас. Я готов добиться для своей женщины.

Да поможет ей Бог.



ТОЛПА СИЭТЛА сегодня дикая. За рингом шум отражается от стен, отражается о металлических шкафчиков в комнате, где я готовлюсь с несколькими другими бойцами. Наблюдаю за тем, как Тренер перевязывает пальцы одной руки и все, о чем я могу думать — это то, что Брук Дюма где-то там, среди зрителей, сидит на одном из мест, которые я купил для нее.

Я так взвинчен, такое ощущение, будто я подключен к чертовой электрической розетке. Кровь стремительно стучит в моих венах. Мои мышцы свободные и теплые, готовые сокращаться и нанести удар всему, что станет на моем пути. Я готов разыграть чертово шоу, и есть одна девушка, одна милая девушка, из-за которой я весь на взводе, и я хочу, чтобы она смотрела мой бой. Передаю Тренеру вторую руку и смотрю на свои голые костяшки пальцев в то время, как он говорит мне те же инструкции, что и всегда.

Моя защита... терпение... баланс... Я отключаюсь, позволяя его словам просочиться сквозь меня и сквозь мое подсознание, где они уместны. Прямо перед боем, я нахожу спокойствие. Могу слышать весь тот шум, но ничего не слушать. Ясность приходит с борьбой. Каждая заточенная деталь в уме.

Эти настороженность и внимание заставляют меня поднять голову к двери. Там стоит она, как из какой-то детской мечты, и смотрит только на меня.

На ней белые джинсы и розовый топ, от которого ее кожа выглядит еще более загорелой, чем на самом деле, и такой сладкой, что моему языку становится больно. Ни один из нас даже не шелохнулся, пока мы смотрим друг на друга.

В поле моего зрения появляется Молот и, когда я вижу, что он направляется прямо к ней, во мне воспламеняется гнев.

В смертельном спокойствии, я выхватываю бинт у Тренера и отбрасываю его в сторону, направляясь к ней. Затем останавливаюсь прямо за ней справа таким образом, чтобы дать понять этому ублюдку, что я рожден для того, чтобы быть здесь. Рядом, позади и возле нее.

— Просто уйди, — предупреждаю я его низким, но смертоносным голосом.

Кажется, он не собирает слушаться, а вместо этого сужает глаза.

— Она твоя? — спрашивает, прищурив глаза.

Кивнув, я сужаю глаза, испепеляя его взглядом.

— Могу гарантировать, что она не твоя.

Мудак уходит, и я замечаю, что Брук не двигается в течение длительной секунды, как

будто она не хочет отходить от меня так же, как и я не хочу, чтобы она куда-то уходила. Боже правый, она так хорошо пахнет.

Я, как наркоман, наполняю легкие ее ароматом, и внезапно каждая часть моего тела желает схватить ее за бедра и привлечь к себе так, чтобы я мог вдыхать ее запах больше.

Она поворачивает голову ко мне и тихо бормочет: «Спасибо», но быстро уходит. Я наклоняю голову и вдыхаю настолько много, как могу, прежде, чем она уходит.

Остаюсь на месте, чувствуя головокружение, мои шорты до смешного натянутые.

— Разрывной! Молот! Вы следующие!

Делаю выдох, когда слышу свое имя, бросаю пристальный взгляд через комнату на Молота, которого, кажется, чертовски позабавило то, что я, очевидно, влип с этой девчонкой.

Он еще сильнее влип со мной.

— Ремингтон... ты меня слушаешь?

Я дергаюсь в сторону Тренера, который фиксирует ту повязку, которую он не смог закрепить. Я продолжаю кидать взгляды на Молота, когда Райли протягивает мне атласный халат, и когда я засовываю руки в рукава, то решаю, что Молоту лучше приготовиться к отдыху в коме на некоторое время.

— Я сказал, не позволяй этому подонку добраться до твоей головы. — Тренер постукивает костяшками по моим вискам. — И той девушке тоже.

— Эта девушка в его голове еще со времен первого боя здесь, — говорит ему Райли с ухмылкой. — Черт, он хочет таскать эту девушку повсюду в туре с собой, как аксессуар. Пит готовит проект договора, пока мы разговариваем.

Тренер тычет пальцем в мою грудь, и я чувствую, что он почти сгибается.

— Меня не волнует, что ты планируешь сегодня делать с той девушкой. Твоя голова остается в бое, на который ты сейчас идешь. Ты понял?

Я не отвечаю, но очевидно, я понял. Я не нуждаюсь в том, чтобы мне это говорили. Половина боя зависит от головы. Но Тренеру нравится чувствовать себя полезным, так что я просто киваю и рысью выбегаю. Я дрался всю свою жизнь, чтобы остаться в здравом уме. Чтобы быть сосредоточенным, энергичным и сконцентрированным. Но сегодня я дерусь, чтобы показать одной женщине свою ценность.

Я поднимаюсь на ринг и направляюсь в свой угол, и могу слышать, как толпа сходит с ума. Заставляет меня улыбаться.

В своем углу я сбрасываю халат и передаю Райли, а публика становится еще более дикой, когда видит мои мышцы.

Они выкрикивают мое имя, и я позволяю им знать, что я чертовски это люблю, посмеиваясь с ними, когда протягиваю руки и даю им знать, что я впитываю это. Каждую секунду, когда я делаю повороты, мое сердце стучит и стучит, оно возбужденно, потому что я чувствую золотые глаза на своей спине, почти прожигающие меня, заставляющие меня хотеть большего. Больше, чем то, что я получаю от этой дикой толпы. Больше, чем что-либо, что мне доставалось за всю мою жизнь.

Делая глубокий вдох, я продолжаю поворачиваться в ее сторону, мой желудок уже полностью стянулся в явном ожидании взгляда в ее глаза. Я хочу, чтобы она смотрела на меня, когда я обернусь. Знаю, что это даст мне прилив. То, как она пахла в раздевалке — так чисто и свежо — все еще разжигает кровь в моих венах. Я не знаю, что такого в этой

женщине, но все, о чем я в состоянии думать с тех пор, как впервые ее увидел — это охота. Преследовать. Утвердить. *Взять.*

— А сейчас, представляю вам, Молота!

Улыбаюсь, когда объявляют Молота, и наконец, скольжу взглядом туда, куда хочется и вот она. Иисус. Вот она. И она такая же, как я и хотел, смотрит на меня.

Она сидит, напряженная и красивая, с распущенными волосами на плечах с большими выжидающими глазами. Я знаю, что она ожидала, когда я повернусь к ней. Я почти вижу, как ускоряется ее пульс — мой ускоряется. Не знаю, что происходит. Это иллюзия? Или все происходит на самом деле. Не знаю, реальна ли она сама. Но я знаю, что скоро оставлю этот город, и я не уйду без нее.

Молот поднимается на ринг — *мой* ринг, на котором я не позволяю никакому ублюдку закончить, оставшись стоять на ногах — и я указываю на него пальцем... а затем указываю на нее.

Этот для тебя, Брук Дюма.

Она моргает в неверии, а мне хочется смеяться, когда ее подруга блондинка рядом с ней начинает кричать. Звучит колокол и моя мышечная память берет на себя управление, когда я становлюсь в позицию защиты, подпрыгивая на пальцах.

Мы движемся нога в ногу. Я делаю ложный удар, и Молот уклоняется, открывая свою сторону. Так что я наношу удар по его ребрам, чувствую, как удовлетворяющий удар поднимается по моей руке, и мы отскакиваем друг от друга. Молот туп. Он ловится на все мои ложные удары и никогда правильно не защищается. Я ударяю его достаточно сильно, чтобы заставить его упасть на канаты и опуститься на колени. Он качает головой и мгновенно вскакивает на ноги. *Я люблю* это. Мое сердце медленно стучит. Каждый мой мускул знает, где двигаться, что делать, куда направлять мою силу — прямо из моего центра, вверх к груди, к плечу, вниз по всей длине рук, к кончикам моих чертовых костяшек, которые ударяют с силой разъяренного быка.

Я побеждаю его, а затем делаю то же и с другим противником. И со следующим.

Мощная энергия накрывает меня с головой, когда я дерусь, а я дерусь, зная, что Брук Дюма наблюдает за мной. Если в моей голове есть что-то помимо победы, то это то, что я хочу, чтобы в своей красивой кругленькой голове она думала, что *никогда* в жизни не видела такого мужчину, как я.

К тому времени, как падает десятый парень, пот покрывает мою грудь и когда рефери поднимает мою руку, я с нетерпением жажду увидеть взгляд ее глаз. Я хочу увидеть, что ей это понравилось, что она — как и любой другой в этом помещении — думает, что я обалденный. Наши глаза встречаются, Мои внутренности застывают, горят от дикого желания, и я улыбаюсь ей, пытаюсь отдышаться. Когда рефери опускает мою руку, я пересекаю ринг, перескакиваю через канат и приземляюсь в проходе, наблюдая за тем, как ее губы раскрываются в шоке, когда я подхожу.

Люди сходят с ума, когда я вне ринга, и прямо сейчас толпа ликует.

Все в помещении кричат, аплодируя, скандируя. И я знаю, что все они видят, куда направлен мой взгляд и куда я иду.

— *Поцелуй его до потери сознания, женщина!*

— Ты не заслуживаешь его, сука!

— Вперед, девочка!

Я улыбаюсь этой женщине, которая украла мои мысли, и когда я задаюсь вопросом, хочет ли она, чтобы я поцеловал ее, она просительно смотрит на меня, почти умоляя меня *не* целовать ее здесь. Моя кровь закипает, когда я вспоминаю ее губы на моих, но этого не случится снова.

Нет, пока ты не будешь готова, Брук Дюма.

Я наклоняюсь к ней и вдыхаю запах ее волос, шепча в ее висок:

— Никуда не уходи, я пришлю кого-нибудь за тобой.

Я отстраняюсь, прежде чем упустить это, поднимаюсь на ринг, украдкой бросаю на нее последний взгляд. В моей груди происходит что-то странное, когда наши глаза встречаются.

— *Разрывной, народ!* — кричит ведущий.

Крики питают меня. Я поглощаю их с улыбкой, полной гордости и удовлетворения. Я могу видеть в каждом взгляде этих людей, что я мужчина. Но я хочу видеть это в ее глазах. Что. Я. Мужчина.

Мужчина, который хочет принадлежать Ей.



НЕТ ВРЕМЕНИ ждать Тренера, чтобы обсудить то, что я сделал. Я уложил десят парней, и чертовски устал. Но, в то же время, я заряженный, как черт.

— Хорошо сработано, парень. Я собираюсь прислать пару массажисток поработать над тобой, — говорит он, когда мы находимся в раздевалке, и хлопает меня по спине.

Молча, я хватаю пару напитков «Геторейд», чтобы пополнить силы и направляюсь к машине со спортивной сумкой, зная, что Пит с Райли скоро приведут ее ко мне. Я хочу ее.

В отельном номере, мой член полностью твердый и стоит, когда я принимаю душ, и мне приходится открыть кран холодной ледяной воды, подставляя под струи тело. Делая вдох, я закрываю глаза и упираюсь руками в стену, пока вода меня успокаивает.

Но, Боже, то, как она смотрит на меня, как пахнет... Скорее бы завтра, когда она будет работать на меня, я смогу чувствовать ее аромат в любое время, если захочу. А я хочу.

Когда я выхожу из душа в полотенце, внутри находится пара массажисток, которыхпустила Диана.

— Еда горячая, Реми, — зовет она из кухни.

— Не сейчас, — я хватаю лед из холодильника, и еще несколько бутылок «Геторейд», а затем сажусь у подножья своей кровати, мои мышцы истощены. У меня болит лицо, и я прикладываю лед к больному месту, когда женщины начинают работать надо мной. Они массировали меня последний раз и сразу начинают работать с моими руками и плечами, пока я внимательно ожидаю какого-то сигнала из гостиной. И затем я слышу это.

Предвкушение охватывает мой желудок, и я сверлю глазами дверь спальни. Пит заходит внутрь своей лучшей походкой, и что-то стягивается у меня в груди, когда я вижу, что она идет за ним.

Брук Дюма.

Боже, она забралась мне в голову.

Ее ноги выглядят стройными и бесконечными в этих узких джинсах, чтобы втиснуться в которые, она, должно быть, использовала масло, а мягкий розовый топ на ней такого же

оттенка, как и ее губы.

Мне нравится оттенок ее волос, темный и соблазнительный, слегка выгоревший от солнца, только с намеком на медь, и мне нравятся маленькие сережки в ее ушах. Она не носит почти ничего поддельного. Ни часов. Ни браслетов. Только маленькие серьги, и на ее губах что-то блестит. Все остальное в ней свежее и натуральное, как цветок, но даже цветы не пахнут так чертовски хорошо, как она.

Она изучает мою голую грудь, и я концентрируюсь на том, чтобы не моргнуть и не упустить то, как краснеют ее щеки, а ее глаза наполняются похотью. Мое тело напрягается от необходимости. Несколько дней у меня никого не было, а я не привык к такому воздержанию. Для меня это просто: если я хочу это — позволяю себе. Голодный? Ешь, мудака.

Но все, что я хочу есть сейчас — это *она*. Я хочу, чтобы ее руки были на моих плечах... Нет. Я хочу, чтобы мои руки находились на ее маленьких плечах. Но больше я хочу их на одежде, разрывая ее в клочья, чтобы я смог видеть ее саму.

Когда Брук смотрит на меня, а затем на массажисток, в легком замешательстве, я опускаю лед, допиваю «Геторейд» и отбрасываю в сторону.

— Тебе понравился бой? — спрашиваю я.

Она слегка вздрагивает от моего голоса, который стал грубым от обезвоживания, и мои губы изгибаются в улыбке.

Я хочу пробежаться пальцами по ее коже. Она была бегуном, и ее кожа видела солнце. Она выглядит такой теплой, как ее глаза, и более светлые локоны в ее красивых темных волосах.

Она молчит, раздумывая над вопросом. Как будто может быть другой ответ, отличающийся от того, который я всегда получал, и это очевидно «да». Не так ли?

— Ты делаешь бокс интересным, — наконец отвечает она.

Я немного потрясен. Она что, не является моей поклонницей?

— И это все? — спрашиваю я.

— Да.

Руки на моей спине и плечах начинают меня раздражать, и я дергаю плечами, чтобы сбросить их.

— Оставьте меня, — приказываю женщинам.

Женщины выходят, и она остается со мной наедине. В моем номере. Моей спальне.

В дюймах от моей постели. В дюймах от меня.

И снова, я становлюсь твердым, как камень. Помню, что она сидела с двумя женщинами и мужчиной, который, казалось, защищал ее. *Да, спасибо за ее защиту, чувак, но теперь я беру это на себя.*

— Парень, который с вами... Он твой парень?

В ее глазах загорается веселье и мне кажется, я вижу едва заметную улыбку в уголках ее губ.

— Нет, он просто друг.

— Ты не замужем? — я продолжаю спрашивать. Собственнически, я изучаю ее безымянный палец и вижу, какими тонкими и деликатными выглядят ее руки.

— Нет, никакого мужа.

Воздух становится статическим. Все мое тело готово оттрахать ее. Просто находиться рядом с ней ощущается сексуально.

— Ты была интерном в частной школе по реабилитации их молодых спортсменов?

Она выглядит удивленной, ее глаза загораются любопытством и недоверием.

— Ты искал обо мне информацию?

— Вообще-то, это делали мы, — Пит с Райли заходят в комнату, и она поворачивается в их сторону. Но я так же сосредоточен на ней. Я уже знаю, что они собираются сказать. Я сказал им, что, собственно, они сегодня сделают ей предложение.

— *Мисс Дюма... Я уверен, что вам интересно, почему вы здесь, так что давайте перейдем к этому. Мы оставляем город через два дня, и я боюсь, что нет времени сделать это по-другому. Мистер Тейт хочет нанять вас...*

Она выглядит такой удивленной, что я улыбаюсь внутри, даже, когда все мои внутренности напряжены. Я не хочу, чтобы она говорила «нет». Она удивила меня сегодня, отрицая то, что ей понравился мой бой. Если она и на это ответит «нет», я не приму это так хорошо.

Напряжение возрастает, когда она хмурится после объяснений Пита относительно того, что я хочу, чтобы она путешествовала со мной с места к месту. Мне не нравится то, как темнеют ее глаза.

— Чем вы думаете, я занимаюсь на самом деле? Я не занимаюсь проституцией, — говорит она.

Ладно, она не выглядит такой взволнованной по поводу работы, как я думал. Осторожно, я сажусь на скамейку и наблюдаю за ней, разрываясь между весельем и разочарованием от хода развития разговора. Пит и Райли взрываются смехом на ее слова; я нет.

— Вы нас не правильно поняли, мисс Дюма. Да, признаю, когда мы путешествуем, то находим удобным иметь одну или нескольких специальных подруг для мистера Тейта, чтобы, скажем так, удовлетворить его потребности до или после боя, — смеясь, объясняет Пит.

Ее левая бровь приподнимается, и сейчас мне хочется смеяться от того, как эти идиоты описывают меня. Но, черт, если она думает, что мое дружеское отношение к дамам — это что-то плохое, то, что будет, когда она узнает худшую часть меня. Внезапно, вся эта сцена вообще перестает быть забавной. Если я стану маниакальным до того, как смогу только приблизиться к ней, я буду чертовски огорчен. Но я также не могу просто взять ее в постель, и позволит уйти; я не хочу позволить ей уйти.

— Как вы уже, наверное, догадались, мисс Дюма, такой человек, как Ремингтон, имеет очень специфические требования, — говорит ей Райли. — Но он был очень убедительным в том, что больше не нуждается в таких подругах, которыми мы обеспечивали его во время нашей поездки. Он хочет сосредоточиться на важном, и поэтому он хочет, чтобы вы на него работали. Она смотрит на Райли, затем на Пита, и потом на меня, и выглядит она озадаченно, и это мило.

Пит листает папки.

— Вы практиковались в Военной Академии Сиэтла в спортивной реабилитации учеников среднего курса, и мы видим, что вы закончили только две недели назад. Мы готовы платить за ваши услуги на протяжении тура, который охватывает восемь городов, и включают работу над хорошей физической формой мистера Тейта для будущих соревнований. Мы будем вам хорошо платить. Как правило, это очень престижно —

работать с таким спортсменом, и это должно быть впечатляющим в любом резюме. Это могло бы даже позволить вам стать свободным агентом, если в будущем вы решите уйти.

Она моргает и выглядит полностью растерянной.

— Мне нужно подумать об этом. По правде говоря, я не ищу чего-то вне Сиэтла на длительный срок.

Она смотрит на меня как-то неуверенно и даже смущенно.

— И сейчас, если это все, что вы хотели мне сказать, мне лучше уйти. Я оставлю свою визитку на вашем баре, — она поворачивается и направляется к двери.

Мгновение, я чертовски разочарованно наблюдаю за тем, как она отступает назад.

Я несколько дней это планировал. Мне было интересно, на что это будет похоже, когда она будет рядом каждый день. Я становился твердым до боли, представляя то, как ее руки будут ощущаться на мне....

— Ответь мне сейчас, — говорю я, мой голос жестче, чем я ожидал.

— Что? — она оборачивается с удивлением, я приковываю ее глазами, молча давая ей понять, черт возьми, что хочу сделать здесь что-то хорошее, познакомиться с кем-то — познакомиться с *ней* — и не хочу, чтобы она плевала на это, будто это ничего не стоит.

— Я предложил тебе работу, и хочу получить ответ.

Оседают тяжелая тишина.

Она смотрит на меня, и я смотрю в ответ так яростно, что вокруг нас заряжается воздух.

С первой ночи, когда я увидел ее, я хочу только поцеловать ее. Я подарил ей легкий поцелуй, просто для того, чтобы она знала, что я собираюсь заполучить ее. Теперь мне хочется засунуть язык внутрь так, чтобы я смог удовлетворить эту дикую тягу узнать, какая она на вкус. Я хочу знать *все о ней*, каждый маленький шрам на ее колене, до идеальных контуров ее лица, до того, как она мыслит. И независимо от того, хочет она или нет, я хочу, чтобы она узнала *меня*. Она, кажется, делает вдох для смелости прежде, чем начинает кивать.

— Я буду работать с вами три месяца, которые нужны, чтобы совершить поездку, если вы обеспечите мне проживание, питание, дорогу и гарантируйте, что дадите мне рекомендации для приема на следующую мою работу, и позволите мне использовать тот факт, что я работала с вами, с моими будущими клиентами.

Ее ответ захватывает меня врасплох и, когда она поворачивается, чтобы уйти, я быстро останавливаю ее словами:

— Хорошо, — когда она поворачивается, я бросаю взгляд на парней. — Но я хочу, чтобы на бумаге было написано, что она не уйдет, пока не закончится тур.

Я поднимаюсь и направляюсь к ней.

Она снова смотрит, как я приближаюсь, этими перепуганными глазами олененка; они мягкие, как у лани, но намного красивее. Ее грудь поднимается и опускается, и мне нравится то, что она знает. Она знает, что здесь что-то происходит. Она в замешательстве, что я не преследовал ее, как она думала, но это хорошо. Потому что теперь мое преследование будет медленнее, и основательнее, так что, в конце концов, я смогу заполучить ее, быстро и жестко, как я привык силой брать все в своей жизни. Но она особенная, я хочу достичь самой сути ее существования, прежде чем она станет моей. И когда это случится, она станет мягкой и уступчивой ко мне, и я не отпущу ее.

Удерживая ее золотой взгляд, я нежно пожимаю ее руку, шепча:
— Мы заключили сделку, Брук.

ПРОШЛОЕ В АТЛАНТУ

В голове прокручивается изображение, в котором Пит с Райли приезжают в аэропорт без Брук Дюма, и оно мне не нравится. Проходя по самолету, вверх и вниз, я запускаю руки в карманы джинсов и выглядываю в окно, но там все еще не видно ни Пита, ни Райли, ни Брук Дюма.

Вытягиваю руки и щелкаю костяшками пальцев.

— Оставь это для ринга, парень, — ворчит Тренер, листая спортивный журнал, и я расслабляю пальцы и делаю глубокий вдох. Мне нужно тренироваться. В последнее время мне нужно тренироваться дольше и усерднее. Я чертовски возбужден, и даже при мысли о ней становлюсь твердым.

Я хватаю бутылку холодной воды из бара, и медленно ее выпиваю, пытаюсь расслабиться. Затем занимаю место на диване и надеваю наушники. Просматриваю музыку в поисках чего-то быстрого и тяжелого, выбираю песню и позволяю ей взорваться в моих ушах, и затем замечаю движение в передней части самолета. Все внутри меня замирает. Ничто так не влияет на меня, как взгляд на нее. И да, я пялюсь.

Я не контролирую свои глаза, когда они пробегаются сверху вниз по ее телу, пока Пит знакомит ее с Тренером и Дианой. Мое сердце начинает перекачивать кровь на юг моего тела, и я забываю о музыке, гремящей у меня в ушах. Она еще меня не видит, но я вижу ее. Каждый дюйм моего быстро затвердевшего члена чувствует, что она близко.

Ее круглая попа укрыта юбкой длиной до колена. Я пробегаюсь взглядом вниз по ее стройным отличным икрам и красивым лодыжкам к ногам в обуви типа балеток. Образ этих лодыжек, на моей поясице, когда я вхожу в ее тело, вспыхивает в моей голове.

Сжимаю руки в кулаки по бокам и заставляю себя сделать выдох, но моя кровь все еще готова к спариванию с ней.

Вижу, как Пит, наконец, направляет ее в мою сторону, и во мне пробуждается каждый первобытный инстинкт, когда она идет по проходу ко мне. Ее красивая загорелая кожа краснеет. Румянец покрывает ее лицо, распространяется по ее горлу и опускается в ее декольте, и мне хочется расстегнуть пуговицы ее топа и посмотреть, покраснела ли она до кончиков своей красивой груди. Боже, я хочу держать эту маленькую грудь и взять ее в рот, а больше всего, мне хочется увидеть выражение ее лица, когда я буду это делать. Отбрасывая мысли, я снимаю наушники, выключаю iPod и пялюсь на ее лицо. Она не только чертовски красива, но и взволнована, ее глаза сияют, пока она смотрит в мою сторону.

— Ты уже познакомилась с остальной командой? — спрашиваю ее я, грубым от возбуждения голосом.

— Да, — она улыбается искренней улыбкой, касающейся глаз, когда садится и аккуратно пристегивается ремнями безопасности. Ее мягкий выразительный голос оказывает на меня какой-то странный успокаивающий эффект. Но мой член все еще сильно упирается в молнию, и я понятия не имею, что с этим делать следующие несколько часов.

— Ты нанял меня из-за конкретной спортивной травмы, или скорее, ради

профилактики? — спрашивает она.

Скорее, чтобы я смог добиться тебя.

— Профилактики, — шепчу я.

Она кусает внутреннюю сторону щеки, осматривая меня, и понятия не имеет, что, пока она оценивает ширину моей груди, рук и моего торса, я изо всех сил пытаюсь не наклониться, чтобы поцеловать ее в губы.

— Как твои плечи? — спрашивает она, выглядя профессионалом. — Локти? Ты бы хотел, чтобы я поработала над чем-то перед Атлантой? Пит предупредил меня, что полет займет пару часов.

Да, где-то так, и к концу полета, мои яйца, должно быть, посинеют, но какого черта. Я так сильно хочу, чтобы она ко мне прикоснулась, что протягиваю руку, предлагая ей свою ладонь.

Она, кажется, немного удивлена, но охватывает ее обеими руками; и неожиданно от этого контакта у меня скручивается желудок. Тепло ее тела смешивается с моим, когда она раскрывает мою огромную ладонь своими маленькими пальчиками и начинает массировать, ища узелки. Ее пальцы сильные, но мягкие, а ее прикосновение является пыткой для моего либидо, но слишком приятным, чтобы это остановить.

— Я не привыкла к таким большим рукам. Руки моих студентов обычно легче массировать, — оживленно говорит мне она.

Мягкие пальцы царапаются о мозоли на моей ладони, когда мы разговариваем о ее студентах, и моих восьми часах тренировок в день.

— Я бы хотела заняться твоей растяжкой после тренировки. Обычно это делают твои ребята? — спрашивает она.

Я киваю, и мой ум мгновенно возвращается к тому видео на YouTube, которое я бесконечно пересматривал. Мне действительно чертовски жаль, что меня там не было, чтобы своими руками разбить камеру той тупой женщины.

— А что насчет тебя? Кто хлопчет над твоей травмой? — спрашиваю я, указывая на перевязку на ее колене, которую видно из-под юбки.

— Уже никто. Я покончила с реабилитацией, — она приподнимает бровь и выглядит встревоженной. — Ты тоже меня гуглил? Или тебе сказал кто-то из твоих ребят?

Я гуглил тебя, и мне хотелось кулаком пробить стену, затем забрать тебя и унести с той дорожки, и вылизать насухо твои слезы.

Когда она отпускает мою руку, понимаю, что теперь я хочу прикоснуться, так что указываю на ее колено.

— Давай посмотрим, что там.

— Не на что смотреть, — она, кажется, не в восторге от этой идеи, но, в конце концов, все равно поднимает колено. Я охватываю его одной рукой и расстегиваю липучки, мгновенно замечая шрам на ее коленной чашечке.

Я держу ее колено в своей руке, поглаживая большим пальцем, замечая ее худенькие мускулистые бедра, и напряженность в ее четырёхглавой мышце. Она сильная и стройная, но гибкая, как гепард. Я хочу ее. Не желая прекращать касаться ее, я изучаю ее шрам на коже, а она прикусывает губу и делает выдох.

— Все еще болит? — мягко спрашиваю я.

Она кивает и объясняет, что это двойная травма. Сначала у нее оборвалась ПКС

(передняя крестообразная связка колена) шесть лет назад, а затем снова два года назад.

— Больно от того, что не можешь соревноваться? — спрашиваю я.

Выражение ее лица смягчается, когда она удерживает мой взгляд и что-то невидимое тянет меня к ней, как раз тогда, когда я наблюдаю, что она немного наклоняется ко мне.

— Да, так и есть. Ты понимаешь, не так ли?

Медленно я опускаю ее ногу и вместо того, чтобы кивнуть, поглаживаю пальцем ее колено так, чтобы она знала, что я понимаю. Больше, чем она думает. Мы оба наблюдаем за тем, как я ласкаю ее и, Боже, это ощущается так правильно, что мне хочется переместить свой палец выше на внутреннюю сторону ее бедра и под юбку, так что прежде, чем я последую своему импульсу, я отстраняюсь, и протягиваю свою свободную руку, хрипло произнося:

— Займись этой.

Проверяя границы, скольжу рукой на сиденье позади нее, когда она берет мою руку и начинает с ней работать. Мои ноздри подергиваются от нашей близости; она не вырывается. Она пахнет... мылом и каким-то ягодным шампунем, а также собственным женским ароматом, сладким и теплым. Она прощупывает и ищет, а я открываю глаза и наблюдаю за ее лицом, мягким, но, тем не менее, сконцентрированным. Мое сердце бьется быстрее.

Она движется к моему запястью, переворачивает и прощупывает предплечье, и когда закрывает глаза с видом полного сосредоточения и удовольствия, мне хочется стонать, дразнить и смеяться над ней одновременно. Она выглядит молодой и невинной, а мои инстинкты охотника-добытчика набирают полную силу. Я уже охотился на нее и теперь я хочу заполучить ее... Решаю прикоснуться к ней. Дразнить ее. Хочу заставить ее улыбнуться. Черт, я хочу увидеть, как она улыбается *мне*.

Я охватываю ее за затылок и склоняюсь к ней.

— Посмотри на меня.

Она открывает эти золотые глаза, опускает мою руку и изумленно улыбается. Черт бы меня побрал, но она начинает возбуждаться со мной и каждый дюйм моего тела это знает.

— Что? — спрашивает она.

— Ничего, — улыбаюсь, но я распаленный, возбужденный и одновременно в восторге. — Я впечатлён. Ты такая скрупулезная, Брук.

Она улыбается почти невинно.

— Да, я такая. Подожди, я еще доберусь до твоих плеч и спины. Возможно, мне даже придется взобраться на тебя.

Она меня забавляет. Так, что я прощупываю ее бицепсы своими пальцами. Затем ее трицепсы и произношу: «Х-м-м», и когда я перемещаю ее руку на мой бицепс, ее глаза вспыхивают. Я люблю это. Знаю, что ей нравится то, насколько большим и твердым он является, но она притворяется, будто это не так и отвечает: «Х-м-м».

Мы смеемся. Мы смеемся, когда она, кажется, осознает, что Пит и остальные затихают и смотрят на нас.

Она вытаскивает что-то из своей сумки, а я свирепо смотрю на Пита, молча говоря ему: «Отвернись, придурок!»

Она откашливается и кладет на колени iPod с наушниками. Любопытствуя, я хватаю ее iPod, подключаю свои наушники и начинаю просматривать ее музыку, взамен вручая ей свой. У нее масса недавних песен и несколько более ранних, что я узнаю. Она снимает

наушники и отбирает назад свой iPod, возвращая мне мой.

— Кто может расслабиться под такую музыку? — возражает она.

— А кому нужно расслабление? — поддразниваю я.

— Мне.

Я отдаю назад ей свой iPod.

— Есть у меня парочка легких песен как раз для тебя. Послушай мои, а я послушаю твои.

Просматриваю свой iPod, точно знаю, какую песню ищу. Обычно я ее не включаю, но, когда она включается в плейлисте, я вслушиваюсь в каждое чертово слово, и сейчас потребность включить ее с каждой секундой становится все более интенсивной.

Песня, которую я слушаю из ее плейлиста дерзкая, но в основном я наблюдаю за ней, как она слушает песню, что я выбрал для нее.

Она склоняет голову, чтобы скрыть свой профиль волосами. Ее рука дрожит на iPod.

Я не выдерживаю и наклоняюсь вперед, чтобы поймать ее выражение. Я продолжаю слушать песню, которую она мне включила. О то, что она не будет писать для меня любовную песню. Это ничего. Ведь, на самом деле, она уже выбрала такую для меня.

Мои губы дергаются и у меня вырывается смешок, но она наклоняет голову вперед, слушая остальную часть песни.

Моя улыбка исчезает, тело напрягается. Черт, я хочу ее. Хочу, чтобы она поняла это. Хочу, чтобы она поняла меня.

Она тихо слушает «Iris» в исполнении Goo Goo Dolls, затем медленно снимает наушники и возвращает мне iPod.

— Не думала, что у тебя там есть медленные композиции, — бормочет она, не отрываясь от iPod, возвращая его.

Понизив голос так, чтобы слышала только она, говорю:

— У меня двенадцать тысяч песен, здесь есть все.

— Быть не может! — на автомате отвечает она, затем проверяет мой iPod и убеждается, что это правда. Боже, она восхитительна.

— Тебе понравилось? — тихо спрашиваю ее.

Она кивает.

Ее щеки краснеют, и требуется вся моя сила, чтобы не поцеловать ее. Вместо этого, я ищу другую песню на своем плеере и передаю его ей, включая «Love Bites», надеясь на то, чтобы она поняла, как сильно я ее хочу.

НАСТОЯЩЕЕ СИЭТЛ

— Ехать в кабриолете, когда ты застрял в пробке, совсем не весело, — задумчиво бормочет Пит пока, из-за пробки, мы сидим в машине, как манекены в витрине.

Люди, сидящие в машинах вокруг нас, пялятся.

— Ты разбил парочку сердец, просто сидя здесь, Рем, — хихикает Райли с заднего сидения, и указывает пальцем на машину, полную студентов.

Они начинают визжать, когда я смотрю в их сторону, и мои парни ржут.

Поворачиваясь прямо перед собой, сжимаю руку в кулак и надеваю обратно свое

кольцо, затем рассматриваю костяшки пальцев. Я, как никогда, готов к сезону. Брук уже упаковывает вещи Рейсера. Похоже, весь багаж самолета будет заполнен детскими вещами, колясками и всем тем, чем оккупировал нас Рейсер с тех пор, как родился. Мне чертовски сильно хочется, чтобы на одну ночь Брук была только моей, чтобы ей не нужно было выбираться из моих объятий и спешить к нему.

— Номер «Люкс» в отеле готов? — спрашиваю Пита, когда пробка, наконец, начинает продвигаться.

— Да.

— Мой iPod?

— Да. Взял его этим утром, и наушники.

— Все точно, как договаривались?

— *Все*, — говорит Пит.

Я смотрю на него с вызовом, но он жмет на газ, направляя машину вперед, и оставляя меня в раздумьях над словом «все».

Не могу дождаться, чтобы обнять ее.

Не могу. Чертовски. Ждать. Чтобы снова женится на ней.

В первый раз, когда я женился на ней, это происходило в городской администрации, а сейчас мы будем в настоящей церкви.

Я хотел предложить ей выйти за меня замуж, под песню, после финала сезона, но Рейсер решил появиться раньше, и в конечном итоге, я сделал предложение Брук в начале родов, в моих руках, тяжело дышащей от боли. «Песня должна была стать предложением тебе выйти за меня замуж, но тебе придется довольствоваться предложением в моем исполнении», прошептал я тогда, пристально смотря ей в глаза. «Ум. Тело. Душа. Все это для меня — ты. Ты — вся моя... Выходи за меня, Брук Дюма.»

«ДА!», — кричала она в ответ, смеясь и плача. «Да, да, да», повторяла она, и я так чертовски рад, что она продолжала говорить «да», потому что мне было недостаточно это слышать. Я хотел выиграть для нее чемпионат. Я хотел чувствовать себя достойным нее. Прямо тогда и там, одним единственным словом, она заставила меня почувствовать себя достойным.

Несколько часов спустя, я чуть не сошел с ума от боли, наблюдая за ее родами, и я думал, что не выдержу, пока не услышал первый плач нашего — *нашего* — ребенка. Я хотел девочку, такую же идеальную, как Брук, а вместо этого, она подарила мне то, в чем я нуждался, даже не зная об этом: кое-что идеальное, похожее на меня.

ПРОШЛОЕ

АТЛАНТА

Тяжелая груша раскачивается. Бух. Бах. Она раскачивается, из стороны в сторону, когда я направляю свой кулак в центр, левой, затем правой. Бух. Бах. Удар. Бух.

Тренер говорит, что я выделяюсь, а я не собираюсь распинаться и объяснять ему, на что *готов*, чтобы продемонстрировать перед ней свои возможности.

Я представляю себе Скорпиона, лицо моего заклятого врага, в центре груши и бух. Бум. Удар.

Когда я боксировал с профессионалами, все мной восхищались. Я был моложе, быстрее и сильнее — этому дерьму нельзя научить. У вас либо есть хороший удар, либо нет, и добротные кулаки — это все, что у меня было. Но, когда я смотрю на Брук, мне хочется найти другое применение своим рукам, провести ладонями и кончиками пальцев по каждому дюйму ее стройного маленького тела.

— Что у Ремингтона на завтрак? — спросила Брук у Дианы этим утром, зайдя в номер. Я оживился за столом, и когда Брук заметила, то улыбнулась и сказала:

— Доброе утро, Ремингтон.

То, как она произносит мое имя, ощущается так, будто она облизывает мое тело.

— Доброе утро, Брук, — пробурчал я.

Пит с Дианой наблюдали за нами, и их это явно забавляло.

Когда Брук поставила свою тарелку на стол и села напротив меня, я наблюдал за тем, как она направляет вилку в рот и внезапно испытал такое желание, что засунул морковку себе в рот. Она облизала уголок своих губ, и мне захотелось потащить ее к себе, усадить себе на колени и попробовать ее рот на вкус.

Я откинулся назад, когда Пит что-то сказал мне, захотелось смести все тарелки, положить ее на стол, схватить руками ее за зад и провести языком по ее спине до шеи, в то время, как мои пальцы будут работать над всеми ее мягкими и мокрыми местами. Я хмыкнул при этой мысли.

— Что? — спросил Пит.

Она посмотрела на меня.

Я хмуро посмотрел на Пита.

— Что? — сказал я.

Он покачал головой и встал, пока Диана спрашивала у Брук что-то о том, как она справляется со всеми этими мужчинами. Когда она засмеялась на это, мое тело напряглось, и я уставился на нее. Ее шея выгнулась назад, хвост ниспадал. Мне захотелось потянуть его вниз, откидывая ее голову назад и поцеловать ее.

— Ты закончил? — спросил Райли возле дверей. *«Ты закончил глазеть на нее?»*

Было понятно, о чем он думает.

Нахмурившись, я схватил свои вещи и мы ушли.

Теперь я набиваю груши — все, что есть — настолько быстро, насколько могу, и до сих пор не могу избавиться от всей этой дополнительной энергии. Остановившись на мгновение, я смотрю на нее на другой стороне, чертовски горячую в облегающей одежде для занятий, и готовую прикоснуться ко мне руками. Я так сильно их хочу, сегодня я собираюсь держать ее в своей комнате часами, чтобы она работала над моим телом.

Надо мной.

Несколько часов спустя, я готов и заряжен, находясь в раздевалке «Андеграунда». Мое тело активизируется, когда ринг-анонсер объявляет:

— *Ремингтон Тейт, «Раааазрывной»!*

По всей арене взрываются крики, проносясь сквозь меня. Я рысью выбегаю наружу и точно знаю, что делать, когда достигну ринга. Я устраиваю это небольшое представление для толпы, и не торопясь, бросаю халат в сторону, делая свои повороты, наслаждаясь криками, воздушными поцелуями, и направленными на меня плакатами.

— А сейчас, известный и знаменитый, Оуен Уилкс, «Ирландский Кузнечик»!

Кузнечик направляется к рингу, и в то время, как толпа приветствует его, я смотрю на Брук. Она сидит, распустив свои темные волосы, слегка улыбаясь своим сладким ртом, смотря на меня. И за все время, что я живу, я никогда не видел отсюда ничего более красивого.

Колокол возвращает мое внимание.

Я направляюсь в центр. Кузнечик в моем поле зрения, прыгает из стороны в сторону, как чертов трамплин. Скоро он устанет. Я выжидаю и наблюдаю за ним. Вижу у него открытую сторону. Размахиваюсь, наношу удар ему в живот, нокаутировав его.

— *Ремииииии!* — кричат люди.

Очередь моих противников продолжает возрастать, когда я пробиваю свой путь к Мяснику. Он весит вдвое больше меня и втрое шире меня, но это никого не волнует. Он проливает кровь, как и я. Он забирается на ринг с ловкостью котлеты. Затем смотрит на меня. Я смотрю на него.

Звонит колокол: *Бам.*

Мы занимаем позиции и не сводим глаз друг с друга поверх наших кулаков. Мясник популярен тем, что ожидает первого шага от соперника, но я терпелив. Мои кулаки несколько раз ударяют его в челюсть; я начинаю с легких быстрых ударов, затем отодвигаюсь, и Мясник наносит мне сильный удар в бок, от которого я отшатываюсь на шаг назад. У меня уходит мгновение на то, чтобы вернуться обратно в позицию. Делаю вдох через нос, затем мои руки начинают наносить множество ударов, и я поражаю кулаками, одним за другим, дряблый живот Мясника. Отступаю и наблюдаю, как он качается, и вместо того, чтобы защититься, я принимаю удар. Он ударяет меня снова.

— *Буу! Бууууууу!* — выкрикивает толпа. Вижу, что его кулак снова приближается, и я принимаю его своим лицом. Моя голова покачивается, а изо рта идет кровь. Так-то лучше.

Выпрямляясь, слизываю металлический привкус во рту. Он ударяет меня, и я опускаюсь на одно колено.

Крики усиливаются, и знаю, что, должно быть, вся арена смотрит на меня, но я только думаю о ее глазах, сосредоточенных на мне. Я вскакиваю назад на ноги и вытираю свои окровавленные губы. Эндорфины убивают боль. Бросаю взгляд на нее, но взгляд на ее лице заставляет меня сделать паузу. Она белая, как бумага. Черт, она выглядит готовой убежать. Я так чертовски озадачен беспокойством на ее лице, что получаю еще один удар. Этот выбивает меня из равновесия и прежде, чем я понимаю это, меня откидывает на веревки, такого никогда еще не случалось.

— *РЕМИ... РЕМИ... РЕМИ!* — начинает скандировать толпа.

Я весь в поту, мой рот все еще кровоточит, когда я выпрямился и заметил, что Брук больше не наблюдает за моим боем. Она опустила голову и смотрит себе на колени.

Твою мать.

Да, это отличный способ произвести на нее впечатление, чертов придурок.

Сжав челюсть, я выпрямляюсь и заглядываю в пронизательные карие глаза Мясника.

— Игра закончена, — рычу я и наношу один из своих самых сильных ударов, ощущая треск ребер под костяшками моих пальцев. Он мертвым грузом падает на пол, и толпа оживает ревом:

— *ДА!* — слышу общий крик, а затем скандирование, — *РЕМИ! РЕМИ! РЕМИ!*

Я стою, когда начинается подсчет, а в моей груди затягивается узел расстройства и разочарования, когда Брук до сих пор не смотрит на меня. Наконец, сквозь динамик взрывается голос диктора, когда рефери подходит, чтобы поднять мою руку.

— Наш победитель, дамы и господа! *Разрррррррывноооооой!* Да, голодные дамочки, кричите во все горло для самого плохого парня, которого когда-либо видел этот ринг! *Разрррррррывноооооой!*

Толпа начинает визжать мое имя, и я быстро спрыгиваю с ринга, хватаю «Геторейд» из ведерка у ног Тренера.

— Ремингтон, — рычит он.

Я качаю головой и направляюсь вниз по дорожке. Я мог сказать по его тону, что он хотел бы сказать пару слов, но я не в том настроении, чтобы получать выговор перед Брук.

Вернувшись назад в отель, назад в свой номер, я разваливаюсь на скамье у подножья кровати и жду, потягивая «Геторейд» и воспроизводя в голове симпатичную улыбку, которую она мне подарила перед боем.

К тому времени, как она заходит в мою комнату, я так горю желанием, что ощущаю, будто ждал эту девушку всю свою жизнь. Наши взгляды встречаются, и хищник во мне сходит с ума. Ее щеки покраснели, а ее ноги длинные и бесконечные в этих джинсах. Я хочу, чтобы эти ноги и руки обнимали меня, а этот рот под моим — шептал мое имя. Черт меня побери, *когда* я смогу взять ее? Ненавижу думать, что собираюсь сделать ее своей, а в день, когда моя темная сторона овладеет мной, она уйдет, отстранится, и она не подпустит меня, а я навсегда останусь приключением для мимолетных женщин. Секс-богом и игрушкой. Ничьим настоящим. Ничьим выбором. Ничьим чем-нибудь.

— Понравился бой? — спрашиваю я ее.

— Последнему ты сломал ребра, — говорит она мне, задыхаясь.

Я допиваю «Геторейд» и отбрасываю бутылку в сторону, заставляя себя ослабить узлы в груди.

— Так ты волнуешься за него или за меня? — не могу поверить, что чертовски ревную к Мяснику.

Уголки ее губ приподнялись в улыбке.

— За него, ведь это он не сможет завтра встать на ноги.

Затем — наконец-то! — она подходит и делает то, что я тайно желал, чтобы она делала. Она становится на колени между моими бедрами и начинает намазывать блестящей мазью рассечение на моей нижней губе. Я мгновенно становлюсь твердым. Ее сладкий аромат дразнит мои ноздри, и я заставляю свое тело не двигать ни одной мышцей, чтобы она не останавливалась.

Боже, она пахнет, как чертов ангел.

— За тебя, — слышу, как она внезапно признается мне тихим шепотом. — Я волнуюсь за тебя.

Я пялюсь на макушку ее головы, и мне хочется уткнуться носом в ее темные волосы и вдыхать ее аромат, пока не закончится мир. Она закрывает мазь, остается на коленях и, кажется, обдумывает, что делать дальше. Я хочу чувствовать ее руки везде на мне, так что я напрягаю свои башку, чтобы найти источник моих самых больших неудобств, помимо моего

члена.

— Брук, я повредил правое плечо.

В ее взгляде мелькает искра беспокойства и, когда она замечает мою улыбку, то закатывает глаза на меня и вздыхает.

— Учитывая, что ты, как бульдозер, было бы глупо надеяться, что ты переживешь эту ночь лишь с рассеченной губой.

— Ты собираешься исправить это?

Она становится на ноги и фыркает, будто ей не хотелось бы:

— Конечно. Кто-то же должен.

Я в восторге от нее, как она действует жестко и нахально со мной. Мне это нравится.

Она направляется к спинке кровати и хватает руками меня за плечи. Она умело массирует мои мышцы, и когда попадает в точку, начинает пробуждаться раздражающая боль. Я не обращаю на это внимания и сосредотачиваюсь на ощущении ее прохладных маленьких пальчиков.

— Этот уродливый ублюдок крепко сюда врезал. Да и вообще *крепко* прошелся по тебе. Сильно болит? — шепчет она. Ослабляет хватку на секунду для исследования, затем массирует еще глубже.

Она так сильно массирует, мысленно ухмыльнувшись, я задумываюсь, хочет ли она, чтобы я плакался, как слабак, и сказал «Да».

— Нет.

— Я натру тебя лечебной мазью, а потом проведем криотерапию.

Она звучит по-деловому, втирая какое-то приятно пахнущее масло мне в кожу. Слышу скользкие звуки от ее прикосновений к моей коже, и представляю себе, как оборачиваюсь, опускаю ее на кровать и становлюсь тем, кто проводит руками по всему ее телу. Тем, кто находит скользкую точку, которая издает звуки, когда я натираю ее пальцами.

— Больно? — спрашивает она.

— Нет.

— Ты всегда говоришь «нет», но в этот раз я уверена в обратном.

— В других местах болит сильнее.

— Какого черта? — двери люкса с грохотом захлопываются, и Пит врывается в спальню, визжа, как чертов банши.

— Какого? *Черта*? — спрашивает Пит.

Несколько секунд спустя, к нам присоединяется Райли.

— Тренер вне себя! — громко произносит он. — Все мы хотим знать, какого хрена ты позволил надрать себе задницу?

Руки Брук перестают массировать мои плечи и я клянусь Богом, мне хочется набить им морды за то, что лишили меня этого.

— Да или нет, ты намеренно позволил добраться до себя? — спрашивает Райли.

Я не отвечаю.

Но взгляд, который я бросаю в их сторону настолько ясен, что только стена не поймет гребаного смысла — *проваливать!*

— Тебе нужно потрахаться? — спрашивает Пит, указывая вниз на мои колени и болезненную пульсирующую эрекцию, которая проявилась у меня из-за нее. — *Не так ли?*

Брук бормочет что-то себе под нос и в момент, когда она уходит, Пит сосредотачивает свое внимание на мне:

— Чувак, ты не можешь позволять им делать это с тобой только для того, чтобы она к тебе прикоснулась. Послушай, мы можем привести пару девчонок. Что бы ты ни задумал, ты не можешь играть в эти проклятые игры, как обычный человек. Ты мучаешь себя, Рэм. То, что ты с ней делаешь — опасно.

Мое сердце бьется от гнева и разочарования. Она. Моя. Я должен ее добиться. Черт бы их побрал за то, что заставляют меня чувствовать себя так, будто я ее недостойн.

Черт.

Бы их.

Побрал.

— В этом году ты поставил все деньги на себя, ты помнишь об этом? — спрашивает меня Пит, как будто я чертов идиот, и не помню тот миллион других раз, когда он говорил мне это в панике. — Теперь ты обязан разгромить Скорпиона в финале, *не смотря ни на что*. Даже на нее, чувак.

Стиснув зубы, я сохраняю голос низким, борясь, чтобы сохранять самообладание под контролем, но Боже мой, мне хочется их стукнуть. Скорпион — ходячий труп. Ничто на этой земле или на этой планете не удержит меня от того, чтобы набить ему морду и получить титул, принадлежащий мне. Однажды он разрушил мою жизнь, и этого чертовски достаточно для меня.

— Скорпион, мать его, покойник, так что отвали.

— Ты платишь нам, чтобы мы не допускали подобного дерьма, Реми, — возражает Пит, дергая свой галстук и вышагивая вокруг.

Я поднимаюсь на ноги и смотрю на Райли, затем жду, когда Пит остановится и посмотрит на меня. Они мои ребята. Мои братья. Я плачу им много денег, чтобы они не допускали дерьма и не допускали совершения ошибок. Но я не совершаю ошибки с Брук. Иисус, я даже пальцем к ней не прикоснулся, хотя мысль о ней подо мной занимает большую часть моего мозга. Я тихо рычу:

— У меня. Все. Под контролем.

Пройдя мимо них, я хватаю свои спортивные штаны и футболку, затем закрываюсь в ванной, чтобы переодеться. Обнаруживаю Брук на кухне, разговаривающую с Дианой, и одного взгляда на ее кругленькую попку хватает, чтобы мой член захотел ее поприветствовать. Какой там, к черту, контроль. Я ходячее торнадо вождения, и все это из-за нее.

Подойдя ближе к ней, хватаю ее за руку и поворачиваю ее, чтобы она посмотрела на меня.

— Хочешь пробежаться со мной?

Я хочу побыть с ней. Наедине.

Если я пока не могу переспать с ней, то мне хочется быть с ней ближе. Хочу, чтобы она находилась в моем пространстве, так глубоко, что скоро я захочу, чтобы ее пространство и мое было одним и тем же — погрузиться в нее, обхватить, горячую и влажную, сжимающую меня, только мы, Брук и Ремингтон.

Могу сказать, что она встревожена той бурной энергией вокруг меня, а я ничего не могу поделать, но замечаю, как осторожно она осматривает мою побитую грудь.

— Реми, тебе нужно поесть, — с угла упрекает Диана.

Усмехнувшись ей, я хватаю галлон органического молока со столешницы и выпиваю его, затем вытираю рот тыльной стороной руки.

— Спасибо за ужин, — говорю я, затем бросаю взгляд на Брук, приподняв одну бровь и ожидая от нее ответа.

Девчонка тянет время.

— Брук? — говорю я.

Задумчиво нахмурившись, она продолжает посматривать на мою грудь.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает она, изучая меня проницательным взглядом врача, которым меня часто одаривали в лечебнице.

— Готовым к бегу, — я вглядываюсь в ее глаза, бросая ей вызов признать, что она тоже хочет быть со мной наедине. — *А ты?*

Я насчитываю восемь ударов сердца, а она до сих пор колеблется, сводя меня с ума, когда, наконец, кивает.

— Позволь мне только захватить кроссовки и надеть бандаж на колено.

Я киваю, и мой рот наполняется слюной, когда она выходит из кухни сменить одежду. Боже, эта девушка станет причиной моей гибели.

Мы бежим по хорошо освещенной грязной дорожке, обрамленной деревьями. Как только мы начинаем, я надеваю на голову капюшон, чтобы сохранить тепло, и размахиваю кулаками в воздухе, чтобы направить прилив крови в мышцы, а не туда, куда он направлен, когда она поблизости. Воздух прохладный. Она одета в шорты для бега и топ, облегаящий ее изгибы. Боковым зрением я вижу, как подпрыгивает ее грудь, как застывает ее попа, когда ее длинные ноги делают такие спринтерские шаги.

Это сводит меня с ума.

— Так что случилось с Питом и Райли? — спрашивает она.

— Ушли на поиски шлюх.

Она поднимает брови, когда я продолжаю наносить удары в воздух.

— Для тебя?

— Возможно. Кому какая разница.

Ее волосы, собранные в хвост, подпрыгивают и раскачиваются со стороны в сторону, и мне это нравится. Мне нравится то, как она подстраивает свой шаг к моему, как наши ноги касаются грязи в одно и то же время.

Мы пробегаем мимо пары других бегунов на дорожке, но не останавливаемся. Брук в форме, и она быстрая. У меня никогда не было напарника по тренировке, но клянусь, что мог бы привыкнуть к этому. К бегу с ней.

Мы легко преодолели четыре быстрые мили прежде, чем она останавливается, упирается руками в колени и указывает мне не останавливаться.

— Продолжай, я только восстановлю дыхание и дождусь, пока уймется спазм.

Я вытаскиваю из переднего кармана моей толстовки пакетик энергетического геля и протягиваю ей, затем подпрыгиваю на месте, чтобы сохранять тепло, и размахиваю кулаками в воздухе, когда раскрываются ее зефирные губы и она выдавливает пакетик на свой язык.

Черт.

Бы меня.

Побрал.

Вся моя кровь приливает к паху.

Кажется, я перестал подпрыгивать.

Я уверен, что даже перестал дышать.

Охренеть, она облизывает этот пакет прямо передо мной, и я буду проклят, если не буду просто стоять здесь и пялиться, как придурок.

— Осталось что-то? — спрашиваю я.

Она передает его мне. Не могу не заметить того, что она смотрит на меня так же пристально, как и я смотрел на нее, когда вставил это в рот. Это то, что я хочу сделать с тобой, думаю я, смотря на нее. Это то, что я хочу сделать с твоим языком, Брук.

Поглощая остатки геля с пакета, мое тело натягивается, когда ее вкус проходит сквозь меня. Пакет никогда раньше не имел такого вкуса. Сладкий, но слаще. Он такой чертовски теплый, и я так заряжен, что всасываю каждую оставшуюся каплю, смотря на нее. Ее ресницы светлее на кончиках, и они поднимаются вверх, когда она перемещает свой взгляд с моих губ к моим глазам. Глазам, которыми я чертовски поглощаю ее.

Боже, я хочу тебя. Я хочу тебя сейчас. Хочу тебя завтра. Хочу тебя в тот момент, когда ты будешь чертовски готова для меня.

— Это правда? То, что Пит сказал. Ты, правда, сделал это нарочно?

Она с любопытством удерживает мой взгляд, и я пытаюсь держать голову прямо, по-прежнему облизывая пакет. Я еще никогда не ждал так долго, чтобы добиться того, чего хочу, и я никогда еще не хотел чего-то так, как этого. Это сводит меня с ума. Ее грудь идеально выглядит в одежде для бега. Ее попа. Ее ноги. Она восхитительна, а я голоден. Я так чертовски жажду ее.

— Реми, иногда ты можешь сломать что-то, и больше не оправиться. *Никогда* не вернуться в форму, — говорит она уверенным голосом, кинув взгляд на улицу и проезжающие мимо машины.

И на ровном месте легкость ее вкуса ушла, а в груди ощущается тяжесть. Видео из YouTube проигрывается у меня в голове и инстинкт защитить ее от всего, что они сказали и от того, как они звали ее, только расстраивает меня, потому что я не могу совершить ошибку.

— Мне жаль, что так получилось с твоим коленом, — у меня не очень хорошо получается со словами, но когда я выбрасываю скомканный пакет в ближайшее мусорное ведро, мне хочется, чтобы у меня хорошо получалось. Я бы хотел сказать ей, что я чувствую, думая о ней, беспомощной и плачущей. Я собираюсь защищать ее с этого момента, даже если это последнее, что я делаю на этой планете.

— Дело не в моем колене. Дело в том, чтобы ты не принимал свое тело, как должное. *Не позволяй* кому-либо причинять тебе боль, не смей, Реми.

Я качаю головой, чтобы успокоить ее, но хмурюсь от мысли никогда больше не получать ударов. Она никогда не поймет, как сильно я жажду ее прикосновений. Не только сексуальных. Ее прикосновения сводят меня с ума. Я тоскую по этому. Я... тоскую.

Черт меня побери. Она такая красивая, а я такой разбитый.

— Я не позволяю, Брук. Я всего лишь подпускаю их поближе, чтобы поймать. Небольшая жертва ради победы. Пара ударов придает им уверенность, они начинают думать, что со мной все ясно, что я не такой крутой, как они слышали, что они легко могут навалить

Ремингтону Тейту, это опьяняет их. И вот тут я берусь за дело.

Ее глаза красиво оживляются.

— Ладно. Так мне больше нравится.

Мы продолжаем бегать, наши ноги бьют по грязи, наше дыхание ровное. Прямо здесь и прямо сейчас я являюсь обычным парнем, бегающим с девушкой и, Мать Божья, как я ее хочу.

— Думаю, мне пора. Завтра все будет болеть, лучше мне пойти спать сейчас, прежде чем потребуется, чтобы ты нес меня в отель, — говорит она мне.

— Я был бы не против.

В лифте отеля с нами едут несколько других людей, и инстинктивно я натягиваю капюшон ниже на голову.

— Придержите лифт! — кричит пара и Брук держит кнопку, пока они не заскакивают внутрь. Я хватаю ее за бедра и притягиваю ближе к себе, когда они заходят.

Затем опускаю голову, закрываю глаза и вдыхаю ее аромат. Мое тело мгновенно нагревается и я становлюсь таким возбужденным, представляю себе, как снимаю ее топ и провожу ладонями по ее коже, пока не заполучу ее грудь в свои руки...

— Ты чувствуешь себя получше? — спрашивает она, и ее голос как-то отличается от обычного.

— Ага, — наклоняю голову еще ниже, и мне хочется поцеловать место сзади ее уха. Приближаясь еще, желая, чтобы она не вырвалась, я размещаю свой рот на волосок от ее кожи.

— А ты?

Прямо сейчас от ее аромата у меня текут слюнки. Пот оказался ее лучшим аксессуаром. Она потная и восхитительная, и я хочу провести языком по ее шее. Моя рука сжимается на ее бедре, и мне приходится заставить себя отпустить ее, когда лифт останавливается на нашем этаже, и мы выходим из него. Она заходит в свою комнату, затем я направляюсь в свою, и вскоре уже стою под душем, настраивая воду настолько холодной, насколько это возможно и открываю рот, чтобы вода охлаждала мой язык, который все еще покалывает, после того, как я попробовал вкус пакета энергетика после нее. Охватываю себя рукой и закрываю глаза. Черт, я хочу ее. Я хочу это в ней. В ней и на ней.

Я сжимаю свою длину и затем двигаюсь назад так, что холодная вода проходит по всему моему телу и охлаждает меня. Это не работает. Так что мне приходится подумать о своих родителях. Финале. Скорпионе. И наконец, я достаточно охлажден, чтобы намылиться.

Когда я выхожу, чтобы вытереться, слышу снаружи женские голоса. Надевая футболку и спортивные штаны, я направляюсь на кухню.

— Эй, Рем, посмотри, что мы достали для тебя, — говорит Пит с гостинной и разводит руки в стороны.

Там стоят две девушки.

— *Реми*, — вздыхает блондинка.

— *Разрывной*, — говорит рыжая.

Сжимая челюсть, я качаю головой и направляюсь взять свои наушники с обеденного стола, где оставил их этим утром.

— Давай, чувак, они покажут шоу только для тебя, — Райли идет за мной на кухню, где я вытаскиваю кокосовую воду из небольшого холодильника.

— Я не в том настроении сегодня.

— Понятно. Ты жаждешь чего-то другого. Ничего страшного. Просто расслабься с нами, мужик.

Вздыхнув, я сажусь и выпиваю свой напиток, когда девушки начинают какой-то танец. Одна садится мне на колени. Другая танцует на журнальном столике. Ее тело правильно сложено и она охотно продемонстрирует это мне. Но то, что я хочу увидеть — это Брук в ее тренировочной одежде, с ее бандажом, маленькой грудью, подпрыгивающей вверх и вниз, когда она бежит. Нет. То, что я хочу увидеть — это Брук с обнаженной попой для меня. Я хочу, чтобы ее глаза сияли от желания. Я хочу знать размер, форму, текстуру и вкус ее сосков, и я, блин, хочу погрузить каждую часть себя, моего члена, моего языка, моих чертовых пальцев, внутрь нее, я хочу, чтобы она была *влажная*.

Черт меня побери, я хочу, чтобы она была такая влажная, хочу *услышать* это.

Раздается стук в дверь.

— Что случилось? — дуется девушка, сидящая у меня на коленях. — Маленькая птичка напела, что ты хотел поиграть с нами, Реми.

— Да? — спрашивает Райли того, кто стоит по ту сторону двери.

Я напрягаюсь, когда слышу приглушенный голос, у меня моментально встает и я понимаю, что это Брук.

— Кто это? — спрашиваю, когда Райли закрывает дверь. Я спихиваю девчонку со своих колен и поднимаюсь.

— Похоже, Брук что-то потеряла.

— Что она потеряла? — я чертовски уверен, что она наверняка увидела танцовщицу, и я чертовски уверен, что не хочу, чтобы она думала, будто я прикасаюсь руками к кому-то, кроме нее.

— Я не знаю, чувак! Она ошиблась! — кричит он.

Я направляюсь к двери и, когда вижу, что нет никаких признаков ее присутствия снаружи, иду вниз по коридору к ее комнате. Тянусь к дверной ручке, кладу на нее ладонь, и клянусь, она еще теплая. Упираюсь лбом в дверь, а мое сердце стучит, когда я напрягаюсь, пытаюсь услышать что-то за дверью, но нет ни звука.

Я стою здесь, как дурак. Думая о ее дыхании, когда она бегала со мной. То, как ее хвост подпрыгивал во время бега. Вид этих розовых губ вокруг пакетика энергетика именно так, как я желаю их вокруг себя.

Не знаю, как долго я так простоял, но я все еще здесь, когда пожилая пара проходит мимо и пялится на меня с жалостью, будто я какой-то бедолага, которого выгнали из собственного номера. Черт, я бы хотел, чтобы это был мой номер. Я направляюсь назад к люксу, достаю свои наушники из-под задницы блондинки, затем направляюсь в свою комнату. Ребята продолжают вечеринку снаружи. Они разочарованы, я знаю, но меня это не волнует. Я надеваю наушники и смотрю в потолок, когда включается музыка. Мне сегодня досталось. Я заставил свое тело ощутить сильное напряжение; я этого не чувствую. Все, что я чувствую — это чертовскую боль внутри, которую, как я надеялся, она каким-то магическим образом вылечит. Я твердый и пульсирующий, задаюсь вопросом, хочет ли она меня, становится ли она влажной при мысли обо мне.

Ребята думают, что я одержим ею, что теперь я могу стать маниакальным в любую секунду, и снова испортить себе жизнь, что я всегда и делаю.

Они настолько правы, я даже больше не смеюсь, когда они предупреждают меня.



У МЕНЯ БЫЛ влажный сон.

Я проснулся посреди ночи, толкаясь в матрас, рыча ее имя. Я не позволял себе кончать. Я рывком проснулся, ударил подушку, заорал в отчаянии и наполнил ванную холодной водой, затем погрузился в нее и оставался там, пока не взошло солнце.

Я никогда не был жаворонком, но сегодня плохое настроение и мое сексуальное неудовлетворение повисли надо мной, как туча с чертовыми молниями в голове.

Мои спарринг-партнеры? Никчемные. Они не могут провести хорошую спарринг-партию, а Тренер? Он раздражен, что я так легко уложил тех двоих.

— Это твои спарринг-партнеры, Тейт. Если бы ты перестал выбивать из них дух и просто отработывал движения, тебе было бы, с кем тренироваться сейчас... а так больше никого не осталось.

— Тогда перестань мне подсовывать этих слабаков, Тренер, — сердито плююсь я.

— Пришли Райли ко мне.

— Ха! Ни за что, даже если бы он захотел стать самоубийцей. Завтра он нужен мне в *сознании*.

— Хорошо, Рем, у меня для тебя кое-что есть, — вдруг отзывается чувак, о котором идет речь, потирая руки в стороне. — Я уверен, что этого партнера он не нокаутирует, Тренер, — говорит Райли, а затем весело указывает на Брук.

Я замечаю, как Брук — не кто-то там, а Брук Дюма — забирается ко мне на ринг. Мне хочется засмеяться. Это, как выставить котенка против льва, но я не смеюсь, потому что она одета в одежду из черной лайкры, которая обтягивает каждый ее чертовый изгиб. Мои глаза проносятся по ней и все мое тело цепенеет. Она начинает приближаться, покачивая бедрами и выглядя жестокой, будто планирует нанести мне ущерб.

Она мне так сильно нравится, что у меня болит в груди, когда я смотрю на нее.

Мне нравятся ее глаза, ее рот, ее улыбка, то, что она говорит. Мне нравятся ее белые маленькие зубы, ее стройные маленькие сильные руки. Ее длинные ноги бегуна. Оттенок ее кожи, загорелой и красивой. Мне нравится ее прическа. Меня привлекает каждый дюйм этой женщины, и каждый день бросает мне вызов держать себя в руках, когда мое нутро кричит мне. *Взять. Ее.*

— Не стоит так усмехаться, я могу уложить тебя одной ногой, — предупреждает она меня.

Она такая милая, не могу перестать улыбаться.

— Это не кикбоксинг. Или ты еще и кусаться собираешься?

Она размахивает ногой, а я с легкостью отклоняю ее одной рукой, приподняв одну бровь. Ну и ну. Она зла на меня?

Она снова начинает пинаться, и я отклоняюсь, затем наблюдаю, как она обходит меня, подпрыгивая вверх-вниз, разминаясь. Очевидно, она пытается лавировать, и она не только очень хороша, она и выглядит чертовски хорошо при этом. Мне хочется стоять здесь весь

день и позволять ей лавировать вокруг себя, даже ударить себя, если она этого хочет. Она пробует нанести удар. Я слишком хорошо натренирован. Мое тело движется автоматически. Моя рука поднимается, чтобы поймать ее кулак в ладонь.

— Нет, — мягко наставляю я, обвивая пальцами ее руку, и рассказываю, как правильно сжимать кулак. Она пробует, и я киваю. — А теперь используй вторую руку для защиты.

Довольно скоро она начинает игриво нападать, раскрасневшаяся и взволнованная, с блеском в глазах. Брук может атаковать сколько захочет, я в это время пялюсь, как подпрыгивает ее веселая маленькая грудь. Она хочет, чтобы я показал ей новое движение? Ну что ж. Я так и делаю, пользуясь случаем, чтобы прикоснуться к ней как можно больше. Она быстро учится, но в ее глазах есть что-то темное и кровожадное. Они убийственно сверкают, когда она на меня смотрит. Не знаю, из-за чего она взвинчена, но знаю, что если бы она была моей, я бы поцеловал ее так крепко, что она забыла бы обо всем, кроме моего языка в ее рту.

Она наносит удар кулаком в мой пресс, и я так захвачен врасплох ее скоростью, что моргаю.

— Как же я хороша, — насмехается она.

Черт, это самый горячий поступок, который совершала со мной женщина. Она реально *бьет* меня. Я сейчас слишком отвлечен. Вот она. В моем ринге. Первая женщина, которая поднялась сюда ко мне, и я уверен, что Бог сделал ее такой смелой только для того, чтобы она могла подняться ко мне. Я такой эгоист. Считаю, что все в ней создано для меня. Чувствую собственничество. Я хочу заявить о правах. Хочу положить ее, раздеть и подчинить себе.

Она размахивает ногой и вскрикивает, когда ее нога ударяет меня по кроссовку. Мгновенно я ловлю ее за руки, хмурясь в замешательстве.

— И что это было?

Она сердито смотрит.

— Ты должен был упасть.

— Ты смеешься надо мной, да?

— Я опрокидывала мужчин намного тяжелее тебя!

— Чертово дерево легче опрокинуть, чем Реми, Брук, — кричит Райли.

— Ну, *теперь-то* я вижу, — ворчит она, затем прикладывает руки ко рту и кричит Райли, — Спасибо за предупреждение, Райли.

Я так раздражен, что из-за *меня* она поранилась. Веду ее, подпрыгивающую на одной ноге, в угол, где ставлю стул, сажусь и притягиваю ее к себе, усаживая так, чтобы я смог осмотреть ее лодыжку.

— Допрыгалась?

И она говорит, что это я безрассудный? Что это я намеренно врежу своему телу?

Она считала себя лучше моих противников на ринге, или *какого черта*?

— Я просто *неправильно* перенесла вес на лодыжку, — признает она.

— Почему ты вообще меня ударила? Ты злишься на меня? — спрашиваю я.

Она хмурится:

— С чего бы мне на тебя злиться?

Черт меня побери, я знаю, что она сердита, я не идиот, и хочу узнать, какого черта я сделал. Если прямо сейчас я ей не нравлюсь, тогда у меня нет ни единого шанса на это, когда я стану маниакальным. Хуже. Когда впаду в депрессию, как какой-то неудачник.

— Это ты мне скажи.

Она наклоняет голову, делает вдох, на ее шее блестит пот.

— Эй, можно нам немного воды сюда? — зову я.

Райли приносит «Геторейд» и бутылку обычной воды и ставит мне у ног.

— Мы сворачиваемся, — говорит он нам, наклоняясь, чтобы лучше видеть ее. — Ты в порядке, Би?

— Все классно. Обязательно позови меня завтра. Не могу дождаться возвращения на ринг с этим чуваком.

Пока Райли смеется, отворачиваясь, я проверяю ее лодыжку своими пальцами, прощупывая.

— Так больно, Брук? — спрашиваю я как можно осторожнее, а затем ее пальцы присоединяются к моим вокруг ее лодыжки.

— Ты вешишь целую тонну, — говорит она мне. — Если бы ты весил немного меньше, я бы повалила тебя. Я даже смогла сбить с ног своего инструктора.

— Что я могу сказать? — я сбит с толку, всматриваюсь в ее лицо, желая прочитать ее мысли.

— Что тебе жаль? Ради спасения моей гордости?

Я качаю головой, раздраженный тем, что она попробовала сделать такой трюк со мной — мной. Сгибаясь, она хватается «Геторейд», выпрямляясь, откручивает ее, и внезапно у меня закипает кровь в жилах, когда она потягивает напиток. Ее шея, то, как гладкие длинные сухожилия работают, когда она делает глотки, черт меня побери. Мой член болезненно набухает под ее попой и голосом, охрипшим от возбуждения, я спрашиваю:

— А мне можно?

Когда я прикасаюсь губами к горлышку бутылки, оно влажное после нее, и от того, как она наблюдает за мной, у меня болят яйца. Мне хочется отбросить это дерьмо и пить прямо из ее рта. Вместо этого, я возвращаю «Геторейд» и убеждаюсь, что прикасаюсь своими пальцами к ее, потому что я дьявол, и мне нужны прикосновения. Я удерживаю ее взгляд, когда прикосновение молнией проносится вверх по моей руке, и никто из нас не смеется.

Она пытается встать, и я инстинктивно забираю бутылку и кладу ее, затем обнимаю рукой ее за талию.

— Я помогу тебе приложить лед.

Она упирается на меня, когда я опускаю ее с ринга и помогаю ей выйти из зала, ее рука обнимает мою талию.

— Да все в порядке, — продолжает говорить мне она.

— Хватит спорить, — мягко командую я.

Она продолжает держаться за меня рукой, когда мы заходим в лифт гостиницы, затем притягиваю ее ближе к себе, когда мы поднимаемся. В профиль ее нос выглядит очень изящным, а этот ровный розовый рот всегда так выглядит, что соблазняет меня поцеловать его. Ее аромат щекочет мне ноздри, и будто руководствуясь собственным умом, мой нос опускается ниже, когда я пытаюсь найти источник этого вкусного запаха. Святой Бог, мне хочется слизать весь этот сексуальный пот с ее шеи.

Одна из ее крепкой приподнятой груди мягко прижимается к моей грудной клетке и это все, о чем я могу сейчас думать. Я болезненно осознаю то, что эта милая маленькая грудь прикасается ко мне сбоку, когда мы выходим из лифта.

— Эй, парень, готов к бою? — спрашивает сотрудник отеля через весь коридор, и я показываю ему большой палец, пока мы идем к ее номеру.

— Ключ, — шепчу ей.

Она возится, затем я спокойно забираю его из ее руки, вставляю в щель и помогаю ей зайти внутрь. Возле первой кровати на тумбочке расположена куча семейных фотографий. Я усаживаю ее на вторую кровать и хватаю ведро.

— Я принесу тебе льда.

— Все в порядке, Реми, я позже это сделаю, — возражает она.

Я оставляю дверь незапертой и направляюсь по коридору, чтобы набрать половину ведерка льда. Когда возвращаюсь в комнату, добавляю немного воды.

Ее лицо розовое от смущения, когда я становлюсь на колени у ее ног и ставлю ведро на ковер, а черный цвет ее комбинезона только усиливает персиковый оттенок ее кожи. Снимаю ее кроссовок и носок, затем охватываю рукой ее икроножную мышцу и направляю ногу в холод.

— Когда починим тебя, я покажу тебе, как меня повалить, — шепчу я, поднимая глаза к ее и, Боже, я смог бы съесть ее. Съесть. Ее. Она покусывает свою нижнюю губу, ее глаза широко раскрыты и почти беззащитные, когда она позволяет мне ввести ее ногу в то, что должно приравняться к ледяным водам Антарктиды.

— Холодно? — спрашиваю.

Она звучит так, будто у нее перехватило дыхание:

— Ага.

Медленно, я окунаю ее ногу глубже, и она полностью напрягается, а с ее лица исчезают все эмоции. Я разрываюсь между желанием перестать мучить ее и вылечить ее лодыжку.

— Добавить больше воды?

Она качает головой и затем удивляет меня, когда засовывает ногу полностью в воду.

— Вот черт! — выдыхает она. И я знаю, что должен удержать ее ногу там несмотря ни на что, но мой инстинкт защитить ее настолько усилился, что я вытаскиваю ее ногу из воды, прижимая ее к своему прессу, чтобы согреть теплом своего тела. Мои мышцы от неожиданности сжимаются, а ее широко раскрытые удивленные золотые глаза в шоке останавливаются на моем лице. Каждый из ее крошечных холодных пальцев обжигает мою кожу, а я так хорошо научил свое тело принимать боль, что мне хочется почувствовать их ближе. Я охватываю рукой ее стопу и удерживаю.

Она затаила дыхание. От холода. Или из-за меня? Ее голос также звучит слабо.

— Не знала, что ты занимаешься педикюром, Реми.

— Такой уж у меня фетиш.

Я лениво улыбаюсь, затем вытаскиваю кубик льда и нежно провожу им по ее лодыжке. Убеждаюсь, что ее кожа не горит, когда я это делаю, и я двигаюсь достаточно медленно, чтобы слышать, как ускоряется ритм ее дыхания. Перевожу свою руку на стопу и массирую пальцем изгиб, продолжая ласкать ее кубиком льда.

Ее голос дрожью проходит сквозь меня, будто перышком поглаживая мои внутренности.

— Ты и маникюр умеешь делать?

Я поднимаю взгляд на нее на кровати, смотрящую на меня так, как смотрят женщины,

когда хотят отдать себя, и хищник во мне настолько готов, что я тоном своего голоса позволяю ей узнать, о чем я думаю, что я действительно хочу, когда говорю:

— Давай я сначала закончу с ногой, а потом займусь всем остальным.

Я продолжаю свои действия со льдом и, когда прикосновение ее ноги к моему прессу ощущается, как ласка, сквозь меня проходит удар молнии.

— Уже лучше? — хрипло спрашиваю я, а мой мозг кричит мне поцеловать ее. Она выглядит так, будто хочет этого. Ее розовые губы раскрыты. Ее глаза сияют от жара, когда она смотрит вниз на меня. Ее нога на моем животе ласкает квадратики моего пресса, причем не случайно. Мои руки охватывают ее ногу, и я жажду опустить голову и облизать ее пальцы, изгиб ее ноги, вверх по ее ноге. Мне хочется снять этот облегающий комбинезон с ее тела, почувствовать ее кожу своими губами, пальцами, костяшками пальцев, ладонями. Меня тянет к ее силе и сладости, ее смелости, которая пробуждает во мне желание прижать и дразнить ее, которая вытаскивает *меня* из моей собственной пещеры, моих собственных стен, если только для того, чтобы поймать ее и занести обратно в пещеру вместе со мной.

Я не знаю, как это называется, или может, знаю.

Это единственное в жизни, с чем я не хочу бороться.

Впервые в моей жизни я думаю о чем-то, кроме траха и драки. Мне хочется позаботиться об *этой* девушке. Думаю о том, как хочу жестко ее трахнуть и мягко поцеловать, крепко держать и нежно посасывать, когда она резко говорит мне:

— Да, уже намного лучше. Спасибо тебе.

Мы занимаемся каким-то перетягиванием ее ноги, когда она пытается освободить ее, а я не слишком рад отпустить, и затем открывается дверь и появляется Диана.

— Вот ты где. Я должна накормить тебя, чтобы ты восстановил силы до завтра!

Я пялюсь на Брук, сбитый с толку, как черт и то, как она смотрит на меня, будто я вообразил себе связь между нами, чертовски запутывает меня. Какого черта? Прямо сейчас я мог бы поспорить на свою жизнь, что она хотела меня так же сильно, как и я ее. Я бросаю лед в ведро и опускаю ее ногу.

— Мне *жаль*, что так вышло с твоей лодыжкой, — говорю я ей. Она хотела, чтобы я извинился и теперь получает это. — Не волнуйся, если не поправишься до боя.

— Нет. Это не твоя вина. Я буду в порядке, — спешит она сказать.

Я все еще сбит с толку, когда поднимаюсь.

— Я скажу Питу найти для тебя какие-нибудь костыли.

— Я буду в порядке. Так мне и надо, буду знать, как наезжать на деревья, — отвечает она, когда я направляюсь к двери.

Я останавливаюсь и смотрю на нее, пытаюсь прочесть и, на мгновение, она смотрит на меня, выглядя такой же запутанной, как и я себя чувствую.

— Удачи, Реми, — говорит она.

Подавленный огромным разочарованием, я подумываю пройти через комнату и накрыть ее рот своим, даря ей настолько чертовски влажный и глубокий поцелуй, что в ее голове не останется сомнений о том, что она *моя*. Вместо этого, я провожу руками по волосам и выхожу, затем направляюсь прямо в свой номер, где знаю, что найду Пита либо за ноутбуком, либо с телефоном.

— Найди кого-то, чтобы осмотрел растяжение Брук. Достань ей какие-нибудь гребаные костыли. И организуй завтра после боя две машины, я хочу быть с Брук наедине, — я пересекаю гостиную в поисках еды.

Пит звонит консьержу.

— Желаете «Эскалейд» или ты бы хотел, чтобы кто-то отвез тебя? — его крик застаёт меня на кухне, когда я поглощаю еду, приготовленную Дианой.

— Достань мне водителя, хочу, чтобы мои руки были свободными.

ПРОШЛОЕ

ОНА ДЕРЕТСЯ

Я разогрелся и полностью готов.

Делая растяжку для ног и подпрыгивая на месте, я сжимаю пальцы и поворачиваю голову в одну сторону, затем в другую. Райли поднимает три пальца вверх, и я готовлюсь выйти на три. После еще пары прыжков, я снимаю наушники, надеваю халат, а затем жду, когда слышу это:

— А сейчаааас, дамы и господа, приветствуем: *неповторимый*, Ремингтон Тейт «РАЗЗЗЗРЫВНООООООЙ»!

Продвигаясь по дорожке, выхожу, следуя за объявлением, затем запрыгиваю на ринг, снимаю халат и отдаю ее ребятам в углу. Шум становится громче, когда я распахиваю руки и поворачиваюсь вокруг, оглядывая свою толпу. Сотни голов повернуты в мою сторону, размахивают плакатами и всяким дерьмом в воздухе, когда от имени *Разрывного* содрогается потолок.

Мои руки все еще вытянуты, я продолжаю делать повороты, осматривая толпу, пока мои глаза не останавливаются на ней. Брук Дюма. Сидящей именно там, где я и хочу. Она в окружении фанатов, которых Пит с Райли приводили в мою комнату, и у них нет ни единого преимущества над ней. У нее распущены волосы, а ее улыбка, твою ж мать, ее улыбка только для меня. Я улыбаюсь ей в ответ, думая, «это для тебя».

Затем я сосредотачиваюсь на своем сопернике, жду звука колокола и нокаутирую его. Работая в поте лица, я валю второго бойца, третьего. На четвертом и пятом я продолжаю делать джебы, хуки, двойные удары, удары прямой мощности, вести борьбу, атаковать и защищаться.

На восьмом я блокирую мощный удар его левой руки, затем наношу удар по ребрам и заканчиваю с ним апперкотом в челюсть, что окончательно его вырубает с глухим *стуком*. Он пытается встать, но резко падает вниз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Толпа взрывается, когда мое имя заполняет помещение.

— *RRRRRRRAAAAAЗРЫВНОООООЙ!* — рефери поднимает мою руку и у меня перехватывает дыхание, когда ринг-анонсер кричит, — Наш победитель, леди и джентльмены. Разрывнооой!

Крики почти оглушительны и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. Улыбка на ее губах такая идеальная, что я не могу дождаться, когда поцелую их.

У меня уходит пять минут на то, чтобы принять душ и переодеться в отеле, затем я прохожу через лобби туда, где ждет Брук на заднем сидении черного «Линкольна». Забираюсь внутрь, закрываю за собой дверь и, когда я занимаю свое сиденье,

касаюсь её руки. Я осторожно наблюдаю за ней, ища какие-нибудь признаки того, что она хочет отодвинуться.

Мы вливаемся в поток транспорта.

Брук до сих пор не возразила.

Так что я провожу подушечкой большого пальца по ее ладони, наблюдая за ее реакцией. Она делает быстрый вдох и то, как ее грудь поднимается в ее блестящем топе, делает меня твердым. Думаю о том, как провожу пальцем вверх по ее руке к тонкой шее, затем направляю его к этому пухленькому розовому рту, который хочу почувствовать везде на себе.

— Тебе понравился бой? — произношу я низким и хриплым голосом.

Она смотрит в окно, профиль её задумчивого лица заставляет меня хотеть чертовски умолять ее.

— Нет, мне не понравилось, — признает она, когда ее глаза, наконец, возвращаются к моим. — Ты был великолепен! Я в восторге!

Эти слова поражают меня такой радостью, что я смеюсь, хватаю ее руку, подношу к своему рту и провожу губами по маленьким горбикам костяшек ее пальцев, не отрывая от нее взгляда.

— Хорошо, — бормочу я, глядя ей в глаза. У меня идут все усилия на то, чтобы отпустить ее. Но я хочу, чтобы сначала она привыкла ко мне. Хочу, чтобы она почувствовала мой запах, почувствовала меня прямо здесь. Хочу, чтобы она почувствовала тепло моего тела и привыкла ко мне. К моему присутствию. Ко всему, что касается меня. Сейчас, когда я сижу рядом с ней, я хочу, чтобы это был последний раз, когда ее плечи были напряженными и жесткими.

Вскоре, мы доезжаем до клуба. Я помогаю ей выйти из машины и, когда она кладет свою маленькую руку в мою, я чувствую себя таким чертовским собственником, что не отпускаю ее. Хочу, чтобы каждый мужчина, смотрящий в ее направлении, знал, что она *моя*, черт возьми. Молча веду ее мимо вышибал к приватному залу в конце здания.

— Я заказал Питу приватный танец, — у дверей комнаты говорит мне Райли, и я разочаровываюсь, когда Брук незаметно освобождает свою руку от моей. — Ты же не против, это вроде, как подарок на день рождения? — спрашивает он меня.

Мы все наблюдаем за тем, как женщина в сверкающем серебристом бикини направляется к Питу, который выпучил глаза. Брук поеживается рядом со мной, и Райли переключает свое внимание на нее, приподнимая брови.

— Тебя это смущает, Брук? — изумленно спрашивает он.

Нежно-розовый оттенок окрашивает щеки Брук и сквозь меня проносится собственнический порыв. Я снова хватаю ее за руку и тихо спрашиваю:

— Хочешь понаблюдать?

Она качает головой, и я молча вывожу ее оттуда, замечая то, как она выпрямляет свою ладонь в моей, ее красивые пальцы переплетены с моими, более крупными. Боже, она такая идеальная. Все мои инстинкты рвутся к тому, чтобы добиться ее.

Она позволяет мне вести ее сквозь толпу, как будто она знает, что моя, или как будто она этого хочет. Здесь шумно и полно сумасшедших танцоров, а когда в помещении начинает звучать трек Ашера, Брук в волнении вскакивает.

— О, обожаю эту песню! — говорит она мне, сжимая мою руку так, что в груди становится больно.

Блондинистая фанатка замечает Брук с танцпола и, прежде, чем я понимаю это, она вытаскивает ее.

— Реми! — рыжеволосая девушка, которая танцевала на столике в моем номере, хватается меня и тянет к себе, а я не могу оторвать глаз от Брук. Темноволосая и сексуальная, она движется так грациозно, как кошка, когда танцует. Бедра покачиваются из стороны в сторону. Длинные загорелые ноги. Дебби притягивает Брук ближе за бедра и они движутся вместе, плавные движения тонкой талии и узких бедер Брук разогревают меня до безумия. Она смеется и оборачивается, размахивая руками в воздухе, когда начинается припев «Scream».

Она замечает меня. Я не двигаюсь, даже не смотря на то, что вокруг меня все двигаются. Только сердце у меня гремит в груди. *Моя, моя, моя.*

Есть вещи, в которых вы уверены. На что вы бы поставили свою жизнь. То, что вы просто знаете. Вы знаете, что тепло огня обожжет вас. Вода утолит жажду. И к ней я испытываю те же чувства; наиболее безошибочная уверенность в моей жизни.

Она смотрит мне в лицо, нежным и уступающим взглядом, и каждая часть меня жаждет *взять* то, что она мне даст. Я протягиваю руку, разворачиваю ее и прижимаю к себе. Я жадно тянусь к ее прекрасной шее, откидывая волосы на бок, прижимаясь к спине и вдыхая ее аромат, как сумасшедший. Ее аромат окружает меня, и я открываю рот, гневно прикусывая ее кожу зубами перед тем, как провести языком и почувствовать ее вкус.

Она стонет, когда дотягивается назад и притягивает мою голову ближе к своей шее в то время, как вокруг нас все танцуют. Хватаю ее за бедра и прижимаю к своему члену и, святой Бог, я хочу ее.

Сердце бьется, я поворачиваю ее. Взгляд ее золотых глаз встречается с моим, и я вижу, что они блестят желанием. Я дрожу от желания, когда хватаю ее за подбородок одной рукой и нежно прижимаюсь к ней, вдыхая ее аромат.

— Ты понимаешь, о чем просишь? — говорю я голосом, хриплым от возбуждения. — Понимаешь, Брук?

Она не отвечает, так что я хватаю ее за попу и притягиваю ближе, накрывая ее рот своим. Я хочу ее сейчас. Сегодня. Хочу запустить руки в ее волосы в то время, как буду проникать в нее внутрь, хочу чувствовать ее желание повсюду на мне и утопить язык в ее вкусе. Она проводит пальцами вверх по моей груди, погружая их в мои волосы.

— Да, — она поднимается на носочки, наклоняет мою голову вниз и внезапно ее тело врезается в мое. Я руками поддерживаю ее.

— Неужто это Разрывной и его новая телочка?

Поверх ее темной головы я вижу ублюдка.

Скорпион.

Насекомое размером с человека, со своей обычной отвратительной ухмылкой, а его болваны приближаются к нему.

Единственное, что меня смущает в драке — не знаешь, когда нужно остановиться. Они просто толкнули Брук, а мне хочется уложить их на пол, затем переломать пополам их руки. Черт, я не могу — и даже если бы мог, именно сейчас, я лучше заберу ее от этих ублюдков

подальше, чем останусь здесь и буду бить им морды.

— Как зовут твою новую подружку? Чье имя она выкрикивает, когда ты трахаешь ее, а?

Вцепившись в ее топ, я вывожу ее с танцпола, затем поворачиваю к себе, телом закрывая ее так, чтобы Скорпион не мог её видеть.

— Возвращайся к Райли, и скажи ему отвезти тебя в отель, — тихо говорю я ей.

Она встречает мой взгляд.

— Тебе нельзя драться, Реми.

— Мы говорим с тобой, мудила, — слышу поверх своего плеча.

— Я тебя слышу, ублюдок, просто мне плевать на то, что ты говоришь, — говорю в ответ.

Чувствую, что он движется и оборачиваюсь вовремя, чтобы увидеть, как приближается его кулак и уклониться, затем я пихаю его достаточно сильно, чтобы он плюхнулся задницей на пол. Схватив другого за рубашку, подталкиваю его на пару шагов назад.

— Пошел на хер отсюда, или я отрежу тебе яйца и скормлю их твоей маме! — рычу я, хватаю двух других и толкаю их назад, а когда первый поднимается и приближается ко мне сзади, я позволяю своему локтю дернуться высоко назад.

Его нос хрустит под моей костью, и он вопит.

— Прости, чувак, моя вина, — говорю я.

Скорпион ухмыляется. Ловлю себя на том, что я достаточно кровожадный, чтобы ухмыльнуться в ответ. *Ты рад тому, что я собираюсь разломать твой череп надвое, ублюдок?*

Затем, внезапно, Брук материализуется из ниоткуда с двумя бутылками, поднимает их вверх и разбивает о головы двух ублюдков. Стекло разбивается и осыпается на пол, затем она бежит назад к бару так чертовски быстро, будто она маленькая пуля.

Я был бы в восторге от увиденного, если бы каждый защитный инстинкт во мне не слетел с катушек, и если бы она не бежала назад с третьей бутылкой — *третьей чертовой бутылкой!*

Я выхватываю ее из рук прежде, чем она сможет что-нибудь сделать, и подталкиваю назад к бару, где громко ставлю бутылку на место. Затем перебрасываю Брук через плечо и направляюсь в приватные комнаты. Клянусь, если я не заберу ее отсюда прямо сейчас, то закончу тем, что *убью* кого-то.

Брук извивается и пытается вырваться, колотя кулаками по моей спине и возмущаясь:

— Ремингтон!

Усиливаю хватку на ее попе, чтобы унять ее и вижу Пита, болтающего с компанией женщин.

— Здесь Скорпион со своими болванами, я ухожу, — рычу я ему, затем направляюсь наружу и усаживаю ее на заднее сиденье машины.

Наш водитель запрыгивает за руль и быстро выезжает на дорогу. Я борюсь с собой на заднем сиденье, а Брук пытается отдышаться и, святой Бог, я пытаюсь стереть из своей памяти то, как она безрассудно напала на двоих огромных кровожадных мужиков.

— *Какого черта ты там вытворяла?* — взрываюсь я, дрожа от ярости.

В свою очередь, Брук даже на чуточку не выглядит обеспокоенной, она выглядит чертовски в восторге.

— Я только что спасла твою задницу, и чувствую себя превосходно, — говорит она,

затаив дыхание, выглядя как чертовское видение в этом золотистом маленьком топе.

Боже! Мне хочется хорошенько ее встряхнуть и в то же время, я хочу поднять ее юбку к бедрам, наклониться между ног и погрузить свой язык в нее, пока она будет стонать мое имя, заставляя меня забыть обо всем, что только что произошло.

Мне чертовски не нравится, что Скорпион смотрит на нее.

Мне не нравится, что он говорит о ней.

Мне не нравится, черт возьми, что он толкает ее.

И я даже не могу выразить словами, что чувствую после того, как она разбила несколько бутылок о головы его приспешников. *Иисус.*

Провожу руками по лицу, затем потираю затылок, все мои конечности дрожат.

— Твою мать, во имя всего святого, никогда, *никогда* не смей делать этого вновь. *НИКОГДА.* Если бы хоть один из них поднял на тебя руку, я бы убил их всех на хрен, и я класть хотел на то, что кто-то наблюдает за мной!

Когда она просто смотрит на меня с вызывающим легким блеском в глазах, я ловлю ее за запястье и сжимаю так, чтобы она поняла, что ей нельзя сражаться с людьми такого типа, и отпускаю ее, когда она ахает.

— Я серьезно. *Никогда* не смей так делать снова.

— Ну, конечно же, я буду так делать. Я не позволю тебе вляпаться в неприятности.

Я могу только пялиться на нее, тысяча вещей, которых я никогда в своей жизни не чувствовал, поражают меня одновременно.

— Иисусе, ты серьезно? — в моей груди будто узел от напряжения, когда я провожу рукой по лицу и смотрю в окно, дрожа от мысли о всех годах, когда никому не было дела до того, вляпаюсь я в неприятности или нет. — Ты как взрывчатка, ты в курсе?

Ее щеки еще больше краснеют, когда она кивает. Она выглядит так красиво, как чертова радуга. Мне хочется прекратить этот спор, взять ее к себе и заняться с ней любовью.

Поднимаясь на лифте, я держусь подальше. Я хочу закончить то, что мы начали на танцполе. Хочу схватить ее, поцеловать и обнять. Хочу, чтобы она пообещала мне, что никогда больше не сделает такого снова. Никогда не рискнет ради меня или кого-то другого снова.

— Все в порядке, — говорит она, касаясь моего плеча, и все, о чем я могу думать, это: *«Боже, Брук. Ты такая милая и невинная. Останешься ли ты такой же, когда я стану маниакально-темным?»*

Я весь напряжен, когда я вижу ее пальцы на мне, мысленно я наклоняю голову и провожу языком по ее пальцам, вверх по руке, плечам, шее и останавливаюсь на рте. Прежде чем я могу это сделать, она делает шаг назад в свой угол и смотрит на меня в замешательстве широко раскрытыми глазами.

Я сгибаю руки и пытаюсь успокоиться.

— Мне жаль, что тебе пришлось столкнуться с этими ублюдками, — говорю я, проводя рукой по своим волосам на секунду. — Я собираюсь сломать к чертовой матери все кости Скорпиона и вырвать его глаза, как только представится такая возможность.

Она кивает, и я как-то успокаиваюсь, но даже тогда я борюсь с желанием обнять ее.

— Могу я побыть в твоей комнате, пока ребята не вернутся? — спрашивает она.

Я колеблюсь, затем мысль о том, что ее запах останется в моей комнате, заставляет меня кивнуть, как истинного мазохиста, и она идет за мной. В моем номере она присаживается на диван в гостиной, и я включаю телевизор для отвлечения.

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Нет, — говорит она. — Я никогда не пью за день до полета, иначе буду вдвойне обезвожена.

Я достаю две бутылки воды в баре и сажусь возле нее.

— Почему у тебя были проблемы, когда ты участвовал в профессиональных боях? — спрашивает она.

— Я ввязывался в драки, вроде той, которую ты предотвратила, — отвечаю я низким хриплым голосом. Затем смотрю в экран, и челюсть сжимается от воспоминаний. Я проснулся и обнаружил, что телевидение горит новостями обо мне. Я маниакальный. Меня спровоцировали. Я действовал так, как всегда. Моя жизнь закончилась, просто как у Брук, когда она разорвала свою ПКС.

Тем не менее, она сидит здесь, рядом со мной, моя женщина.

Моя сильная, красивая женщина, которая сегодня защищала своего мужчину.

Меня съедает потребность заключить ее в свои объятия. Ни одна женщина еще никогда не вызвала во мне желание прижаться к ней и прижать ее к себе, но если я прижму ее к себе, то поцелую ее красивый рот, а если поцелую ее красивый рот, то меня уже не остановить.

Я все еще изнурен, тестостерон затопляет мои вены, а тело напряжено от недель неудовлетворенного желания. Но мне нужно быть ближе, и я ловлю себя на том, что медленно вытягиваю руку на спинке дивана. Так чертовски близко, что ощущаю ее мягкие волосы своим предплечьем.

Она смотрит на меня сквозь свои ресницы, будто хочет, чтобы я был еще ближе, и я понимаю, что на экране телевизора какие-то страстные поцелуи, которые раздражают меня так сильно, что я выключаю его. Хочу, чтобы было достаточно тихо, чтобы я мог слышать звук ее дыхания, слышать, как оно учащается просто из-за меня. Направляюсь рукой к ее шее, и нежно ласкаю пальцем мягкую кожу на ее затылке. Она дрожит.

— Почему ты сделала это для меня? — спрашиваю ее я охрипшим голосом.

— Потому что.

Она удерживает мой взгляд, ее янтарные глаза такие живые и завораживающие, внутри меня загорается огонь, когда я сжимаю ее затылок, настаивая:

— Почему? Кто-то сказал тебе, что я не могу о себе позаботиться?

— Нет.

Ее рот более притягателен для меня, чем что-либо, чего я когда-нибудь хотел и без чего приходилось обойтись. Закрываю глаза и упираюсь своим лбом в ее. Я жажду ее аромата, не могу прекратить вдыхать ее. Слышу, что она тоже вдыхает мой аромат, когда ощущаю легкое прикосновение её пальца на моих губах. В груди все затягивается в узел от желания, и я высовываю язык. Я жажду почувствовать вкус. Ее. Она вздрагивает. Остановившись, я издаю стон и посасываю ее палец во рту, закрывая глаза и наслаждаясь ею.

— Ремингтон... — мое имя на ее губах достаточно меня разогревает, чтобы взорваться.

— Дорогая, я дома! — захлопывание двери и саркастический голос Пита ошеломляет нас. — Просто хотел убедиться, что вы, ребята, нормально добрались. У Скорпиона определенно стояк при мысли о тебе за решеткой.

Включается свет и осознание того, что я делаю, поражает меня, как удар кувалдой. Я

отпускаю ее палец и отхожу к окну, тяжело дыша, пытаюсь взять себя в руки. Какого черта я делаю? Она не имеет никакого понятия обо мне.

— Мне лучше уйти, — говорит она.

Пит смотрит, как она уходит, затем смотрит на меня, как я стою здесь, мучаясь, будто это мой последний день.

— Я просто подожду тебя здесь, Рем, — спокойно говорит Пит.

Сгорая под кожей, я разочарованно сжимаю челюсть, сжимаю руки в кулаки и следую за ней в ее комнату, чувствуя себя таким заведенным, что готов прорваться сквозь джинсы.

Я так сильно ее хочу, что даже не думаю о чем-то другом, кроме того, как она выглядит, как пахнет, как она просунула свой чертов палец мне в рот.

Когда она засовывает ключ в скважину, я позволяю себе пофантазировать, что это наша комната. Или хотя бы, что только ее. И она откроет дверь, и я зайду за ней внутрь. Медленно ее поцелую. Уложу ее на кровать. Покрою ее поцелуями.

Но это не только ее комната. Я поселил ее вместе с Дианой, так что я не захожу. Но может мне не нравится больше оставаться в стороне, черт возьми! Мгновение она ждет, и наконец, оборачивается.

— Спокойной ночи, — шепчет она, и поднимает свой взгляд на меня.

Прежде, чем я могу отстраниться, охватываю ее лицо и целую в губы.

— Ты красивая, — отчаянно провожу пальцем вдоль ее челюсти. Наклоняю ее за подбородок и целую её — нежно, сухо и быстро, прежде, чем отстраниться. — Чертовски красивая, я весь вечер не могу отвести от тебя глаз.

НАСТОЯЩЕЕ СИЭТЛ

«Выйдешь за меня» звучит в динамиках машины через систему Пандоры. Пит с Райли начинают присвистывать, как пара придурков.

— Совпадение или нет? Или нет, мужик? — Пит ударяет мою руку и я наношу удар в ответ с такой же силой. — Ай!

Ладно, может с немного большей силой, чем он.

— Не будь размазней, — смеюсь я.

Мы въезжаем на парковку церкви, где замечаем арендованный командой «Эскалейд», уже припаркованный на месте.

— Так что там за история, будто у Мелани есть чертов бойфренд? — говорит Райли, выпрыгивая из машины, доставая коробку конфет из багажника машины и показывая ее нам. — Называются как-то особо выпендрейно, даже круче Годивы.

— Она говорила, что парня зовут Грейсон, помнишь? А *это* тебе не принадлежит, — Пит выхватывает коробку конфет и кладет их обратно в багажник машины, затем ждет, пока дверца закроется.

— Мудацкое имя. В наши дни никто не дарит конфеты, особенно не тому, с кем встречаешься. Попка Мелани прекрасно выглядит и без них, вот, что я вам скажу.

Я шлепаю Райли по руке, чтобы он замолчал, пока мы входим в церковь. Персонал заканчивает с цветочными украшениями. Белыми. Белыми для моей невесты.

Брук.

— Все равно, спорю, он какой-то богатенький...

Я снова легонько бью Райли.

— Ты любишь ее? — спрашиваю я настойчиво.

— Конечно же, нет, — он выглядит оскорбленным.

— Тогда кончай жаловаться, и позволь ей быть счастливой с этим чуваком.

— Аминь, — говорит Пит.

Я достаю телефон, чтобы проверить время, пока Райли и Пит продолжают обсуждать личную жизнь лучшей подруги Брук.

— А вот и мой мальчик! — Тренер хлопает меня по спине. — Ты готов?

— Я родился готовым.

Он смеется.

— Сезон начинается через две недели, и мы будем готовы.

— Я буду готов.

Прямо сейчас я чертовски готов вступить в брак со своей женой.

ПРОШЛОЕ В МАЙАМИ

На следующий день мы сидим в хвосте самолета, держа плееры в руках, я жадно поглощаю ее глазами, а она беззастенчиво рассматривает меня в ответ.

— Включи для меня песню, — говорю я ей.

Прошлая ночь была откровением. Возможно, она более готова принять меня, чем я думал раньше. Черт, я не могу даже подумать об этом без того, чтобы внутри не взрывались гормоны. Когда она наклоняет голову, чтобы выбрать песню, я хочу откинуть назад ее волосы и взять ее рот, и сказать ей этим поцелуем, что она будет моей.

Я ставлю ей «High on You» в исполнении «Survivor» и с нетерпением жажду узнать, что она включит мне сейчас. Еще одну девчачью песню? Ту, которая будет дразнить меня намеками, что ей неплохо и без мужчины?

Я протягиваю ей свой плеер, забирая ее, надеваю наушники и слушаю то, что она выбрала

— «Any Way You Want It» от «Journey».

У меня на губах появляется довольная улыбка, но, черт побери, слова песни возбуждают меня. Я смотрю ей в глаза, потом рассматриваю ее розовый зефирный ротик.

Она говорит мне, что я могу получить все, что захочу?

Включая этот, мать его, прекрасный рот?

Что насчет этих шикарных грудей? Этих ног, обвивающих меня?

Наблюдая за тем, как я слушаю, она беспокойно облизывает губы, и желание накрывает меня с такой силой, что мой член твердеет и пульсирует, становясь тяжелым, как свинец.

Она что-то говорит, затем смеется, но в моих ушах играет музыка, и я понятия не имею, о чем она говорит или с кем. Я наклоняю голову ближе. Я не привык к играм в намеки. Мне нужно знать, означает ли это то, что я думаю. Что я хочу, чтобы это значило. Моя сила воли

рассыпается на куски столь мелкие, что мне даже не верится, что я в состоянии сидеть здесь, не затащив ее к себе на колени, не запустив пальцы в ее волосы, не прикасаясь своим языком к ее. Но от слов этой песни мой внутренний лев зарычал, и я начинаю сомневаться, что смогу удержать его.

— Включи мне еще одну, — требую я.

Она колеблется, ее лицо краснеет, а глаза блестят, и я слежу за своими руками, как никогда прежде, за ладонями, за своими пальцами и местами на ней, где я хочу, чтобы они были. Тогда она включает мне песню, в которой женщина умоляет заняться с ней любовью.

Пока песня звучит, в своей голове я занимаюсь любовью с Брук. Я двигаюсь на ней, внутри нее у себя в голове. Она прижимает меня руками, я впиваюсь в ее губы и усаживаю ее на себя сверху, она движется вместе со мной, открывая рот, когда я облизываю ее губы, ее язык.

Теперь я поддвигаюсь ближе и наклоняю голову к ней, а она отодвигается на сидение, и будто слишком встревожена, а пульс на ее горле бешено колотится. *Нет, маленькая петарда, иди-ка сюда ко мне. Не отступай сейчас.*

Скользя рукой вокруг ее худенькой талии, я подвигаю ее ближе, затем прижимаюсь губами к ее уху. Мой член пульсирует в джинсах. Сердце бьется внутри грудной клетки, отдаваясь пульсацией в паху. Я отклоняюсь и включаю ей «Iris», затем я стягиваю с нас наушники и прижимаюсь, чтобы вновь поцеловать ее ухо.

— Ты хочешь меня? — спрашиваю я ее, и мой голос гулкий от желания.

Она кивает в ответ, и я теряю контроль. Я сжимаю руки на ее бедрах, притягивая ее к себе. Боже, она хочет меня. Я знал, что это так. Я знал. Что-то в моем мозгу щелкает, и я вдыхаю аромат ее шеи, где запах всегда такой сладкий. Сегодня ночью я сделаю ее своей.

Внезапно, меня больше ничего не останавливает.

Ничего.

На хрен меня темного.

На хрен все, кроме Брук.

Мой голод — бушующий монстр, я подергиваю ее мочку уха зубами, облизываю ее ушную раковину, с удовольствием занимаясь любовью языком с этим маленьким ушком. Кровь ускоряется во мне, горячая и опьяняющая. Я не могу перестать пробовать ее и обнюхивать. Она все еще неподвижно сидит на своем месте, рядом, почти подо мной, и я могу чувствовать, как она вздрагивает каждый раз, когда я прикасаюсь губами к ее коже. Все, о чем я могу думать, это песня, которую она мне включила... что в ней говорилось... я могу получить все, что захочу, как захочу, и она хочет, чтобы я занялся с ней любовью. Она моя. Я собираюсь взять и овладеть всем, что она мне даст. Я не стану больше удерживать ее. Не стану удерживать себя.

Мы приезжаем в отель, и я вписываю ее в двухспальный президентский люкс.

— Ты уверен насчет этого? — спрашивает Пит.

Я киваю и смотрю на Брук, и она немного шире открывает глаза, когда я протягиваю ей ключ-карту от своего номера.

Я глажу ее руку пальцем, а она пристально смотрит на меня, как бы спрашивая. Я смотрю в ответ и надеюсь, что она читает меня, желая, чтобы она знала, что я хочу сделать этой ночью. Если она не готова, я, блин, надеюсь, что она скажет об этом сейчас.

Но она не говорит. Она забирает ключ и улыбается, светящейся, скромной улыбкой,

глядя мой палец в ответ своим. Это, вот это, точно не было случайным. Ни то, как она улыбается, ни то, как касается меня, или смотрит на меня взглядом «*давай-же-сделай-это*», заставляющим меня *пылать* от желания.

В моем мозге все крутится со скоростью километр в минуту, пока мы поднимаемся наверх и ждем свой багаж.

— Какой красивый вид, — говорит она, когда мы входим в гостиную. Дверь захлопывается позади меня. Мы одни. Внезапно я беру ее на диване. На обеденном столе. На полу. Я срываю с нее одежду. Я погружаю свой член в нее, зубами впиваясь в ее кожу... мои губы на ее шее и все, что я чувствую, это ее аромат.

Но нет, вот она стоит, смотрит на улицу.

Брук Дюма.

Единственная женщина, которую я хочу.

Я упираюсь в молнию на джинсах. В моем номере были фанатки, обнаженные, скользкие руками по моему прессу и груди. Но ничто не возбуждало меня так, как видеть Брук в моей комнате, с этим ее хвостиком, выглядящую взволнованно... и счастливо.

Она счастлива, потому что она с тобой.

Мое сердце колотится. Я скрещиваю руки, обхватывая себя ладонями, и наблюдаю, как она нервно смотрит в окно, покусывая зубами нижнюю губу.

Сегодня вечером у меня бой.

Не могу дождаться, чтобы она увидела мою победу.

А потом... увидела, как я займусь с ней любовью.

Сердце тяжело стучит внутри, я подхожу к ней, наклоняя ее голову, прижимаясь ртом к ее уху. Я наклоняюсь и лижу его, от мочки до ракушки, затем погружаю язык внутрь и говорю ей: «Надеюсь, ты готова ко мне. Я уж точно чертовски готов для тебя».



— *ИДИ-КА СЮДА, чертов мистер Майами!*— несколько ребят качают меня на плечах и вносят в президентский люкс после боя, а я возбужденно просматриваю толпу в комнате в поисках своей темноволосой богини.

— *Реми! Ремишии!* — скандируют они, подбрасывая и ловя меня.

Иногда мои кулаки сами знают, что делать.

Сегодня один из таких дней.

Чертов Майами обожает меня за то, что я надрал задницу каждому несчастному мудаку, ставшему у меня на пути.

Молнии циркулируют по моим венам.

Черт, если бы я поднял руки, вскидывая вперед запястья, то уверен, из них бы выстрелила паутина.

— Все верно, кто здесь настоящий мужик? — кричу я, ударяя себя ладонями в грудь. Я заполучил Брук, я чертов чемпион! Толпа людей набилась в номер, и когда я, наконец, замечаю свою женщину, фиксирую на ней взгляд. Она стоит там, наблюдая за мной, со вздымающейся грудью, доводящей меня до безумия. Ее глаза сияют, а улыбка освещает все лицо, и голод скребется во мне, словно когтями. Боже, как же я хочу ее.

— Брук.

Я прыгиваю и подзываю ее, приманивая пальцем, и она идет ко мне. Сердце взрывается с каждым ее шагом, и я клянусь, она идет не достаточно быстро, так что я встречаю ее на полпути, и в то мгновение, когда она достаточно близко, чтобы я мог ее коснуться, я подхватываю ее в объятиях, кружу ее, накрывая ее губы своими.

Кровь шипит от жара, когда ее маленькое тело тает в объятиях моего, огромного, а ее рот такой мягкий и такой же изголодавшийся, что и мой.

— Иди трахни эту киску! — я слышу, как орет какой-то урод. Я отпускаю ее, мгновенно заводясь. Мне не нравится, когда кто-либо говорит так о ней. Мне не нравится, когда кто-либо даже приближается к ней. Я притягиваю ее ближе и шепчу ей в ухо: «Ты моя сегодня ночью».

Из-за ее стога я закрываю глаза, обхватываю ладонями ее лицо и целую ее вновь. Я больше не могу устоять, она порвала мое самообладание на куски. Я продвигаюсь медленно, зная, что за нами наблюдают, но повторяя одно и то же, снова и снова:

«Сегодня ночью ты моя».

Я хочу ее сейчас. Я хочу, чтобы все нас оставили.

— Реми, я хочу тебя, возьми *меня!* — я слышу чей-то крик.

Брук шире раскрывает глаза, и мне хочется сказать ей, что она единственная женщина, которой с этого момента я буду обладать. Вместо этого, я глажу ее лицо большими пальцами и целую ее снова. Я не могу остановиться. Из-за нее я на взводе и был заведен весь день, с тех пор, как вписал ее в один со мной номер. Она теплая и прижимается ко мне, а этот изголодавшийся ротик убивает меня.

— *Отведи ее в свою комнату, Тейт!*

Я прижимаю ее ближе, отводя назад выбившиеся из хвостика пряди, потом целую ее в ямочку между шеей и ключицей, вожу носом возле ее уха, слыша свое же бормотание: «Моя. Этой ночью».

— А ты — мой, — говоря с нежностью, которую никто никогда не проявлял по отношению ко мне, Брук обхватывает ладонями мою челюсть, удерживая мой взгляд, и тут меня подхватывают сзади и начинают раскачивать.

— *Реми, Реми...* — скандируют парни.

Когда они ставят меня на землю, я направляюсь к бару, чтобы налить пару стопок текилы, а какая-то женщина зовет меня, чтобы я пришел и выпил стопку, зажатую между ее грудей. Я подхожу, но вместо того, чтобы подчиниться, хватаю ближайшего парня и толкаю его лицом в ее сиськи. Заливаясь смехом, я возвращаюсь к своей Брук.

Наши взгляды встречаются. Я схожу с ума и чувствую себя немного взвинченным, «к черту!» — говорю я себе, это просто возбуждение. Я ждал этого, желал этого с тех пор, как увидел ее впервые на бое в Сиэтле, когда она смотрела на меня, словно я какой-то бог и дьявол в одном лице.

— Иди сюда, — шепчу я, ставя рюмки и кусочки лайма. Я зажимаю одну дольку лайма между губами и наклоняю голову, передавая его ей. Она открывает рот и посасывает, я отодвигаю лайм, высовывая язык. Застыв, я стону вместе с ней, но потом все же протягиваю ей забытую рюмку.

Она забирает выпивку и протянутый лайм. Когда она засовывает дольку себе в рот, я наклоняю голову и высасываю сок. Она стонет, когда я всасываю лайм и заменяю его языком между ее губами.

Жажда проносится сквозь меня.

Пустые рюмки разбиваются об пол, когда я хватаю ее миленькую попку, поднимаю ее, усаживая на стол, вклиниваюсь между ее красивых бедер и отчаянно проталкиваю язык ей в рот.

Я прижимаюсь к ней, а она притягивает меня еще ближе, и внутри я горю.

— Ты так хорошо пахнешь...

Моя эрекция зудит так сильно, что я возбужденно трусь об нее, чтобы она знала, что делает со мной, что я дам ей этой ночью.

— Хочу, чтобы ты знала. Мне не терпится избавиться от этих людей. Как ты хочешь этого, Брук? Жестко? Быстро?

— Так, как хочешь ты.

Черт, я вспоминаю песню, которую она включала мне в самолете, дразня меня, доставляя удовольствие и мучая, и мое нижнее белье готово разорваться на мне.

— Жди здесь, маленькая петарда, — говорю я, уходя за еще одной порцией шотов.

Мы выпиваем еще, и я вижу, что ей это нравится. Она улыбается мне, смотрит на меня, на мой рот, пока мы целуемся в перерывах между выпивкой. Меня опять подхватывают и подбрасывают, и я смеюсь, когда они кричат: *«Кто настоящий мужик? Кто настоящий мужик?»*

— Уж не сомневайтесь, мать вашу, что это я!

Опуская меня возле бара, они протягивают мне здоровенный бокал пива, после чего начинают кричать и стучать по барной стойке кулаками с поднятыми вверх большими пальцами, скандируя: *«Ре-минг-тон! Ре-минг-тон! Ре-минг-тон!»*

— Спокойнее, ребята, — говорит Пит, приближаясь к нам.

— Что за гребаный ботаник? — говорит один ублюдок, но я хватаю чувака, и хмурясь, прижимая его к стене.

— Он мой братан, ты, ничтожество. Прояви немного гребаного уважения, — рычу я.

— Успокойся, чувак, я просто спросил!

Заставляя себя разжать пальцы, я роняю его на пол и возвращаюсь за текилой, начиная раздражаться. Брук ждет меня, а эти чертовы людишки меня задерживают. К тому времени, как я возвращаюсь к тому месту, где оставил ее, она уже исчезла.

Сердце проваливается вниз, пока я всматриваюсь в толпу, не находя темноволосую богиню, ожидающую, что я буду ублажать ее рот. Смотря сердито, я шагаю к тому месту, где стоит Пит.

— Где, черт возьми, Брук?

Его лицо выражает недоумение.

— Что ты имеешь в виду? Она была здесь.

Отдавая ему рюмки, я иду вдоль холла, распахивая двери. На кровати второй спальни трахается парочка. Хозяйская спальня пуста. Ее нет в толпе. Я проверяю лифты, а затем со злостью распахиваю толпу, но. Брук. Здесь. Нет.

Глаза наливаются кровью. Сквозь меня проходит чистейший гнев, и я хватаю подушку с одного из диванов, и разрываю ее. Хлопковые шарики из набивки взрываются от давления, а я проделываю то же самое со следующей подушкой, и следующей, и еще одной. Конечно, потому что она исчезла! Черт! Исчезла! Исчезла, исчезла, исчезла, ИСЧЕЗЛА, ИСЧЕЗЛА/ ИСЧЕЗЛА!

Вскоре толпа начинает кричать в панике, когда я начинаю хватать все, что попадается под руку, разбивая об пол.

— Рем! Рем! — мольбы Пита доносятся сквозь крики толпы, но я не слушаю. Я хочу уничтожить что-нибудь. Разбить что-нибудь. Хочу разбить свою чертову голову об стену!

Я хватаю Пита за пиджак, и он скидывает его, чтобы сбежать от меня, затем стягивает галстук, отбрасывая его в сторону, будто думает, что дальше я стану его душить. Он медленно приближается ко мне, согнувшись, будто загоняет взбесившегося зверя, и я слышу, что он разговаривает, но я не могу разобрать ничего, кроме рычания и собственных криков.

— Какого черта вы ей рассказали обо мне? Куда, вашу мать, она смылась?

Я хватаю ближайшую стеклянную бутылку и бросаю ее об стену. Еще больше криков. Нервный смех.

Райли занят, выводя людей через открытые двери номера, когда знакомый голос доносится из холла.

— Вон, вон, *выходите вон!*

Я разворачиваюсь. Брук. Вот она, щеки покраснелись, а вид обеспокоенный. Гнев и облегчение проносятся сквозь меня, и я понимаю, что у меня что-то в руке. Я отбрасываю это в сторону и слышу, как оно разбивается вдребезги, сжимаю руки, и направляюсь к ней. Боже, моя Брук. Хочу, чтобы мои руки были на ней, мне нужно, чтобы мое тело было в ней, а мой язык на ней.

Пит хватается за руку и оттаскивает с дикими, полными боли, глазами.

— Видишь, чувак? Она подписала *контракт*, помнишь? Тебе не нужно крушить отель, мужик.

Колени подгибаются от слабости, когда меня накрывает облегчение.

Моя Брук, моя Брук, моя Брук *здесь*.

Пока я рвусь к ней, Пит колет меня в шею и я чувствую щипание, а затем жжение впрыснутой под кожу жидкости. Ревущая внутри меня энергия затихает и спадает, ноги замедляются, зрение затуманивается, остается лишь туннель света, в котором она. Черт! Черт, нет! Нет, нет, НЕТ!

В голове проносится последняя вспышка паники, что она, Брук Дюма, которая смотрит на меня, словно я сам Господь Бог, сейчас все видит. Моя голова повисает и все становится черным. Темным, как я сам. И теперь она узнает. Она узнает. И теперь. Она. *Уйдет*.

Отчаяние накрывает меня с такой силой, что я хочу умереть прямо здесь, прямо сейчас. Я пытаюсь встать, но не могу, и миниатюрный Пит пытается удержать меня возле ближайшей стены. Разочарование, которое я ощущаю, и боль, которая приходит, когда все мои надежды на нас с Брук разлетаются на куски, не описать словами. Несравнимо тяжелее, даже если бы все здание обрушилось на меня.

Пит закидывает одну мою руку себе на плечи, Райли подходит, чтобы подхватить меня под другую. Ноги волочатся, я горю от стыда и унижения от невозможности освободиться и выпрямиться самостоятельно. Я. Я дрался, как сумасшедший, чтобы показать ей, как я силен, и что ей не найти защитника лучше меня. Теперь же я жалкая масса мышц и костей, повисшая на парнях, но остатки адреналина, смешавшиеся с паникой внутри меня, вынуждают меня заговорить.

— Не позволяйте ей увидеть.

— Мы не дадим, Рем.

Я пытаюсь поднять голову, чтобы удостовериться, что она смотрит на что-то другое, не

на меня, но я не могу пошевелиться. У меня уходит такое количество энергии, которое в обычном состоянии позволило бы мне сдвинуть гору, чтобы договорить то, что нужно.

— Просто не давайте ей увидеть.

— Да, чувак, мы поняли, — уверяет меня Пит.

Они затаскивают меня в комнату и начинают обсуждать, что я могу задохнуться, запутавшись в одежде, поэтому раздевают и укладывают на кровать. Мой разум уже мучает меня. Если она видела, она уйдет. Она свалит к черту. Она моя, но мне ее не заполучить. Она только моя, и я даже не могу ей сказать об этом, я не могу получить то, чего хочу, я не могу ничего, кроме как лежать здесь, стараясь оставаться в сознании, чтобы, если она решит уйти, я мог остановить ее.

— Вот так, великан.

— Не позволяйте ей видеть, — рычу я.

Пит кряхтит, как и Райли, пока они пытаются уложить меня на кровати.

— Она в порядке, она ничего не увидит, Рем. Держись, мы найдем кого-нибудь, кто придет и поможет тебе почувствовать себя лучше, — говорит мне Райли.

Я прикрываю лицо рукой и знаю, что это невозможно. Мне никогда не станет лучше.

Брук видела меня. Я видел её лицо всего на мгновение. Я видел ее широко распахнутые, испуганные глаза, черт.

Я слышу как дверь за ними тихонько закрывается, когда темнота накрывает меня. Это знакомое место, в котором я был тысячи раз. Иногда я добровольно погружаюсь сюда, но сегодня я чувствовал зуд во всех местах, которые Брук Дюма освещала своей улыбкой, и все, о чем я могу думать, это то, как выкарабкаться отсюда и не позволить ей покинуть меня.



Я ПРОСЫПАЮСЬ от звука хлопков в ладоши. Простыни сбоку шевелятся, и я не понимаю этого, потому что уверен, что лежу неподвижно.

— Отрывайте свои ленивые задницы от койки, ребята, и давайте постараемся поработать в зале, — говорит Райли с порога.

Спортзал, говорю я себе, несмотря на то, что сегодня один из тех дней, когда мне на все насрать. По ощущениям, мое тело не гибче здания, но я все же прилагаю усилия, чтобы приподняться на руках...

И тут же замираю, краем глаза замечая Брук, лежащую рядом.

Она вскакивает и садится, когда видит меня, и вся путаница в моей голове проясняется в ту чертову секунду, когда я вижу ее.

Она сидит на моей постели, словно мечта. Нет. Больше, чем мечта. Она чертовски *нереальна*. Прекрасна настолько, что у меня сводит живот, сжимаются яйца, перехватывает в груди. Ее темные волосы в беспорядке лежат на плечах, губы розовые, веки тяжелые и сонные. Она часто дышит, будто в режиме «бей или беги» от одного только взгляда на меня, и на ней надета футболка из «Диснейленда», которая выглядит настолько чертовски старой, будто кричит, умоляя меня разорвать ее. Лучи солнца касаются ее кожи, освещая три веснушки на виске, которых я раньше не замечал, и если бы я не был так накачан успокоительным, я бы провел по ним пальцами, пока мои губы покрывали бы ее всю.

Борясь с самим собой, я наблюдаю за тем, как она делает глубокий вдох и поднимается

с постели, будто стараясь поскорее выбежать отсюда. Мое сердце бьется в диком, отчаянном темпе, пока я смотрю, как она пересекает комнату и закрывает дверь позади себя. *Черт.*

Когда я встаю, чтобы последовать за ней, волна тошноты накрывает меня, и со стоном я падаю обратно на кровать. Следом меня ударяет волна отчаяния, и я перекатываюсь на живот. Я растягиваюсь на кровати и сжимаю ладони в кулаки, как делаю всегда, когда не могу определиться с тем, что чувствую. Мои мускулы будто вылиты из свинца, и я с трудом могу пошевелиться, передвигаясь с того места, куда упал. Чертово успокоительное, которое дал мне Пит, предназначено для гребаного носорога, и я все еще не могу расслабить мышцы рук. Хочу запустить их в ее волосы, прикоснуться к губам, обхватить ее сочную, маленькую попку.

Я вновь стону. Я обнажен. Тверд, как мрамор. У меня даже нет сил подрочить, и мои яйца болят, словно проклятые.

Некоторое время спустя заходит Пит.

— Как у тебя дела, Рем?

— Почему Брук была в моей чертовой койке? — требовательно спрашиваю я, уткнувшись в изгиб руки.

— Он разговаривает, — Пит тихонько смеется надо мной. — Значит с нашим мальчиком все хорошо.

— Где она сейчас? — ворчу я, поворачивая голову и сердито уставившись на него.

— Я разрешил ей взять выходной и немного расслабиться.

— Ты позволил ей видеть меня таким, козел, — ворчу я, хлопнув его по плечу так сильно, насколько мне позволяет нынешнее состояние, чего, все-таки, хватает, чтобы он отлетел в сторону.

— Ай! Осторожнее, ты все еще ты, знаешь ли! И весь чертов город видел тебя таким, — он вздыхает, смотря в окно. — Она подписала контракт, чувак. Она не уйдет, не важно, видела она тебя таким или нет, — он оборачивается, хмуро взглянув на меня. — Слушай, я обещаю, что не позволю ей уйти до конца срока, и вы сможете разобраться с тем, что бы у вас не происходило.

Мысль об ее уходе наполняет меня тревогой.

— Что она видела прошлой ночью? — я приподнимаюсь, опираясь на руки.

— Она видела тебя в твоём знаменитом режиме Разрушителя.

Боже, я ненавижу себя. Со стоном, я прячу лицо в подушку.

— Мы наняли нескольких девчонок для тебя прошлой ночью, Рем, — говорит мне Пит, будто мне есть до этого дело.

Кряхтя, я перекатываюсь на спину, скрещиваю руки на лице, прикрывая глаза. Мне мешает солнце. Мне мешает Пит. Мне мешает моя чертова жизнь.

— Но Брук не пропустила проституток внутрь, — добавляет Пит.

Моему усыпленному успокоительным мозгу требуется целая чертова минута, чтобы понять, что он мне говорит. После чего мне требуется еще минута, чтобы удержать себя от погони за ней.

— Объясни, — отчетливо говорю я.

— Да ладно. Ты ей нравишься, Тейт. Она разозлилась вчера на то, что я усыпил тебя, и стала такой защитницей.

Мысль о Брук, защищающей меня, еще сильнее заставляет меня хотеть защитить ее, и чертовски разжигает желание обладать ей. Но это ведь должно что-то значить. Это должно

быть достаточным для нее, чтобы, когда она узнала, что я не... *в порядке*... она бы все еще оставалась со мной.

— Ладно, Рем, поправляйся. Напиши, если я понадобится. Пойду, повешу значок «НЕ БЕСПОКОИТЬ, ВНУТРИ УЖЕ ОБЕСПОКОЕННЫЙ МУЖИК» на дверь.

— Спасибо, — бормочу я, перекатываясь на живот.

Не хочу есть.

Не хочу двигаться.

Не хочу, блин, жить.

И тут я замечаю, что подушка пахнет ею. Я обнюхиваю аромат Брук Дюма с ткани, и мой член встает в возбуждении, так что я меняю свою подушку на ее, и засыпаю.



ЧАСЫ СПУСТЯ, я слышу движение за дверью. *Брук!* кричит мой мозг. Мой член уже весь во внимании. Я опять стону от отчаяния.

Я заставляю себя принять душ, и вернуться в постель. Солнце зашло за горизонт, но я не могу уснуть. Надев наушники, я включаю случайное воспроизведение на плеере. Песня за песней звучит в моих ушах, но я не слушаю. Мне нет до них никакого дела.

Ровно два часа я лежу в постели, проигрывая в голове ее образ в той футболке из «Диснейленда». Она была в моей постели, будто здесь ей и место, словно частично она уже принадлежит мне.

Еще час я размышляю о Скорпионе и о том, что не могу позволить себе валяться здесь, как лузеру. Я ведь не позволю ему снова забрать у меня то, что мне принадлежит? Он спровоцировал меня, добившись того, чтобы я больше никогда не смогу боксировать, но теперь я на его территории, и я помечаю ее, как свою собственную, каждый сезон. По очкам я лидирую, как обычно, но не могу позволить себе пропустить больше пары боев, несмотря на то, что бои — последнее, чего я сейчас хочу.

Я. Хочу. Ее.

Заставляя себя встать на ноги, я надеваю пижамные штаны, прохожу через люкс и открываю дверь ее комнаты. Глаза почти вылезают из орбит, пока я пробегаю взглядом по ее силуэту на кровати. Шурша простынями, она садится, и ее взгляд находит мой, я тоже наблюдаю за ней.

— Ты в порядке? — ее голос нежнее шепота, и впервые в жизни, я понимаю, что женщина обо мне беспокоится. В груди что-то сжимается.

Я произношу более грубым голосом, чем хотелось бы, хриплым и сонным:

— Я хочу спать с тобой. Просто спать.

Мгновение ничего не происходит. Брук просто сидит там... будто ожидая. Глаза привыкают к темноте, и я вижу каждый сантиметр ее тела на постели. И я хочу все, что вижу. Я хочу ее так сильно, что все мое тело напряжено, и это видно невооруженным глазом. Медленно выдохнув, я подхожу к ее постели, беру ее на руки и несу в хозяйскую спальню в свою не застеленную кровать.

Она прижимается ко мне, будто я был создан для того, чтобы носить ее. Она почти ничего не весит, ее маленькие мускулы аккуратные и крошечные по сравнению с моими. Я

укладываю ее, и присоединяюсь к ней под простынями, прижимая ее лицом к своей груди, зарываясь носом в ее макушку.

Так мы и замираем; она обнимает меня, а я ее. Успокоительное все еще в моей крови. Если она побежит, я не успею ее догнать. Моя сила на месте, но не моя скорость. Но вместо того, чтобы уйти, она устраивается поближе ко мне, и ее тело инстинктивно тянется к моему теплу.

— Просто поспим, ладно? — шепчет она хрипло.

— Просто поспим, — бормочу я. — А еще это.

Обхватив ладонью ее челюсть, я начинаю целовать ее. Никто не говорил мне, что мне потребуется не только еда, воздух и вода, чтобы выжить. Но так и есть. Боже, так и есть. Мне нужен этот сладкий рот, только и всего. Мягкий стон вырывается из нее, когда она запускает свои пальчики в мои волосы, и я чувствую, как она прижимается своими упругими маленькими грудками к моей груди. Тестостерон простреливает меня, срывая крышу. Я хочу стащить с нее эту футболку и разорвать то, что у нее там под ней, чтобы все, что я мог видеть, были ее золотые глаза, ее розовые соски и ее сладкая киска. Я хочу засасывать в рот ее клитор и скользить пальцами в нее, сначала одним, затем двумя, потом тремя, пока она не будет влажной и готовой, пока моя маленькая петарда не кончит для меня.

Я набух до предела, и я так чертовски готов сделать ее своей, что не могу нормально дышать, но в том, что касается ее, я жадный, заставить ее кончать, это не все, чего я хочу. Это только часть.

Так что я провожу языком по ее, и чувствую, как дрожит ее маленькое тельце. *Когда я возьму тебя, детка, я возьму все. Каждый чертов вздох, каждый сантиметр твоей кожи. Каждый. Кусочек. Твоего сердца.*

От ее вкуса, я будто снова под наркотиком, ее влажность, ее жар, то, как двигаются наши рты. Этого не достаточно. Скоро я трахну ее рот, буду лизать ее, жестко пробуя. Она так сексуальна и голодна. Она проводит руками по мне так, будто хочет меня всего. Звуки, которые вырываются из глубины ее горла, похожи на те, будто я причиняю ей боль, приводят все мои инстинкты в исступление, сначала инстинкты спаривания, затем защиты. Я хочу трахнуть ее, заставить ее кричать громче, и я хочу прижать ее к себе, защищая от всего, особенно от себя самого.

Она отстраняется, чтобы посмотреть на меня, и ее губы перепачканы моей кровью. Когда она понимает, что открылся мой порез на губе, тихонько охнув, она приближается и лижет меня, заставляя меня стонать, прижимая ее еще ближе. Я хочу каждый сантиметр ее кожи на своей. Она горит, и я знаю, что она чертовски сильна, но я еще никого не хотел держать так нежно. Мы продолжаем целоваться еще некоторое время, все глубже и отчаяннее, я притягиваю ее лицом к своей шее, устраивая возле себя, и дышу так же учащенно, как и она. Мне кажется, я провалился в сон, но когда она шевелится рядом со мной посреди ночи, просыпаюсь от странного ощущения совместного сна с кем-то, таким теплым и мягким.

Она тоже просыпается и смотрит на меня в темноте, будто тоже никогда не засыпала ни с кем в одной постели. Я никогда не спал с женщиной, которую трахал. Я ценю свое личное пространство, но мне нравится, когда рядом Брук. Я знаю, что мужчины смеются над этим. Над подкаблучниками. Над беганьем за девчонкой, словно верный пес. Над желанием обладать женщиной сильнее, чем ее желание обладать тобой. Мне по херу на все это. Могут в жопу себе засунуть свой сарказм. Я предпочту девчонку.

Удерживая в темноте ее любопытный взгляд, я наклоняю голову и облизываю ее рот, чтобы она знала — я хочу, чтобы она спала здесь, затем ласкаю ее, прижимая ближе, и обхватываю руками, чтобы она не ушла.

ПРОШЛОЕ ДЕНВЕР

Мне не нравится то, как ребята смотрят на Брук.

Я не доволен, и точка.

Я сказал им отвалить, помогая ей с ее багажом, и она немного улыбнулась, посмеиваясь.

Будто я какой-то ревнивый глупец.

Может, так и есть.

Но я все равно не позволю Райли нести ее чертов багаж.

Сейчас она в передней части самолета, разговаривает с ними о нашем полете в Денвер, и у меня открывается отличный вид на ее попу.

Попа, чья обладательница спала со мной. В моей кровати. Я думаю о ее губах. Я целовал их в течение четырех дней. Я не буду больше ничего предпринимать, пока она не будет к этому готова. Боже, иногда мне кажется, что она уже готова. Думаю о том, как она играет со мной своим маленьким языком. Влажным, игривым и также желающим. Она руками гладит мои плечи, пока трется им о меня. Ее тело извивается навстречу моему.

Она раскрывает ноги подо мной. Я пытаюсь игнорировать все зеленые огни, восхитительное прижимание ее груди ко мне, и вместо этого я сосредотачиваюсь на ее губах. Я скольжу рукой вверх по ее шее и провожу большим пальцем вдоль ее подбородка. Она так же быстро дышит, как и я. Она стонет. Она отвечает мне так сильно, что у меня возникает необходимость остановиться и принять холодный душ, когда я в секунде от того, чтобы взорваться на нее.

Она ждет меня в постели, не отрывая глаз от двери. В момент, когда я возвращаюсь, она протягивает ко мне руки и открывает рот. Меня накрывает запах ее возбуждения, когда я говорю ей, что она такая чертовски красивая и так хорошо пахнет. Она тихо стонет и произносит мое имя двумя способами. *Ремингтон... Реми...*

Она возвышается надо мной и я пробую на вкус ее шею, ключицу, удерживая руки там, где находится мой рот — если я коснусь к ее груди, я потеряю контроль. Даже ощущение ее раскрытых ног для меня и то, как она двигается, чтобы прижаться к моей эрекции, сводит меня с ума.

Пробую на вкус ее ухо. Трахаю его. Хочу, чтобы каждая частичка ее тела ощутила мой язык. Она дрожит, и звуки сводят меня с ума, как животного. Она позволяет мне возбудить ее так сильно, что она стучит зубами, пока я не накрываю нас простыней и пытаюсь согреть ее теплом своего тела.

Когда у нее вырываются вздохи, и она звучит слишком возбужденной, я отстраняюсь и включаю ей музыку. Ей нравится, когда я включаю ей песни. И когда я включаю телевизор, чтобы остыть, она наклоняет голову мне на плечо и смотрит, этот жест заставляет меня приблизить ее голову ближе к себе, и овладеть ее ртом еще раз, пока мы еще можем выдержать.

Мой член в постоянном напряжении. В момент, когда она смотрит на меня, я твердый. Она смотрит на мой рот, улыбается мне... все, что она делает, отдается прямо к моему

члену.

Сейчас она поворачивается ко мне, и я улыбаюсь ей, когда она направляется прямо ко мне и садится с моей стороны, а ее ноги и попа в этих узких розовых джинсах, умоляющих о том, чтобы их с нее стащили. Снимаю наушники и наклоняюсь к ней ухом, чтобы она сказала мне о всей этой суете в команде.

— Они беспокоятся о тебе.

— Обо мне или моих деньгах? — тихо спрашиваю я. В любой другой день я мог бы этого не спросить. Но я знаю, что они волнуются о моей чертовой ставке. Одной чертовой ночью, будучи темным, я поставил все свои деньги и сбережения на свою победу в этом году. Пит с Райли волнуются об этом, особенно Пит, ответственный за финансы.

— О тебе. И твоих деньгах.

Я улыбаюсь ей:

— Я собираюсь выиграть. Я всегда выигрываю.

На ее губах появляется небольшая улыбка, и мой рот тянет к ее рту, который на вкус, как персики в сахаре. У меня вскипает кровь, когда я замечаю, какими опухшими и красными они стали от наших поцелуев, и сквозь меня проносится потребность взять этот рот своим, когда она вздрагивает.

Она что, знает, о чем я думаю?

Клянусь, что даже не хочу сегодня находиться здесь. Только благодаря ей мне удалось сегодня выйти из своего номера и сесть на этот самолет. Но я не чувствую, что занят чем-либо, кроме *нее*.

— Хочешь побегать сегодня? Чтобы подготовиться к завтрашнему дню? — спрашивает она.

Я отрицательно качаю головой.

— Ты устал? — продолжает она.

Кивая, я шепчу:

— Я так чертовски устал, что едва ли смог вытащить себя из кровати.

Когда она кивает этой темной маленькой головой в понимании, вся тяжесть в груди на миг поднимается, а она, как маленькое солнце во всей моей серости.

Она откидывается на сидении, плечом к моему плечу, и выглядит такой плохо спавшей из-за меня, я опускаюсь ниже на сидении так, чтобы мое плечо было ближе там, где находится ее голова. Так она сможет опереться на меня, и отдохнуть.

Она так и делает.

Молча, я даю ей свой iPod, чтобы она послушала песню Норы Джонс «Come away with me» (прим. «Пойдем со мной»).

Она слушает, лениво прислонившись головой ко мне, и я склоняю голову, пытаюсь слушать вместе с ней. Рывком, будто она только что о чем-то подумала, она хватается iPod, находит песню и передает его мне. Начинается песня «The Fighter» (прим. «Боец») в исполнении «Gym Class Heroes».

Ее глаза сосредоточены на моем профиле, когда я слушаю, и если я целовал ее четыре дня подряд, а она включает мне песню про борьбу, я делаю что-то не то, черт возьми.

— Ты включаешь мне песню о бойце? — спрашиваю ее в неверии и с досадой на себя.

Она кивает.

Я угрюмо отбрасываю ее iPod в сторону, затем хватаю ее за бедра и усаживаю ее к себе на колени, замечая, как у нее перехватило дыхание, когда моя эрекция впивается в ее сочную

маленькую попу. Склоняя голову вниз, я приближаюсь губами к ее уху.

— Включи мне другую, — требую я.

Она вздрагивает и внезапно начинает качать головой.

— Мы не можем продолжать так и дальше, Реми. Тебе нужно поспать.

Я шепчу:

— Включи мне другую песню, Брук.

У меня подпрыгивает сердце, когда она повинуется мне и протягивает руку к iPod, у меня ощущение, будто мне, наконец, что-то перепадет. Забирая его у нее, нажимаю «воспроизвести» и внимательно слушаю, когда начинается знакомая песня «Iris».

Боже, эта женщина убивает меня.

Поднимаю голову, чтобы встретится с ней взглядом в то время, как на коленях и в груди учащенно бьется пульс.

— Я тоже так думаю, — говорю я.

— Ты про что?

Остальные пассажиры сидят тихо, но они не смотрят на нее или на меня. Я запускаю пальцы в ее волосы и наклоняю ее голову вниз, что дает мне возможность жадно провести губами по линии ее губ.

— Про каждую строчку в песне.

Вздрагивая, она отстраняется от меня, что говорит о том, что она этого не хочет.

— Реми...у меня никогда не было интрижек раньше. Я просто не буду делить тебя. Ты не сможешь быть ни с кем, пока будешь со мной.

Боже, она так сводит меня с ума, что я больше не могу думать ни о чем другом. Проведя пальцем по ее нижней губе, которую я только что облизал, смотрю в эти золотые глаза, которые будто одновременно просят и требуют сказать ей:

— У нас не будет интрижки.

Мгновение, она не реагирует.

Я так проголодался за нашими поцелуями, что прижимаю ее к себе и провожу носом по ее уху.

— Когда я возьму тебя, ты будешь моей, — я обещаю ей, проведя пальцем по ее подбородку и нежно целую в мочку уха. — Ты должна быть уверена.

Ее взгляд встречается с моим, когда я предупреждаю:

— Я хочу, чтобы сначала ты узнала меня. Только после этого я хочу, чтобы ты дала мне знать, если ты все еще захочешь, чтобы я овладел тобой.

— Но я уже знаю, что хочу тебя, — протестует она.

Я наблюдаю за тем, как движется ее рот, говорящий, что хочет меня, и от мысли о том, что она не знает, о чем говорит, у меня образуется узел в груди. Медленно, я глажу ладонью по ее руке, произнося хриплым измученным голосом:

— Брук, мне необходимо, чтобы ты знала, кто я такой. Что я из себя представляю.

— У тебя был миллион женщин, от которых ты подобного не требовал, — умоляюще говорит она.

Я хватаю ее за попу и усаживаю ближе к себе на колени, запоминая то, как она смотрит на меня прямо сейчас, когда я смотрю в ее глаза, заставляя понять меня.

— Мне это нужно от *тебя*.

Ее глаза темнеют от боли, она наклоняется ко мне ближе и шепчет:

— Мы не можем так продолжать и дальше, Реми. Не тогда, когда на кону звание

чемпиона. Итак, либо ты придешь за мной сегодня, и мы занимаемся любовью, либо ты оставляешь меня одну, и мы оба отдыхаем.

На мгновение, я не уверен, что услышал все правильно.

Она говорит мне, что я не могу целовать рот, принадлежащий мне... свою женщину... Она говорит мне, либо трахнуть ее, и взять ее всю, либо ничего.

Если бы она была любой другой женщиной в мире, я бы трахнул ее в ночь, когда встретил. Возможно, я бы трахнул ее в другой раз. Тогда, я бы забыл ее. Но она Брук Дюма, и я не собираюсь испортить все с ней, даже если это меня убивает.

— Ладно, — говорю я, улыбаясь так, будто не ощущаю, как мне приходится сдерживать собственный член.

Внезапно, я не могу держать ее на коленях. Ее попа пышная, сочная и моя, но недоступная. Черт бы меня побрал. Усаживая ее сбоку, хватаю свой iPod и что-то ищу. Metallica. Мэрилин Мэнсон. Что-то безумное, что заткнет все протесты, появившиеся в моей голове, и ощущение в груди о проигранном бое, в котором я даже не начал бороться.

ПРОШЛОЕ

ЛОС-АНДЖЕЛЕС

Я забронировал номер для Брук с Дианой, и одной из девушек это не понравилось.

Моей девушке, если быть точным.

Я был весь покрыт потом, и все еще тяжело дышал после тренировки, когда она, массируя мою шею, наклонилась достаточно близко, чтобы прошептать на ухо:

— Не желаешь рассказать мне, почему я живу в одном номере с Дианой, Реми?

Она повернула мою шею в одну сторону, затем в другую, ее нежные пальцы на моем подбородке, но я все равно отказывался отвечать.

— Ты не можешь так поступать, Ремингтон.

Сдерживая смех, я повернулся и коснулся двумя пальцами ее губ, удерживая ее взгляд в течении длительного сердцебиения.

— Останови меня. Слабо? — сказал я ей, затем схватил свое полотенце и направился в свой номер, чтобы утопить все свое неудовлетворение в холодном душе.

Сейчас я в раздевалке «Андеграунда» в Лос-Анджелесе, сижу в конце на скамейке, пока Тренер заматывает мои руки. В ушах звучит какая-то музыка, когда я вижу, как в поле моего зрения Пит кому-то машет.

Вижу, как ко мне направляется Брук по просьбе Пита, и я тут же подцепляю пальцем шнур, стаскивая наушники.

Брук удерживает мой взгляд, молча наклоняясь и нажимая паузу на моем iPod, затем она обходит меня, чтобы схватить за плечи и начинает работать над моими узлами.

В момент, когда я ощущаю ее пальцы на своей голой коже, я издаю стон и чувствую, как мое тело одновременно напряжено от возбуждения и расслаблено от осознания того, что она со мной.

Такое чувство, будто я не целовал ее год.

Мне не хватает ее в моей постели.

Мне не хватает того, как она стонет и того, как ее мягкие шелковистые губы распухают под моими.

Я скучаю по ее прикосновениям; я желаю их очень сильно.

— Глубже, — приказываю ей, и она начинает работать глубже пальцами, используя свой большой для самых крупных узлов. Расслабляя шею, я опускаю свою голову вниз и делаю очень глубокий вдох, когда она прижимает пальцы сильнее, уничтожая узлы, и я издаю стон от удовольствия ощущения тепла, распространяющегося по моему телу.

— Удачи, — шепчет она мне на ухо прежде, чем отступить, а моя кожа ощущается такой натянутой, как покрытие барабана.

Я поднимаюсь и смотрю на нее, и не понимаю, почему она так решительно настроена заставить меня трахнуть ее, что отказывается целовать меня, пока я этого не сделаю, но я собираюсь заставить ее уступить мне прежде, чем я уступлю ей.

Пока что я не трахну ее, независимо от того, насколько я готов убить ради этого.

Я пальцем не притронуся к этой сладкой киске, пока она не будет готова, чтобы ей овладели полностью — на постоянной основе.

Позади ко мне подходит Райли с моим халатом, я засовываю руки в рукава, не отводя от нее глаз.

— Разрывной! — слышу я и мгновение подпрыгиваю на месте, затем трусцой бегу на арену.

Забираюсь на ринг, как всегда, но сегодня не обычный бой. Сегодня я борюсь с...

— Бенни «Черный Скорпиооооон»!

Вижу, как он движется по проходу с другой стороны. Эта уродливая черная татуировка на его лице, он выбегает под свист толпы, но, тем не менее, усмехается.

Вспоминая инцидент в клубе, где он осмелился упомянуть киску моей девушки, я напоминаю себе, что обязан его избить. В момент, когда он забирается на ринг и направляется в центр, я выдвигаюсь навстречу, фиксируя свой взгляд на его желтых глазах.

Его ярость и мой гнев в совокупности создают мощное действие на атмосферу в воздухе.

— Чертов слабак нуждается в женщине, которая бы защитила его сейчас? — говорит он, сплевывая на пол.

Я негромко смеюсь.

— Плохие новости заключаются в том, что теперь даже женщина не сможет защитить тебя от меня.

Мы ударяемся перчатками и раздается звук колокола.

Мы пережидаем, осматривая друг друга, и я хочу, чтобы моя маленькая петарда увидела это.

Я хочу, чтобы она видела, как я выбиваю дух из этого ничтожества.

Бросая взгляд в сторону, я замечаю, что место Брук пустое.

Нахмурившись, просматриваю арену, уклоняясь, когда замахивается Скорпион, затем возвращаюсь и ударяю его в челюсть, быстро и сильно.

Затем я вижу ее.

Она кричит девушке, направляющейся к выходу с одним из приспешников Скорпиона в

то время, как другой из этих ублюдков держит ее, Брук, за руки.

Моя кровь холодеет, затем горит от ярости. Ударяю кулаком подбородок Скорпиона, пихаю его в сторону, хватаюсь за ближайший канат и спрыгиваю с ринга на пол, оставляя Скорпиона позади на ринге истекать кровью. Люди взрываются криками и воплями и ринг-анонсер кричит в динамиках:

— Победитель — Скорпион! Скоооооорпиоооон! Ремингтон Тейт дисквалифицирован в ходе этого раунда! *Дис-ква-ли-фи-ци-ро-ван!*

Протягиваю руки к Брук, когда она изо всех сил пытается вырваться и она выглядит крошечной и злющей в захвате этого ублюдка, от чего я прихожу в ярость. Расцепляю хватку, удерживающую Брук, отталкивая, одаривая его взглядом, сулящим скорую *смерть* от моих рук, затем я притягиваю ее к себе и забываю обо всем, кроме того, что она в безопасности возле меня.

Но она все еще вырывается.

— Нет. Нет! Реми,пусти меня, мне нужно проследить за ней, — она извивается в моем захвате и слегка ударяет меня в грудь, на ее лице отображается боль. — Пустименя, Реми,пусти, *пожалуйста*.

Я прижимаю ее ближе к себе и веду ее к выходу, потому что я не думаю, что она понимает, что происходит.

— Не сейчас, маленькая петарда, — мягко говорю ей. Она прекращает извиваться и выглядывает из-за моей руки на злые лица фанатов Разрывного, и я плечами пробиваюсь сквозь толпу, когда они начинают становиться агрессивными.

— *Сука. Это ты виновата, ты — глупая сука!*

Ее глаза расширяются от ужаса, когда толпа начинает яростно махать кулаками в воздухе, затем она прижимается ко мне и позволяет провести ее к машине.

— Вот дерьмо! — кричит Тренер, когда подъезжает лимузин.

— Ты опустился на третье место. Третье. Возможно четвертое, — угрюмо говорит мне Пит, протягивая футболку и наушники, которые я надеваю после боев. — Ты опустился вниз, Рем. Ты так чертовски хорошо тренировался, ты должен был насадить его задницу на палку, чувак.

— Тренер, успокойся, я понял.

Надеваю повседневную одежду так быстро, как только могу, затем притягиваю Брук к себе, моя кровь все еще пульсирует, горячая, как лава.

Растирая ладонью ее руку, я замечаю, что она не отрывает взгляд от окна, будто ища ту женщину.

— У тебя худшее место в рейтинге за все время, чувак! Да и концентрация ни к черту не годится!

— Черт, Пит, я же сказал, что все под контролем. Я справлюсь, — заверяю его я, быстрее поглаживая руку Брук, чтобы она знала, что все будет хорошо.

— Думаю, в следующий раз Брук лучше остаться в отеле, — бормочет Райли.

Я разражаюсь смехом.

— Брук пойдет со *мной*, — резко отвечаю я, в недоумении качая на них головой.

— Рем... — Пит пытается урезонить.

Я сжимаю челюсть и стреляю в него предупреждающим взглядом, не в настроении для

этого дерьма. Мы едем в лифте в напряженной тишине и я начинаю горячиться из-за беспокойства Брук. Потребность защитить ее от чего бы то ни было, от чего она так встревожена, съедает меня изнутри.

Двери открываются на ее этаже и она вихрем вылетает из лифта, как я понимаю, чтобы наконец-то, к черту, успокоиться. Парни начинают кричать на меня и требовать поговорить с ними, заставляя меня огрызнуться:

— Пит, мы поговорим об этом позже, уймись, все трое.

— Ну-ка вернись, Рем, нам надо поговорить!

— Поговори со стеной!

Дверь в ее комнату почти захлопывается, когда я протягиваю руку, открываю и следую за ней внутрь.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Дверь закрывается позади меня, и она встречается со мной своими изумленными золотыми глазами, и лицом моей чертовой мечты, и внезапно я чувствую себя бессильным и полезным не более, чем чертов стол, стоя здесь, пока что бы то ни было разрывает мою женщину на части.

Я не допущу этого, черт возьми.

Жизнь может бросать крученые мячи в меня, но не в нее. Я поймаю их и брошу обратно. Она будет неприкосновенной, если это будет в моих силах. Она будет неприкосновенной для всего и всех, кроме *меня*.

Она должна прекратить рисковать собой!

Когда она смотрит на меня, я слышу ее резкий вздох, когда она указывает на дверь позади меня.

— Иди, поговори с ними, Реми.

Мой голос звучит грубее, чем обычно, даже для меня:

— Сначала я хочу поговорить с тобой.

В момент, делаю пару шагов, провожу рукой по волосам до затылка. Затем опускаю руки со вздохом, потому что не могу подобрать слов.

— Брук, я не могу драться и приглядывать за тобой.

— Реми, у меня все было *схвачено*, — кричит она.

— Черта с два, у тебя все было схвачено!

Она удивленно вздрагивает, а я сжимаю пальцы в кулаки, когда меня начинает медленно и мучительно поглощать потребность запустить руки в эти темные волосы и прижать ее к себе. Внезапно, ее глаза горят от ярости.

— Почему все смотрят, будто это моя вина? Ты должен был драться со *Скорпионом*!

Я хмурюсь.

— А ты должна была сидеть на своем чертовом месте в первом ряду слева от меня!

— Да какая разница? Ты годами дрался без моего участия! Какая вообще разница, где я нахожусь? — она смотрит на меня и провоцирует сказать ей все дерьмо, что я чувствую к ней, а недостаток слов только, к черту, расстраивает меня. — Мы даже не спим с тобой, Ремингтон! Я твой *работник*. А меньше, чем через два месяца я перестану быть даже работником, я стану для тебя *никем*. Никем.

Боже, это то, что она думает?

Она думает, что я не сплю с ней, потому что... что? Она игрушка для меня? Я испорченный и несовершеннолетний, но я человек и нуждаюсь в кое-чем. И то, что мне. Нужно.

Это. Она.

Я хочу ее слишком сильно, чтобы испортить это. Делаю выдох через нос и спрашиваю:
— Кто та девчонка, за которой ты погналась?

Она отвечает шепотом:

— Моя сестра.

Между нами повисает тишина, и я осознаю, что ее сестра, видимо, *дружит* с командой Скорпиона.

— Что твоя сестра делает с тупицами Скорпиона?

— Может, она задается тем же вопросом насчет меня, — говорит она с горькой усмешкой.

Я смеюсь вместе с ней, мой смех в тысячу раз более горький, чем ее.

— Не сравнивай меня с ублюдком вроде него. Может я и облажался в свое время, но он сжирает девственниц, переваривает и выплевывает, как отбросы.

Брук начинает расхаживать, на мгновение, она морщится от беспокойства, затем грустно закрывает глаза.

— О, боже. Она выглядела ужасно. *Ужасно*, — шепчет она.

Вот и все.

Вот и все, вашу мать.

Брук не будет так страдать не из-за кого.

Не передо мной.

Я не тот человек, кто может стоять и говорить о делах, когда что-то должно быть сделано.

Молча открываю дверь, но прежде, чем уйти, смотрю на ее красивое бледное лицо, и чувствую, что должен что-то сказать. Я в этом не хорош, но делаю усилие над собой и грубо говорю ей:

— Ты не ничто. Для меня.

Закрыв за собой дверь, я направляюсь прямо к лифту.

Не сложно найти мужика с чертовой татуировкой на лице.

Плюс, бойцы всегда останавливаются в одном из отелей, находящихся около «Андеграунда».

Становясь агрессивным, сжимаю руки в кулаки, прохожу через лобби и выхожу в ночь. Огромная толпа занимает подъездную дорогу в отель.

— *Разрывной!* — кричат они.

Повсюду взрываются вспышки.

— *Обожемой!* — начинает кричать женщина, пока сотрудники отеля пытаются удерживать толпу на расстоянии.

Я успешно проталкиваюсь с одной стороны толпы, пока с десятков рук гладят мою задницу и грудные мышцы, когда я слышу:

— Это она. Ее вина, что его сегодня дисквалифицировали!

В недоумении поворачиваясь, вижу, как что-то белое летит в воздухе и разбивается прямо об Брук.

Другой белый шар следует за первым.

Закипая от ярости, сжимаю челюсть и направляюсь назад к ней в то время, как чертовые сумасшедшие люди продолжают бросать в нее дерьмом. Брук наклоняется и бежит

к одному из работников парковки, который, увидев, что я приближаюсь, что-то ей говорит.

Другое яйцо попадает в ее плечо, когда я достигаю ее, и я клянусь, чувствую себя чертовым Халком. Я так чертовски безумен, что чувствую себя зеленым!

— *Шлюха!* — кричат они. — *Сука!*

Используя спину, как щит, получаю яйцом по трапециевидным мышцам, поднимая ее на руки. Поворачиваюсь лицом к этим чертовым лунатикам.

— Только из-за этой женщины я все еще дерусь! — ору на них, чувствуя гнев и их предательство.

Внезапная тишина обрушивается на толпу, и я еще не закончил — ублюдки!

— В следующий раз на ринге я одержу чертову *победу* ради нее, и я хочу, чтобы все вы, кто сегодня обидел ее, принесли по красной розе и сказали, что это от меня! — требую я.

Они осознают это в течение секунды.

Они осознают это...

И они начинают кричать, хлопать, когда я отношу ее назад внутрь.

Дыша через нос, я пытаюсь успокоиться, когда Брук начинает смеяться в моих руках. Ее глаза сияют в неверии, когда она поднимает на меня взгляд.

Я хмурюсь в замешательстве и нажимаю на кнопку вызова лифта десять раз подряд.

— А говорят, что фанаты Джастина Бибера ненормальные, — говорит она, восстанавливая дыхание.

Мой голос хриплый и грубый, когда я счищаю скорлупу с плеча:

— Я приношу извинения от их имени. Сегодня они меня огорчили.

Она прекращает смеяться, сцепляет руки у меня на затылке и смотрит на меня, пока я несу ее в лифт. Какая-то пара решила не присоединиться к нам, и не вошла в лифт.

— Ну, так вы заходите? — спросил я у них, прижимая ее ближе к себе.

Они оба сделали шаг назад и ответили:

— Нет.

Таким образом, мы одни поднимаемся наверх, и Брук прижимает кончик своего красивого маленького носа к моей шее.

— Спасибо тебе, — выдыхает она.

Я усиливаю свой захват. Она ощущается так правильно и идеально в моих руках, никогда не хочу ее отпускать. Меня не волнует, если от нас несет желтками; я жаждал обнимать ее и соскучился по ее рукам, обнимающим меня. И прямо сейчас я не могу думать ни о чем другом, что я предпочел бы делать или где бы предпочел находиться, кроме, как здесь.

Вставив ключ в дверь, открываю ее и заносу Брук внутрь.

— Какого черта происходит, Рем? — требовательно спрашивает Пит, а вслед за ним и Райли.

— Просто уберите отсюда, парни, — я придерживаю дверь открытой для них одной рукой, а другой удерживаю Брук у своей груди. Они пялятся на Брук, будто она может решить какую-то неведомую загадку для них, так что я резко говорю им:

— Я делаю, что хочу, вы поняли?

Это напоминает им, что я здесь, свирепо смотрю на них, и они обращают свое внимание на меня.

— Мы поняли, Рем, — отвечает Райли, следуя за Питом в коридор.

— Тогда не смейте забывать об этом, — хлопаю дверь и запираю ее, теперь никакой тупица не войдет сюда и не прервет мое время с ней, затем мы идем в ванную номера. Она усиливает захват, когда я открываю дверь душа, и я так чертовски счастлив, что она хочет остаться со мной, я держу ее в руках, включая душ.

Идет вода, и я быстро снимаю свои ботинки и ее обувь, затем вхожу в душ, неся ее на руках.

— Давай смоем с тебя это дерьмо.

Она становится на ноги, когда я провожу руками по ее влажным волосам. Вода стекает ей на лицо, когда я снимаю с нее платье через голову. Отбрасываю его в сторону, намыливаю руки, затем наблюдаю за ее лицом, когда провожу руками по ее телу.

Она прикусывает нижнюю губу, когда я прикасаюсь к ней, поднимая ее руки вверх и скользя мылом у нее подмышками, вниз по животу, между ног, вверх к шее. Моя футболка мокрая, и прилипла к груди, и я рывком снимаю ее одной рукой, быстро намыливая себя.

— Не верится, что твои фаны назвали меня шлюхой, — говорит она, наблюдая за мной.

Я быстро намыливаю свои волосы.

— Ничего, ты справишься.

— Думаешь, я должна?

— Ага.

Затем я намыливаю волосы Брук, пальцами поглаживая кожу ее головы.

— Они ненавидят меня, — несчастно говорит она мне. — Я не смогу прийти на твои бои без страха подвергнуться линчеванию.

Хватаю душ и направляю воду на голову Брук, и она закрывает глаза, когда пена стекает по ее телу.

О Боже. О Боже.

Ее соски упираются в лифчик, мягкие и сморщенные. И ткань ее белых трусиков прилипла к губам ее киски. Чертовски гладкой, как и вся она. Я резко перевожу взгляд к ее глазам прежде, чем вздрагивают ее ресницы, она открывает глаза и смотрит на меня. Ее овальное лицо, розовые губы, темные влажные волосы, блестящие от воды ресницы и эти золотые глаза, смотрящие на меня с таким выражением. Будто на этой земле больше ничего нет, на что бы она хотела смотреть, кроме меня. Мое горло, будто пересохло, когда я отодвигаю прядь влажных волос возле ее лба, мое сердце бьется так быстро, как оно еще никогда не билось ни за что в моей жизни.

Она такая красивая и совершенная, что мне становится больно дышать. Поднимая руки, обхватываю руками ее лицо так нежно, как только могу и смотрю на нее, затем одним пальцем касаюсь ее рта. Она забрала у меня этот рот, и я хочу его обратно. Хочу его обратно, потому что он мой. Он чертовски мой, и она убивает меня прямо сейчас, смотря на меня этими глазами, и я вижу её влажное и дрожащее тело.

— Этого никогда не случится, — грубо отвечаю я, потому что только через мой труп кто-то причинит ей вред, фаны или кто-либо еще.

По гладким сухожилиям ее горла вижу, как она сглатывает.

— Реми, тебе не стоило... говорить так обо мне. Они подумают, что ты и я... что ты и я... — она качает головой и смотрит на меня, задыхаясь.

— Что ты моя? — мягко продолжаю я.

Мгновение она моргает, затем смеется.

— Что смешного? — спрашиваю ее.

Открываю стеклянную дверь душевой, затем оборачиваю полотенце на своих бедрах и снимаю спортивные штаны. Она все еще смеется, когда я возвращаюсь к ней, оборачиваю в полотенце, поднимаю и несу к кровати.

Опускаю ее по центру, и я не уверен, веселит ли меня ее смех или нет.

— Мысль о том, чтобы быть моей, веселит тебя? — дразню ее.

Забираясь руками под ее полотенце, стаскиваю с нее трусики и снимаю лифчик, затем вытираю полотенцем ее тело и волосы быстрыми, уверенными движениями.

— Так ты считаешь, что быть моей — смешно? — настаиваю я, проводя полотенцем по ее обнаженной аккуратной груди, наблюдая за ней. — Это смешно, Брук? — повторяю я, глядя ей в глаза.

— Нет! — выдыхает она, ее смех полностью исчезает, когда она наклоняет свои бедра, помогая мне вытереть ее. Я вытираю ее ноги и, когда достигаю колена с небольшим шрамом, замедляю свои движения, обследуя его. Я никогда не хотел поцеловать что-то другое, кроме губ и киски, но я борюсь с желанием поцеловать ее поврежденное колено.

Маленькая рука дрожит в моих волосах, и я слышу ее шепот:

— Ты когда-нибудь принадлежал кому-то?

Мои глаза возвращаются к ней, ее зрачки темные, как ночь, когда она смотрит на меня. Всепоглощающая ревность разрывает меня, когда я думаю, что она принадлежала кому-то другому передо мной. Ощущая бурление в груди, охватываю ее щеку одной ладонью и смотрю на нее.

— Нет. А ты?

Она прячет щеку в моей руке и шепотом отвечает:

— Я никогда этого не хотела.

— Я тоже.

Мы смотрим друг на друга, и между нами будто потрескивает воздух. Она нуждается во мне. А я чертовски нуждаюсь в ней.

Провожу пальцем по ее подбородку, подбирая нужные слова:

— Пока в Сиэтле не увидел эту милую девушку с огромными золотыми глазами и розовыми пухлыми губами... мне стало интересно, сможет ли она меня понять...

Ее грудь вздымается и я наклоняюсь ближе, чтобы почувствовать ее аромат, поднимая полотенце выше, чтобы прикрыть ее тело прежде, чем я не выдержу и возьму это маленькое тело моей мечты, и трахну эту женщину моей жизни, и позволю ей разбить меня, когда она осознает, кем и чем я являюсь, и что во мне чертовски не так.

Мой голос становится грубым от этой мысли.

— Брук, я так многое хотел тебе сказать, но не могу подобрать слова.

Упираясь своим лбом о ее, делаю глубокий вдох и провожу носом по ее лицу.

— Ты меня крепко связала.

На мгновение, я нахожу её губы и быстро целую, прежде чем смотрю в ее глаза.

— Я хотел включить тебе тысячи разных песен, чтобы ты поняла, что... я чувствую...

По ней проносится дрожь, когда я вожу пальцем вдоль ее верхней губы, затем нижней. Она тихо стонет и я держу ее лицо в своих руках и прижимаюсь своим ртом к ее, затягивая

ее язык в свой рот, чтобы я мог сосать его.

Она стонет и впиивается ногтями мне в плечи, выдыхая:

— Почему ты не возьмешь меня, Ремингтон?

Издав от этого стон, я притягиваю ее ближе к себе.

— Потому что я слишком сильно тебя хочу.

Прижимая свой язык сильнее к ее, я наклоняюсь и чувствую, как ее тело прижимается к моему, ее грудь, ее пресс, ее ноги между моих бедер. Она тяжело дышит, когда я притягиваю ее ближе и продолжаю пожирать ее рот.

— Но я так сильно хочу тебя, и я пью таблетки, — умоляет она меня. — Я знаю, что ты чист. Тебя все время проверяют, и я...

Кончики ее сосков упираются в мои ребра, и она дрожит и поднимает свои бедра, молча умоляя меня пойти туда и взять то, чего я хочу. Чего я чертовски жажду. Черт меня побери.

— Я хочу, чтобы ты вернулась в мою постель. Я хочу целовать тебя, держать тебя, — грубо говорю я.

Она сильнее хватается меня за плечи и шепчет напротив моих губ:

— Я больше так не могу, прошу, займись со мной любовью...

Я заглушаю ее рот своим, проникая языком, перемещаюсь так, что мой член упирается в ее бедро... а мое бедро ощущает ее киску.

Она влажная.

Чертовски влажная.

Она меня так заводит, что я не могу прекратить покусывать ее губы, сжимая ее влажные волосы в руках, когда она проводит ладонями по моим рукам и трется об мое бедро. Она тихо стонет, и у меня внутри все скручивается от необходимости, пока она трется, ударяясь бедрами об меня и целует в ответ.

Два... три удара... и она начинает неудержимо содрогаться подо мной.

На мгновение, я прекращаю целоваться, затем понимаю, что происходит. Мой член начинает выпускать сперму, когда я чувствую, как она кончает, и я держу руку у нее на спине и поднимаю ногу, заставляя ее сильнее вжиматься в меня, убедившись, что ее клитор получает достаточно трения, пока я накрываю ее рот своим, и заставляю ее взять мой язык, когда она кончает для меня.

Звуки, что она издает... то, как ее тело ощущается возле моего...

Моя грудь переполнена нежностью, когда я убираю ее волосы назад, и смотрю на ее покрасневшее лицо и застывший взгляд.

— Было ли это хоть вполовину так хорошо, как выглядело? — спрашиваю я, проводя пальцем по ее щеке.

Она затягивает на себе полотенце и сердито избегает смотреть на меня.

— Уверяю тебя, этого больше не случится, — шепчет она.

Боже, я люблю ее. Я люблю ее дерзость и мужество и люблю то, как она становится со мной застенчивой. В восторге от ее застенчивости, когда она только что кончила для меня таким образом, как никакая другая женщина еще не кончала прежде, я наклоняюсь ближе, чтобы поцеловать ее в ухо, и говорю хриплым голосом:

— Я удостоверюсь, чтобы это *случилось*.

— Не рассчитывай на это. Если бы я хотела самостоятельно достичь оргазма, то

позаботилась бы об этом, не устраивая *ни для кого* шоу, — она удерживает полотенце на груди, когда садится и спрашивает, — Могу я одолжить у тебя проклятую футболку?

Она такая милая, когда сердитая. Я, улыбаясь, направляюсь к шкафу и достаю одну из моих обычных черных футболок.

Она все еще хмурится, когда я возвращаюсь.

— Подойдет? — спрашиваю я, чувствуя себя чертовским собственником, когда она берет и надевает ее.

Она по-прежнему выглядит застенчивой и смущенной от всего этого. А я не хочу, чтобы она себя так чувствовала.

— Пошли со мной, съедим что-нибудь, — говорю я, и радуюсь, когда она соскакивает с кровати и следует за мной на кухню.

— Посмотрим, что Диана тебе оставила, — бормочет она, вытаскивая содержимое из духовки и открывая тарелку. Она озорно улыбается. — Яйца. Должно быть сегодня на них скидка.

Я улыбаюсь и смотрю на ее губы, и мне хочется их больше, чем яиц и больше, чем чего-нибудь на кухне. Наблюдая за ней, чтобы она не ушла, я вытаскиваю две вилки и подхожу к ней.

— Подходи, поделюсь.

Потому что я чертовски хочу *накормить* ее.

— О, нет, — быстро говорит она, поднимая ладони вверх. — Для меня достаточно яиц на сегодня. Наслаждайся.

Я опускаю вилку, и следую за ней к двери, хватаю ее за запястье, прежде чем она уйдет и говорю:

— Останься.

Она задерживает дыхание и поднимает на меня взгляд.

— Я останусь, — уверенно шепчет она, — как только ты займешься со мной любовью.

Она смотрит на меня, а я смотрю на нее, борясь в себе. Я хочу ее. Черт, Я хочу ее больше всего. Она должна это знать. Я не могу испортить это, потому что рога у меня больше, чем у проклятого дьявола.

Я не испорчу это из-за своего члена.

Тоскливо вздохнув, я держу двери открытыми для нее и становлюсь так, чтобы она должна была соприкоснуться со мной, чтобы уйти. Каждая мышца в моем теле сокращается, когда она проходит... и я наблюдаю, как она направляется вниз по коридору.

От наблюдения за ней в моей чертовой футболке мои яйца становятся синими, как никогда за всю мою жизнь.

После ужина, мне нужно принять еще один душ, на этот раз холодный, и когда я скидываю нашу одежду в сушилку, я ловлю себя на том, что обнюхиваю ее влажное платье, лифчик и влажные чертовы милые белые трусики. Часами, я представляю себе, как иду в ее комнату и забираю ее назад, сюда, ко мне.

Представляю себе, как раздеваю ее, затем целую и ласкаю ее всю ночь, пока не взойдет солнце.

А затем представляю себе выражение её лица, когда скажу ей, что я биполярный.

ПРОШЛОЕ ОСТИН

Настроение сегодня такое, что хочется кого-нибудь прибить.

Кого-нибудь с кудрявыми волосами и карими глазами. В чертовом черном костюме, за который я заплатил. В галстук, за который я заплатил. С чертовой улыбкой на лице, за которую *он* заплатит.

Пит и Райли — мои братья.

Я бы убил за них.

Но Брук избегает меня, и я не выдерживаю, что она улыбается им так, как я бы хотел, чтобы она улыбалась *мне*.

Я слышу, как они шутят. Смеются за завтраком, обедом. Ужином.

Сейчас я бью грушу, прямо по центру, пока мои внутренности каменеют от гнева, когда Пит выходит из дома (моего дома) с Брук и вместе они подходят ко мне. Остин — это моя проверка на прочность. Я могу чувствовать, как каждый момент моей жизни здесь душит меня, заставляет колесики в моей голове крутиться от воспоминаний, слишком смутных, чтобы отчетливо восстановить в памяти, но и слишком болезненных, чтобы забыть. Этот дом я купил, чтобы сблизиться с теми самыми родителями, который бросили меня, когда я был подростком. Они относились ко мне не иначе, как к голодному псу, и мне потребовалось время, чтобы понять, что они не собирались бросать мне кость. А я все приходил и приходил, продолжая надеяться получить их внимание.

Таким же голодным до внимания я чувствую себя, когда вижу, как Брук подходит ко мне вместе с Питом.

Нет. Я чувствую себя еще *более* изголодавшимся. Я чувствую ярость из-за сдерживаемого страстного желания обладать ею, и мое самообладание рассыпается на куски. Так что, когда Пит хватает ее за локоть и шепчет что-то ей на ухо, а она шепчет что-то в ответ, меня мутит, а ревность разъедает меня живьем.

О, да, мне хочется кого-нибудь прибить.

— Эй, Би, может, попробуешь размять его, его форма не идеальна. Тренер думает, дело в нижней части спины, — кричит Райли в дверях амбара.

Она начинает идти ко мне, я хмурюсь и бью грушу так быстро, как могу. *Бахбахбах...*

— Тренер не доволен твоей формой и Райли считает, что я могу помочь, — говорит она, наблюдая за моими ударами.

А я продолжаю бить, потому что чертовски зол на нее.

Она принадлежит *мне*.

Я хочу быть с ней и хочу, чтобы она увлеклась мной, как только можно пристраститься к чему-нибудь, может тогда, узнав обо мне правду, она не уйдет.

— Реми? — произносит она.

Я отворачиваюсь, чтобы она не отвлекала меня и не отвожу взгляда от мешка, заставляя его летать, бешено колотя.

— Ты позволишь мне размять тебя?

Отворачиваясь сильнее, я продолжаю колотить грушу по центру обоими кулаками,

когда замечаю, как она роняет эластичные бинты на землю, прежде, чем потянуться ко мне.

— Реми, ты собираешься отвечать мне?

Ее рука касается моей спины и дрожь проходит сквозь меня. Замирая, я опускаю голову и злуюсь, думая, чувствует ли Пит дрожь, когда она касается его, после чего оборачиваюсь и сбрасываю перчатки на землю.

— Он тебе нравится? — требовательно спрашиваю я.

Она только молча смотрит на меня, так что я протягиваю руку в пластыре и кладу ее на то же место, где Пит касался ее руки.

— Тебе нравится, когда он касается тебя?

Прошу, скажи мне «нет».

Прошу, скажи «нет».

Нет слов, чтобы описать, какую боль она мне причиняет. Я пытаюсь защитить ее от себя. Я пытаюсь защитить себя... от того, что может стать самой большой трагедией моей жизни.

— Ты не имеешь на меня никаких прав, — говорит она, затаив дыхание от гнева.

Моя хватка на ней усиливается, и я еле слышно рычу.

— Ты дала мне право, когда кончила на моем бедре.

— Я все еще не твоя, — выпаливает она мне в ответ, ее щеки горят. — Может, ты боишься меня?

— Я задал тебе вопрос, и хочу получить ответ. Тебе, черт побери, нравится, когда другие мужчины прикасаются к тебе? — говорю я требовательно, мое раздражение растет.

— Нет, болван, мне нравится, когда ко мне прикасаешься ты! — кричит она.

Это успокаивает меня.

Это настолько умиротворяет меня, что лед внутри меня мгновенно превращается в лаву. Проводя пальцем по сгибу ее локтя, я хрипло спрашиваю:

— Насколько сильно тебе нравятся мои прикосновения?

— Сильнее, чем мне бы хотелось.

Она взбешена, но я понимаю, почему.

Потому что мы, блин, убиваем друг друга, отдаляясь, и я хочу покончить с этим.

— Нравится ли тебе это достаточно сильно, чтобы позволить мне ласкать тебя в постели этой ночью? — произношу я.

— Мне нравится это так, чтобы позволить тебе заняться со мной любовью.

— Нет. Не заниматься любовью.

Черт, она сводит с ума не только мой член, но и всю мою жизнь.

— Только прикосновения. В постели. Сегодня. Ты и я. Я хочу снова заставить тебя кончить.

Она изучает меня в тишине, и на мгновение, я чувствую, как она рассматривает мое предложение.

Я никогда в жизни не видел, чтобы женщина кончала так, как она кончила со мной.

Потому что она моя и она на редкость упряма. *Черт!*

— Слушай, я не знаю, чего ты от меня ждешь, но я не стану твоей игрушкой, — говорит она, освобождаясь из моего захвата.

Притягиваю ее ближе, мой голос груб от досады.

— Ты — не игра. Но мне нужно сделать это по-своему. *По-своему.*

Прежде, чем взять себя в руки, я зарываюсь носом в ее шею и вдыхаю ее запах, провожу

языком влажную дорожку к ее уху. Низкое рычание вырывается из моей груди, после чего я беру ее за подбородок и заставляю встретиться со мной взглядом, молча призывая понять.

— Я делаю это медленно ради тебя. Не ради себя.

Она качает головой, будто не верит мне.

— Это затянулось. Давай, я просто поработаю над твоей растяжкой.

Она подходит к моей спине, но прямо сейчас все ее прикосновения являются напоминанием мне о том, чего я хочу и что она, черт побери, не дает мне.

Я вырываюсь и бросаю на нее сердитый взгляд.

— На хрен, не беспокойся. Иди, займись растяжкой Пита.

Я вытираю пот с груди ближайшим полотенцем, затем, не обращая внимания на свои перчатки, продолжаю бить грушу голыми руками.

Бац, бац, бац.

— Он меня не хочет, — слышу, как она говорит Райли, уходя.

Я сжимаю челюсть и бью грушу сильнее.



ТОЛПА В ОСТИНЕ любит меня в тысячу раз сильнее, чем когда-либо любили родители. Это мой город. Где я должен был вырасти. Где я слышу, как люди выкрикивают мое имя, говоря мне, что любят меня.

Но это не ощущается реальным. Это не чувствуется домом. Даже ринг больше не чувствуется домом. Последнее время я чувствую себя, как чертов бездомный. Я хожу с дырой в груди и, не важно, как сильно я бью, как много я тренируюсь, она не проходит.

По всей арене машут плакатами. Женщины выкрикивают мое имя. А я все равно хочу, чтобы его кричала Брук Дюма. Но она никогда этого не делает.

Я побеждаю последнего соперника чистейшим нокаутом, и последовавшие за этим крики оглушают.

— Наш победитель сегодня, Ремингтооооооон Тейт, ваш РАЗРЫВНОЙ!! — кричит анонсер.

Пот стекает вниз по моей груди, мое тело горячее от напряжения. Мою руку поднимают в знак победы, я бросаю на нее взгляд, чтобы узнать, смотрит ли она. Она смотрит.

На моих губах появляется улыбка, и я указываю пальцем на нее, и наблюдаю, как цепочка людей направляется к ней. Удерживая ее взгляд с еще более широкой улыбкой, я указываю на девчонку, которая идет к ней с моей красной розой. Золотые глаза Брук расширяются в неверии, и мою грудь переполняет счастье, когда вскоре она окружена толпой фанатов, протягивающих ей розы.

Она выглядит ошеломленной, хватая каждую розу, оцепенев от ужаса.

По пути в дом, она дрожит, сидя на сидении. Я тоже на взводе. Черта с два она сможет отказать мне в поцелуях этой ночью.

— Ты был бесподобен, Рем! — восклицает Пит в машине. — Чувак, вот так ночка.

— Отличный бой, сынок, — добавляет Тренер низким от гордости голосом. — Ни разу не утратил форму. Ни разу не опустил защиту. Даже Брук сегодня влюбилась, да, Брук?

Тишина.

Брук не проронила ни слова, не смотрит на меня, ее колени укрыты розами. Моими

розами. И все же она не смотрит на меня.

— Ты всех порвал, — продолжает Райли.

Я перестал слушать ребят. Единственное, к чему я прислушиваюсь, это тишина, исходящая с места, где сидит Брук, в напряжении напротив меня, с охапкой роз, полностью *игнорируя* меня. Напряжение съедает меня. Разве не все женщины любят розы?

Она сжимает челюсть и даже не смотрит на меня, а я в таком чертовском замешательстве, что мне хочется вцепиться в свои же волосы.

Кровь закипает в моих венах, когда я вхожу в свою комнату и захожу в душ, открываю холодную воду и стою там, закрыв глаза, вновь прокручивая в памяти, как она стояла там, и смотрела, как ей несли розы. Она выглядела удивленной. Но выглядела ли она обрадованной? Выглядела ли она счастливой? Все сработало не так, как я планировал. Я планировал, что она будет в моей чертовой койке этой ночью. Где я хотел наблюдать, как она смотрит на меня, пока я забираюсь к ней в трусики и заставляю ее кончить парочку раз, выкрикивая *«Ремингтон»*...

Я все еще закипаю от неудовлетворения и, выйдя из душа, хватаю полотенце, когда, я слышу, как хлопает дверь моей спальни.

Неожиданно мои чувства усиливаются. Каждая пора моего тела гудит от осознания, что она рядом.

И вот она. *Черт, Брук Дюма.*

Я бросаю полотенце.

Она стоит в моей спальне и смотрит прямо на меня, даже после холодного душа мой член подпрыгивает, привлекая внимание.

Ее взгляд падает ниже и ее лицо вспыхивает красным, когда она шагает вперед, ее золотые глаза мерцают от злобы и боли. Она несколько раз бьет меня в грудь, и боль в ее голосе проникает в более глубокие, уязвимые части меня.

— Почему ты ко мне не прикасался? Почему, черт возьми, ты не берешь меня? Я слишком толстая? Слишком простая? Ты просто наслаждаешься, бессмысленно чертовски мучая меня, или ты просто настолько жесток? Чтобы ты знал, я хотела заняться с тобой сексом еще с того дня, когда пошла в твой дурацкий номер в отеле, а вместо этого получила работу!

Я инстинктивно реагирую, притягивая ее к себе, опуская ее руки вниз.

— Почему ты хочешь заняться со мной сексом? — сердито спрашиваю я. — Ради чёртового приключения? Кем я должен был стать? Парнем на одну ночь? Для каждой женщины я становлюсь приключением, мать твою, и я не хочу быть им для *тебя*. Я хочу быть твоим грёбаным *настоящим*. Понимаешь ты это? Если я трахну тебя, я хочу, чтобы ты принадлежала мне. Была моей. Я хочу, чтобы ты отдала себя *мне* — не Разрывному!

— Я никогда не буду твоей, если ты не возьмешь меня, — выпаливает она в ответ. — *Возьми меня!* Ты сукин сын, разве не видишь, как сильно я тебя хочу?

— Ты меня не знаешь. Ты не знаешь обо мне главного.

— Тогда скажи мне! Ты думаешь, я уйду, если ты скажешь мне то, что так не хочешь, чтобы я знала?

— Я так не думаю, я знаю, — я обхватываю руками ее лицо, все внутри меня скручивается от боли, когда я смотрю в ее голодные, обозленные золотые глаза. — Ты уйдешь от меня в туже секунду, когда это станет уже слишком, и ты оставишь меня ни с чем

— когда я хочу тебя, как никогда ничего не хотел в своей жизни. Все, о чем я думаю и мечтаю — это ты. Мне бывает очень хорошо и плохо, и сейчас причиной этому являешься ты, от меня это больше не зависит. Я не могу спать, не могу думать, мне тяжело сконцентрироваться, и это все из-за того, что я хочу быть твоим чертовым «единственным», и как только ты поймешь, кем я являюсь, я стану чертовой ошибкой!

— Как ты можешь быть ошибкой? Ты себя видел? Ты видел, что ты делаешь со мной? Я принадлежала тебе с самого начала, ты, чертов кретин! Ты заставляешь меня хотеть тебя до боли, а затем ты ни хрена не делаешь!

— Потому что я *биполярный*, твою мать! Маниакальный. Жестокий. Депрессивный. Я — гребаная бомба замедленного действия, и если кто-то из команды облажается, когда у меня будет очередной эпизод, следующим человеком, кому я сделаю больно, можешь быть ты. Я пытался донести это до тебя так медленно, как это возможно, чтобы, по крайней мере, у меня был шанс с тобой. Это дерьмо отобрало у меня все. Все. Мою карьеру. Мою семью. Моих гребаных друзей. Если это отберет и этот шанс быть с тобой, я даже не знаю, что буду делать, но депрессия поразит меня так глубоко, что я, вероятно, в конечном итоге убью себя!

Когда я замечаю шок на ее лице, я заставляю себя отпустить ее.

Святой боже, почему я только сделал это? Почему рассказал все так? Я все провалил. Я думал, что однажды она уйдет и хлопнет дверью? Черт, теперь мне остается только отсчитывать секунды. Мои нервы натянуты, как провода. Я не спал, и все, что я ей рассказал — даже не половина всей правды. Внутри меня неразбериха, я иду за штанами от пижамы, затем хватаю футболку из шкафа.

Я вижу, как она изо всех сил пытается понять сказанные слова.

Биполярный.

Маниакально-депрессивный.

Сумасшедший чертов псих.

Я даю ей время обдумать услышанное и сжимаю кулаки, футболка все еще в моей руке, и я чувствую, будто граната вот-вот взорвется в моей руке, пока смотрю, как она поражена. Я только выбросил на хрен свой план «не спешить и дать ей узнать себя». Я все откладывал. Ждал удобного случая. Может, я не хотел, чтобы она знала. Я хотел притвориться, что ей никогда не нужно будет узнать. И я просто смогу быть рядом с ней таким обычным парнем. Я всю жизнь старался, чтобы это не влияло на меня, даже когда годами это было единственным значимым определением меня.

Никто не говорил, что я могу быть бойцом, или что я могу быть другом, сыном, или партнером. Все, что говорили мне врачи — что я был биполярным.

И теперь она знает. Она знает, что я такой — я потерял ее. Прежде, чем сделал своей.

Я все еще пытаюсь смириться с фактом, что теперь она не захочет иметь со мной ничего общего, когда, одну за другой, она медленно расстегивает пуговицы своей рубашки. Сперва я убежден, что мой мозг играет со мной. Одна пуговица расстегивается, следом другая, обнажая нежную, загорелую кожу, больше и больше кожи. Мой пульс подскакивает, и горло сжимается от силы моего желания. Где-то в комнате кто-то что-то произносит, и это, должно быть, я. Я в отрицании. Я не могу поверить. Я не верю в это и ей лучше бы уйти прежде, чем это случится.

— Я принимаю все, как есть, — предупреждаю я ее. — Я не пью лекарства. Они заставляют меня чувствовать себя мертвым, а я намерен прожить свою жизнь живым.

Она кивает.

Внутри меня что-то сжимается, прямо там, где находится мое гребаное сердце, когда ее пальцы продолжают расстегивать пуговицы.

— Сними свою одежду, Реми.

Она расстегивает последнюю пуговицу и распахивает рубашку прямо по центру, мои пальцы сводит так сильно, что футболка, которую я держу, падает на пол.

Она так прекрасна, мои глаза жадно поглощают ее расстегнутую рубашку и гладкость кожи, которую она только что обнажила, и я все еще не могу поверить, что что-то настолько идеальное и прекрасное захочет быть со мной.

— Ты не представляешь, о чем просишь, — говорю я с хрипом, не зная, на кого злюсь. Я просто зол, что биполярен и прямо сейчас ничто не убедит меня, что я когда-либо буду достаточно хорош для нее.

— Я прошу тебя, — возражает она.

— Черта с два я позволю тебе уйти от меня.

Она удерживает мой взгляд и мое сердце бьется так быстро в груди, что я с трудом слышу ее.

— Может, я и не захочу.

Мое сердце гулко стучит в надежде, и я чувствую, будто оно вот-вот сломает все ребра.

— Дай мне чертову гарантию. Я не позволю тебе уйти, а ты захочешь попытаться. Со мной будет трудно, и я буду ослом, и рано или поздно, с тебя будет *довольно*.

Она сбрасывает рубашку на пол, затем стаскивает юбку вниз по бедрам. Она стоит в хлопковом лифчике и трусиках, ее грудь вздымается, ее глаза такие глубокие и бездонные, я чувствую, как они затягивают меня.

— Мне никогда не будет достаточно тебя, никогда, — шепчет она.

Я клянусь, за всю мою жизнь ничто и рядом не стояло с этим. Тем, как я нуждаюсь в ней. Хочу ее. Чертовски люблю ее. Я поглощен испытываемыми чувствами, тонной вещью, которые раньше не ощущал, и низкий голодный звук вырывается из моей глотки.

Она перестает дышать, пока я дышу так тяжело, что с трудом могу слышать себя в комнате, и мне надо прижать ее к себе так сильно, что я сжимаю пальцы в кулаки, говоря ей грубо.

— Тогда иди сюда.

Она беспомощно смотрит на меня, и я жду, мое сердце бьется о грудную клетку, пока я смотрю на нее в этом белье. Она самая сексуальная, горячая штучка, что я видел, каждый маленький мускул в ее теле гладкий и аккуратный, в то время, как ее бедра изгибаются, словно бутылка содовой, ее маленькие соски упираются в лифчик. Когда она делает первый шаг мне навстречу, все мое тело сжимается. Ее пульс колотится, и в моем рте становится влажно от желания попробовать ее вкус, пососать ее.

Она останавливается в полушаге от меня, и я протягиваю руки, мгновенно захватывая ее волосы, наклоняя ее голову назад, зарываясь носом в ее шею. От ее женственного аромата я рычу, и, когда она вздрагивает и вдыхает меня в ответ, я провожу языком влажную дорожку

вверх по ее шее и обхватываю ее руками.

— *Моя.*

— Да, да, да, Ремингтон, да.

Она сжимает в кулаках мои волосы, и я вдыхаю ее, как сумасшедший, затем хватаю ее лицо и провожу языком вверх по ее шее, челюсти, облизывая ее губы.

Жадно, я раскрываю их и прикусываю мягкую плоть, заставляя ее хныкать, втягивая ее губы в рот. Наши языки сплетаются, и, святой боже, я клянусь, что чувствую, как она тает от меня, пока я сгораю от нее. Я горю так яростно, что мои нервы потрескивают, словно фейерверк, внутри меня, пока я скидываю свои штаны и ее лифчик.

Я обхватываю ладонью ее полную грудь и притягиваю напрягшийся сосок в свой рот. Я увлажняю его языком, пока двигаю пальцами в ее трусиках... и вот она в моей руке.

Горячая и влажная. *Моя.*

— Скажи, что это для меня, — приказываю я гортанным голосом, дразня ее кончиком пальца.

— Это для тебя, — выдыхает она, затем целует мой висок и челюсть, когда я срываю ее трусики одним резким рывком.

Она распаивает глаза от восхищения, когда я поднимаю ее, поворачивая, прижимая спиной к стене, и обхватывает меня ногами. Я пристраиваю свой член возле ее входа, поднимая ее руки над головой.

— Ты моя? — спрашиваю я требовательно, проскальзывая рукой между нами и немного вводя внутрь средний палец.

— Я твоя.

Слова рвутся из меня наружу, когда я погружаю свой палец глубже в ее влагище.

— Ты хочешь меня внутри себя? — спрашиваю я охрипшим голосом.

Ее глаза горят от желания, губы налились кровью и влажные после моих поцелуев.

— Я хочу тебя повсюду. Везде на себе. Внутри себя.

Я борюсь, чтобы сохранить контроль, когда начинаю проникать в нее, медленно и мягко. Достаточно медленно, чтобы не причинить ей боль. Только доставить ей удовольствие. Она хнычет, пока я растягиваю ее, и, когда я начинаю выходить из нее, она притягивает меня ближе и опускается ниже — вбирая меня всего внутрь. Удовольствие разливается внутри, когда ее жар окутывает меня.

Обезумев от желания, я хватаю ее грудь и проталкиваю свой язык в ее рот, а она сосет, пьет меня. Я пробую ее подбородок, ее вкусную нежную шею, затем наклоняю голову и всасываю один из ее красивых сосков в рот.

— Реми, — стонет она, сжимая руки вокруг моей шеи. Ее сильные гибкие маленькие ножки сжимаются вокруг моих бедер, и молния удовольствия простреливает через мое тело, заставляя меня дрожать, пока я не двигаюсь.

— Реми... — умоляет она, ударяясь бедрами. — Прошу, прошу... *двигайся.*

Я рычу и стараюсь не думать о том, как приятно она ощущается, чтобы продержаться подольше, но она хочет этого... черт, я хочу этого сильнее жизни.

Медленно, я выхожу из этого влажного восхитительного тепла, затем врываюсь обратно внутрь. Стон удовольствия вырывается из нас обоих. Ее киска дрожит вокруг меня, и мой член насколько готов взорваться, что у меня требуются все силы, чтобы выйти из ее уютной теплоты и толкнуться обратно, и, когда я это делаю, я рычу и прижимаюсь своим лбом к ее, бесконтрольно целуя ее. Я хриплю ее имя ей в рот, сжимая ее бедра, когда выхожу и

врываюсь внутрь, достаточно глубоко, чтобы целиком погрузить свой член в нее.

Я настолько возбужден этим новым ритмом, что яростно кончаю внутри нее. Она кончает вместе со мной, мы дрожим и сжимаем друг друга. Она кружит своим язычком вверх по моей шее, когда наши тела сближаются, расслабляясь, когда мы прижимаемся друг к другу, и, когда я, наконец, расслабляюсь, тихонько рычу.

Я все еще твердый, как камень, а она чертовски влажная, так что я хватаю ее попку и, удерживая ее ноги вокруг себя, отношу ее в постель. Все еще оставаясь внутри нее, я нежно опускаю ее вниз, подкладывая подушку ей под голову, и снова начинаю двигаться.

Пробуя ее сначала, делая это медленно, я спрашиваю без слов. *«Ты хочешь большего?»*

Она отвечает сексуальным мяуканьем, когда впивается ногтями в мою спину, такая сногшибательная подо мной. Чертова влажная мечта, смотрящая вверх на меня. Набухшие губы. Блестящие золотые глаза. Раскрасневшиеся щеки. Темные волосы. Она судорожно вдыхает, когда я с силой проталкиваю язык в ее рот.

— Ты хотела меня, — хрипло говорю я, и боже, я вижу, что это так, когда она перестает стонать, чтобы впиться в мой язык. — Так вот же я.

В этот раз я действую жестче, трахая ее так, чтобы она каждой клеткой тела почувствовала мои толчки, чтобы она знала, что теперь я ее мужчина. Она принимает это с таким удовольствием и выглядит так сексуально, когда кончает, я выхожу из нее и трусь своим влажным членом о ее бедра, живот, сжимая ее прелестную грудь в руках и пробуя ее шее, делая ее липкой и влажной, кончая.

— Я так давно хотел прикоснуться к тебе, Маленькая Петарда.

Люблю то, как ей нравится, когда я играю с ее сосками. Люблю то, какие они твердые и маленькие, какие розовые и чувствительные. Сжимаю их, пока они не выглядят красными и счастливыми от моих щипков, хватаю ее бедра и снова беру ее. Глубоко.

Сильно. Мои пальцы впиваются в ее бедра, и она такая требовательная и тугая, она стонет мое имя: *«Ремингтон»*.

Я заявляю на нее свои права, и она отдается мне без возражений. Она хочет принадлежать мне. Она хочет быть моей.

Она. Теперь. *Моя*.

Она ловит ртом воздух... *«Прошу», «о, боже», «ты такой твердый», «так приятно»*.

А я говорю ей «такая сладкая и влажная», когда она хватается меня за зад и притягивает ближе, сжимаясь подо мной, и я не могу устоять, когда ее киска начинает доить меня. Ее оргазм срывает тихий стон с ее губ, а я издаю низкое рычание, мое тело сжимается и расслабляется вместе с ее.

Мы падаем на кровать, она оборачивает мою руку вокруг своего тела и прижимается ближе, целуя мой сосок. Я передвигаю ее, чтобы лежать на спине, а она лежит на мне, прижимаясь упругим животиком к моему.

Чувствую себя чертовым королем. Мне никогда не будет достаточно тебя, никогда...

Она первая женщина, внутри которой я кончил. Она, блин, позволила мне. Для меня это означает *«Ты определенно точно мой мужчина»*.

О, да, я чувствую себя охренительно и все еще хочу покрыть ее собой, чтобы каждый сантиметр ее прекрасной кожи этой ночью пах Ремингтоном Мать Его Тейтом, ее мужчиной.

Пододвинув ее, я укладываю ее маленькое расслабленное тело на себя, живот к животу, и вожу носом по ее уху, пока руками глажу ее сладкие округлости.

— Ты пахнешь мной.

Мне это так чертовски нравится, я начинаю обнюхивать ее шею.

— Ммм, — звучит ее ленивый ответ.

Упираюсь носом ей в висок, когда сжимаю ее сочную попку. Она кажется сонной, но я слишком заведен сейчас, чтобы спать.

— Что означает «ммм»?

— Ты первый так мне ответил, — отвечает она дерзко, и я слышу улыбку в ее голосе.

В темноте, я смотрю на линию ее подбородка, и нежно говорю:

— Это означает, что я хочу съесть тебя. Твои маленькие бицепсы. Твои маленькие трицепсы. — Я легонько толкаю ее нос своим, чтобы она откинула назад голову, затем целую ее сладкий рот. — Теперь твоя очередь.

Повернувшись на бок, она берет мою руку и проводит ею по своему животу, где я оставил влажный след на ее коже.

— Это означает, что я собираюсь пренебречь личной гигиеной на этой неделе и не принимать душ, чтобы на мне оставался твой запах.

Боже, клянусь, только моя женщина сказала бы так. Рыча, я перекатываю нас на бок, лицом друг к другу, затем тянусь между ее ног и скольжу по семени вверх, внутрь ее влагища, в киску.

— Липко?

Я стону, наклоня голову и облизывая ее плечо, пока мой влажный палец проникает внутрь нее.

— Ты хочешь смыть меня с себя? — нежно дразнюсь я.

Брук почти незаметно раскачивается, но не настолько незаметно, чтобы я не видел, как она хочет приблизиться ко мне, моим губам, моему телу и моим пальцам. Мне это чертовски нравится.

— Нет, — выдыхает она, расставляя ноги чуть шире для меня. — Я хочу, чтобы ты дал мне еще.

Я хочу, чтобы она попробовала нас на вкус, так что я потираю своим влажным пальцем о ее губы и проталкиваю его ей в рот.

— Я хотел тебя с той ночи, когда впервые увидел, — хрипло шепчу я ей, наблюдая, как она сосет палец.

— Как и я.

От ее признания в моем животе все сжимается, и я проталкиваю второй палец в ее рот, смотря, как ее нежные золотые глаза закатываются, пока она слизывает с пальцев наш вкус, словно это деликатес. Когда она стонет, я снова набухаю.

— Тебе нравится мой вкус? — подначиваю я.

— Ммм. Теперь это все, чего я хочу, — она легонько покусывает мои пальцы, и мой член подпрыгивает в полную длину, когда ее зубы впиваются в мою плоть. — Мне всегда будет необходима моя доза Реми после обеда, — продолжает она. Я становлюсь болезненно твердым, и ее светящиеся, дразнящие глаза сводят меня с ума от желания. — И, может быть, перед завтраком. И после ланча. И во время чаепития.

Я рычу, не выдерживая этого. С конкретной целью я опускаюсь вниз между ее раздвинутых ног, и мой язык накрывает ее лоно. Она выгибается, предлагая больше, и я

хватая ее ягодицы, чтобы поднять повыше к своему рту, ее вкус опьяняет. Сладкий, сбивающий с ног, отдающий прямиком мне в чертовы яйца. Я так чертовски заведен и изголодался по ней, могу говорить только в перерывах, пока вылизываю ее.

— Я... хочу.... кончить... на каждую часть твоего тела, — я всасываю ее вкус, зажмуриваясь от наслаждения, затем поднимаюсь, чтобы ворваться своей эрекцией в нее еще раз.

Она хватая мою голову, впиваясь в молчаливой мольбе своими губами в мои.

— Кончай куда захочешь, внутрь меня, снаружи, в мою руку, в мой рот.

Ее пальцы обхватывают мой член, это касание такое неожиданное, такое сладкое и жадное, что от ее прикосновений мой член взрывается, и я кончаю, выплескивая семя на ее руку, ее запястье. Она толкает меня на спину и запрыгивает на меня, толкаясь на мой ствол, я вскрикиваю от удовольствия и откидываю голову назад, пока обхватываю ее бедра, поднимая ее вверх, затем резко опускаю вниз, все еще кончая внутри нее.

Позже она вздрагивает с тихим стоном, запрокидывая голову назад, когда взрывается вместе со мной, затем падает, слабая и обессиленная, на мою грудь. Я укладываю ее на себя, оставляя свой член внутри нее, тяжело дыша, поглаживая руками ее спину, проводя по ее попе, ямочками на пояснице.

Мы лежим так часами, лаская друг друга. Она слаба, но я все еще на взводе от того, что я с ней. Я не могу перестать водить руками по ее округлостям. Я касаюсь ее колена, ее попки, волос.

— В ту ночь, когда они накачали тебя успокоительным... — спрашивает она тихонько, спустя несколько часов, — это был эпизод?

Она гладит мой пресс, но даже ее прикосновения не могут отвлечь меня от напряженности этой темы.

— Мы вообще можем говорить об этом? — спрашивает она.

Я закрываю глаза, когда она продолжает гладить меня. Я раньше не испытывал проявления нежности, которые бы не были прелюдией. Я не позволял этому случиться, когда мы кончали, я кончал. Как во время боя. Но вот она касается меня, и мне это так сильно нравится, я прижимаю ее к своей шее, чтобы она не отодвигалась от меня.

— Ты можешь поговорить об этом с Питом, — шепчу я.

— Почему бы тебе не поговорить об этом со мной, Ремингтон?

Вот *черт*. Я сажусь, свешивая ноги с кровати, проводя руками по лицу.

— Потому что во время большинства эпизодов я не помню, что делаю.

Я начинаю расхаживать по комнате. Я ненавижу говорить об этом. Эта тема нервирует меня. То, чего я не помню и обычно не могу сознательно контролировать. Что она хочет, чтобы я сказал? Я делаю всякую херню, а потом не уверен, что сделал это? Я, кажется, теряю контроль, а когда возвращаюсь в сознание, обычно узнаю от кого-то постороннего, каким редкостным мудаком я был?

— Хорошо, я поговорю об этом с Питом, вернись в постель, — выпаливает она, но она уступила слишком легко. Я не идиот, и понимаю, что она хочет знать. Черт, она заслуживает знать.

— Я помню тебя, — говорю я ей, просто, чтобы это было ясно. — Во время моего последнего эпизода. Шоты текилы. То, как ты выглядела. Тот маленький топ, который ты надела. Ночи, когда ты спала в моей постели.

Кажется, она обдумывает это несколько мгновений, А затем шепчет, голосом, полным такой нежности, которую я никогда не слышал по отношению к себе:

— Я так сильно хотела, чтобы у нас все получилось.

В моей груди ухает от эмоций, я разворачиваюсь. Глубина ее глаз бесконечна. То, как она смотрит прямо на меня. Я чувствую, что меня видят. Без упрека, отвращения. Чувствую, что меня хотят. Хотят так, как никогда, никогда раньше.

— Думаешь, я не хотел? — шепчу я, не веря. — Я хочу тебя с тех пор... — направляясь обратно в постель, я не могу устоять, чтобы не поцеловать ее. — Каждую секунду я хотел, чтобы у нас все получилось.

Она тремя пальцами касается моей челюсти, ее заинтересованный взгляд на моем лице.

— Ты когда-нибудь причинял кому-то боль?

Черт побери, я ненавижу, что должен рассказать ей об этом. Я хочу сказать ей, что я силен, быстр, самый сильный и самый быстрый. Я не хочу говорить ей, что я ошибка. Опасный. Нестабильный. Да, сплошной бардак. Но я никогда не был лжецом.

— Я причиняю боль всему, к чему прикасаюсь. Я все разрушаю! Это единственное, в чем я хорош. Я обнаруживал шлюх в своей постели, не помня даже, как их приводил, и выставлял их голыми из своего отельного номера, злой, как черт, потому, что не помнил, что делал. Я воровал всякое дерьмо, разрушал, просыпался в местах, не помня о том, как там оказывался... — я хватаю воздух, вдыхая. — Слушай, с тех пор, как Пит и Райли сменяют друг друга на выходных, всегда есть, кому утихомирить меня на день или два, когда я выхожу из-под контроля. Я остываю, и затем возвращаюсь. Никто не страдает.

— Кроме тебя. Никто не страдает, кроме *тебя*, — нахмурив лоб от беспокойства, она берет мою руку в ладони, и я не могу поверить, как что-то, настолько меньше тебя самого, может дать тебе такое чувство спокойствия.

— Реми, им обязательно усыплять тебя, как тогда? — она сплетает пальцы с моими, я смотрю вниз, уставившись на них. На ее хмурый лоб. Эти золотые, золотые глаза, беспокоящиеся обо мне, что так непривычно, почти забавно. Но нет. Хочу, чтобы она знала, что у меня все под контролем. Она держит мою руку, и я сжимаю ее сильнее, чтобы я был тем, кто держит ее. Я всегда буду держать нас обоих.

— Да, — говорю я решительно. Мне все равно, что должен сделать Пит, но я должен быть под контролем, сейчас больше, чем когда-либо. — Особенно, если я хочу... этого... — рукой я показываю на нее, затем на себя. — Я хочу этого. Очень сильно, — я касаюсь ее носом. — Я постараюсь все не похерить, хорошо?

— Хорошо.

Я целую ее в тыльную сторону ладони.

— Хорошо.



БРУК СКУЧАЛА по своей подруге, так что я решил привезти ее из Сиэтла. С некоторой неохотой я согласился, что она может поехать с Питом забрать Мелани из аэропорта.

— Реми, ты такой хороший, — говорит Брук, оставляя влажные поцелуи на моей челюсти, заставляя меня смеяться. Вчера я поймал их с подругой смеющимися, и всю ночь Брук занималась со мной любовью. Я никогда в жизни не был так привязан к кому-либо.

Когда я протягиваю ей один из шприцов с успокоительным, которые используют Пит и

Райли (потому что хочу, чтобы она знала, как успокоить меня, если ей понадобится), она даже смотреть на него не желает.

— Нет, Реми, не проси меня об этом.

— Это лишь, чтобы убедиться, что я не наврежу тебе.

— Ты никогда не навредишь мне.

Я возбуждаюсь при одной мысли о том, на что она идет, чтобы защитить меня. Я чертовски уверен, что она знает — я ее пара. Живи мы в другое время, если бы я не смог охотиться, она бы точно смогла охотиться, обеспечивая нас обоих.

Тренер кричит из угла: «Слишком медленно, Разрывной, чертовски медленно. Бей же!»

Я смотрю на тяжелую грушу и бью. *Бац. Бац.* Сосредотачиваюсь на ударах. Они идут от туловища и, если направлять их правильно, эти удары будут чертовски сильными. Над туловищем я работаю больше всего. Каждое упражнение прорабатывает его, даже прыжки на скакалке.

Весь день я провожу в зале и, когда начинаю работать со спарринг партнером, вижу Брук и Мелани в дверях. Моя грудь наполняется счастьем и собственническим чувством. Она показывает, что они уходят, я стаскиваю защитный шлем и улыбаюсь.

Я испытываю удовольствие, делая ее счастливой. Я поворачиваюсь к партнеру и сосредотачиваюсь. Моя жизнь никогда не ощущалась такой правильной. Я никогда не чувствовал такую поддержку и понимание.

Той ночью Пит зовет меня, чтобы обсудить мои финансы. У Брук ужин с Мелани. Я бросаю взгляд на свой телефон, но от нее сообщений нет.

Мы в баре отеля.

Подходит женщина.

— У тебя поразительные глаза.

Я игнорирую ее и поворачиваюсь обратно к Питу, допытываясь:

— В котором часу она говорила, что вернется?... Ты уверен, что Райли заберет ее?... Какого черта они так долго?

— Райли написал, что они уже едут обратно, — говорит Пит после дюжины вопросов, отправляя меня в мою комнату.

Я сам себя изматываю. Не могу успокоиться. Внутри все напряжено, а я с опаской отношусь к такому чувству. Я хватаю наушники и сажусь, постукивая ногой. Слушаю «The Red» от Chevelle.

Когда она наконец-то входит, моя грудь сжимается. Ее щеки бледны, но глаза горят от переполняющих эмоций, когда она видит меня. Не знаю, почему внутри все сжимается.

Брук запрыгивает ко мне на колени, стаскивает мои наушники и надевает на себя. Она хмурится, слушая песню. Да, она ненавидит рок, а мне надо стереть поцелуем беспокойство с ее лица. Я целую ее в нос, кладу руку на подбородок и глажу пальцем ее губы. Она вскакивает, роняя наушники, и бежит в спальню.

Внутри у меня опять все сжимается, и я сижу там, выключая музыку, беспокоясь. Я чувствую тьму, растущую внутри. Я стараюсь успокоиться. Она здесь. Она вернулась. С ней все в порядке.

Я смотрю, как она возвращается. Что-то в ее взгляде, чего я не могу прочесть, заставляет монстра внутри меня увеличиваться в десятки раз.

— Реми, ты не поддержишь меня немного?

Я изучаю ее, запутавшись в своих чувствах. Затем я понимаю, что она выглядит взволнованной и беспокойной.

— Иди сюда, — я отодвигаю стул и протягиваю руку, она трется об меня, когда я обнимаю ее. Я тихонько смеюсь и, мгновенно успокаиваюсь, как бывает лишь, когда я касаюсь ее.

— Ты скучала по мне? — я обхватываю ее гладкие щеки и прижимаю ее голову к себе.

— Да, — вздыхает она.

Я прижимаю Брук к себе и улыбаюсь. Но мы перестаем улыбаться, когда жар проходит сквозь меня.

Мои пальцы очерчивают ее грудь, мой рот на ее челюсти, и вот я уже позади ее уха, вдыхаю ее запах, мягко рыча, когда ее аромат наполняет меня. Заводя меня и расслабляя.

— Реми...

Я слышу желание в том, как она произносит мое имя, пока она задирает мою футболку вверх по моим плечам.

Я стаскиваю футболку и отбрасываю в сторону, раздеваю ее, обнажая ее прекрасную кожу, затем прижимаю ее обратно к себе, моя все еще прикрытая эрекция упирается между ее ног. Она гладит мою грудь и целует все, куда может дотянуться.

— Я так сильно по тебе скучала, — говорит она, пробегая губами по моей челюсти, хватая мои волосы, пока прижимается ближе ко мне.

Я обнимаю Брук и глажу ее спину, затем прикасаюсь к ее лицу.

— Я тоже скучал по тебе, — целую ее сладкие губы, ее нос, ее лоб.

Она дрожит, прижимаясь так близко. Я хочу открыться ей и сблизиться с ней во всех возможных смыслах.

— Я скучала по твоему голосу. Твоим рукам. Твоему рту. Я хотела... быть с тобой... наблюдать за тобой... касаться тебя... чувствовать твой аромат... — она целует меня с нарастающим отчаянием.

Я пытаюсь замедлить темп, но ее рот на вкус потрясающий, и мне приходится напоминать самому себе, что она моя, моя, так что я расстегиваю ее одежду, раздеваю ее так быстро, как могу.

Обнаженную, я притягиваю ее обратно к себе на колени.

Все мои мускулы сжимаются, когда я чувствую, как ее киска трется о мою эрекцию. Она вся на взводе.

Он скользит между моими ногами, и я стаскиваю свои штаны вниз по бедрам, высвобождая свой твердый член, а ее пальцы уже по всей моей длине, трут, сжимают, ласкают.

— Хочу поцеловать тебя вот сюда... — голос Брук дрожит от желания, когда она смотрит на мое лицо, которое стало таким суровым от переполняемой меня жажды, смотрит в глаза, которые я с трудом держу открытыми. — Я хочу утонуть в тебе, Ремингтон. Хочу почувствовать твой вкус... внутри себя...

Она берет меня в рот. Наслаждение огнем проносится сквозь меня, стон вырывается из моей глотки. Мне так сильно это необходимо, что я проталкиваю свои бедра вперед, медленно, прямо ей в рот, давая ей то, что она хочет, и беря то, что мне нужно. Ее язычок пробегает по мне, ее глаза полуприкрыты, когда она смотрит за мной, а я смотрю в ответ, потрясенный, распаленный... теряя себя в ней, надеясь, что она сможет спасти меня от темноты, уже зарождающейся внутри, волны, делающей меня маниакальным.



Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ королем мира.

Кому, к черту, нужен сон? Я чувствую себя готовым взобраться на гору с Брук на своей спине, поднять ее на вершину, а затем сигануть оттуда на чертовом парашюте. Я брожу по кухне, заглядывая в ящики шкафа. Я не только чувствую себя победителем, мое тело, по ощущению, готово ко всему. Мой чертов член готов на все сто, и я хочу, чтобы все это досталось Брук Дюма.

Я закидываю в себя гранолу, апельсиновый сок, полную ложку арахисового масла. Я брожу еще немного, чтобы Брук могла отдохнуть, но я чертовски на взводе и охрененно твердый, просто зная, что она в моей постели...

Я хочу накормить ее, затем оттрахать ее, затем снова накормить и снова оттрахать, чтобы она тоже почувствовала себя на вершине, именно в таком порядке.

Я начинаю с еды и несу огромную миску вишен и гранолы в нашу комнату.

Она там, лежит в постели, простыни накрывают ее талию, ее грудь прижимается к матрасу. Черт, я хочу, чтобы эта грудь прижималась ко мне.

Отставляя еду в сторону, я запрыгиваю в кровать, рыча, проводя руками по всей ее атласной коже:

— Ты выглядишь особенно шикарно, Брук Дюма. Такая шикарная, теплая, влажная, и я был бы не прочь тобой позавтракать.

Проталкивая лицо между матрасом и ее грудью, я провожу языком вверх между ее грудей, лижу ее ключицу, ее сладкий вкус проникает в меня, сводя с ума.

— Не хватает только вишенки сверху, но я уверен, у нас есть несколько.

Я хватаю вишню и потираю ее об ее клитор.

Застонав, улыбаясь, она переворачивается на спину, ее ноги раздвинуты, ее киска влажная и принадлежит мне, ее взгляд тает, когда она смотрит на меня.

— Кто твой мужчина? — я целую ее, потирая вишенкой о ее клитор. — Кто твой мужчина, детка?

— Ты, — стонет она.

— Кого ты любишь? — подначиваю ее, пока вожу кругами подушечкой большого пальца по клитору, легонько погружаясь в ее киску кончиком среднего пальца. Она смотрит на меня полуприкрытыми глазами, взглядом, влажным от желания.

— Ты сводишь меня с ума, Реми, — шепчет она, обхватив пальцами мой член и притягивая меня ближе.

— Если это ложь, я позабочусь, чтобы это стало правдой, — думаю, что честно предупредить ее.

Я хватаю ее бедра и проталкиваюсь между ее ног, упираясь членом в ее вход. Я опускаюсь вниз, потому что хочу съесть ее. Вылизать, начиная с крошечных пальчиков ног, вверх по подъему ее стопы, ее аппетитной голени, ее драгоценному колену (где я задержусь, выказывая ему свою любовь), и еще выше, к ее стройным, подтянутым бедрам, к ее сладкой киске, которая, я надеюсь, будет течь, словно дождь в раю, к тому моменту, как я туда доберусь.

Приступая к делу, я двигаюсь вперед, покусывая по пути внутреннюю сторону ее бедра. Она начинает смеяться, и пинает меня в плечо, но я ловлю ее ногу, заставляя лежать смирно.

— Реми! Щекотно, — она смеется, пытаясь выдернуть ногу из моего захвата.

Вздернув бровь, я пробегаю пальцами по подъему ее стопы, затем по внутренней стороне ее ноги.

— Вот здесь?

Она снова смеется и пинается, крутясь, чтобы высвободиться.

Так что я быстро меняю планы, обхватив ее запястья и придавив их над ее головой, ложась всем своим большим телом на нее. Я знаю, что ей нравится, когда я удерживаю ее внизу. Она не может двинуться, если только я ей не позволю, ее глаза темнеют, а дыхание становится частым и тяжелым.

— Реми... — говорит она, приходя в себя, ее золотистые глаза одновременно игривые и заботливые, когда она смотрит на меня снизу вверх. — У тебя гипертимия?

Я озорно улыбаюсь и провожу пальцем по ее ладонке.

— А как ты думаешь, малышка?

— Я думаю, ты очень возбужден, — она высвобождает руки и гладит пальцами мои волосы, смотря мне в глаза. В мои, должно быть, черные глаза.

Я кусаю ее пальчик и посасываю его перед тем, как отпустить.

— И что ты собираешься с этим делать? Хочешь, я подниму кровать с тобой в ней? Или может, ты хочешь, чтобы я взял тебя на ней?

Она смеется, перекатывается и швыряет подушкой в моем направлении. Я отбрасываю подушку в сторону и хватаю Брук за щиколотку, легко притягивая ее обратно к себе.

— Иди-ка сюда.

Она смеется и вырывается, я смотрю, как она свешивается с края постели, дразня меня видом своей розовой киски, сводя меня с ума от желания. Энергия искрится во мне. Я думаю, что могу взлететь отсюда с ней в объятиях, если она этого захочет.

Она так меня заводит, что каждый мой мускул напряжен и нацелен сделать ее моей. Кровь проносится по телу, словно огонь пылает в моих венах. Прямо сейчас единственное, что я хочу, это доставить ей райское удовольствие. Я чувствую себя всемогущим, грозным. Я — Ремингтон Тейт «Разрывной» и эта девчонка *Моя*.

Я тянусь через всю кровать и она визжит, стараясь не попасться, пытаясь сползти с кровати. Я смеюсь, ловлю ее щиколотку и тащу обратно к себе.

— Куда это ты собралась? Ты моя. Иди сюда и дай мне взять тебя.

— Нет, мне нужно пописать! — кричит она, швыряя в меня другой подушкой, убегает в ванную и захлопывает дверь.

— Эй! Немедленно иди сюда, — рычу я, стуча в дверь. Судя по звукам, она начала чистить зубы. Наконец-то, вода выключается и я слышу, как она открывает замок. Я открываю дверь, внутри Брук вытирает руки полотенцем. Я иду к ней, подхватываю ее, она водит носом по моей шее, пока я несущу ее обратно в постель.

Она вздыхает. Ведь она знает, что я хочу ее. Она ведет себя игриво, заставляя меня побегать за ней.

— Что же мне с тобой делать? — ворчит она нежно, ее пальца сцеплены на моем затылке. Она улыбается мне, словно я какой-то давно потерянный принц. Чего она не знает, так это того, что этот давно потерянный принц собирается оттрахать ее до беспамятства.

Я швыряю ее на кровать, а она удовлетворенно вскрикивает. Я набрасываюсь на нее, разводя ее ноги в стороны.

Сначала я целую одно ее обнаженное бедро, затем другое, затем я целую ее киску.

— Она моя, — я лижу ее.

Ее голова запрокидывается назад и она стонет, когда мой большой палец скользит между ее влажных губ, прямо внутрь. Мой рот наполняется слюной и я тихонько рычу, используя палец, чтобы проникать внутрь нее, пока языком вылизываю ее клитор.

Она раздвигает ноги, издавая всхлип, от которого охотник внутри меня жаждет завоеваний. Она начинает метаться, я хватаю ее, удерживая на месте.

— Дай мне то, что я хочу, Брук.

Мотая головой из стороны в сторону от удовольствия, она хнычет и кусает губы, толкаясь бедрами вверх к моему лицу.

— Я вся твоя.

— Именно, — я нежно приподнимаю ее бедра, становясь на колени. — Вот так. Теперь откройся. Впусти меня, — она это делает, и я скольжу между ее ног, хватая ее бедра, мое тело напрягается, когда я вхожу. — Да, — говорю я, когда она стонет, запрокидывая голову. — Кого ты любишь? — Мой голос становится низким, я поглощен ей, и обрушиваюсь на ее рот, когда она не отвечает. — Кого ты любишь?

Она стонет и прижимает губы к моей шее, кусает меня. Она что-то шепчет поверх моей кожи, царапая мою спину.

Я стону в ответ, шепча ей:

— Скажи мое имя, Брук.

— Ремингтон, — она целует мое ухо, касаясь губами ушной раковины, дыша мне в ухо, возбужденная. Задыхаясь, она произносит мое имя, будучи на грани, но я представляю, что она отвечает на мой вопрос.

Она влажная и горячая, она любит меня и она — это все, что я когда-либо желал. Сильнее, чем я мог вообразить, более женственная, чем я когда-либо представлял. Забавная и заботливая, ранимая и дерзкая.

Я люблю ее до боли в груди, пока смотрю, как она прогибается, принимая меня внутрь. Я рычу и наклоняю голову, когда она сжимает меня в объятиях. Стиснув ее в ответ, я пытаюсь замедлиться, а она проводит пальцами по моей коже. Она знает, что мне это нужно и дает мне это без малейшего сопротивления. Даже когда она уставшая, сонная. Когда она занята, когда она потная, когда она голодна. Она отдается мне, когда бы я ни захотел, когда бы ни попросил, потому что я в своем маниакальном состоянии. Потому что я это я. Потому что глубоко внутри, там, где я иногда чувствую боль, смотря на нее, я знаю, что Брук Дюма меня любит.



Я НЕ СПАЛ восемнадцать часов и двадцать восемь минут. Мой пульс — тридцать девять ударов в минуту. Брук провела в моих объятиях ровно девять часов и двадцать восемь, теперь уже двадцать девять минут. Я на взводе и не могу уснуть.

Она прижимается ко мне, как маленький котенок, я хочу ласкать и вылизывать ее от макушки до маленьких пяточек.

В голове я каталогизировал всю комнату. Знаю, где что находится. Я мог бы бегать здесь в темноте и ни на что не наткнуться. Я мог бы безопасно нести ее в своих руках. Все в моей голове, я отлично представляю все до мельчайших деталей.

Но ничто здесь не сравнится с красотой ее лица.

Ее рот приоткрыт и губы вздрагивают от каждого вздоха. Нижняя, в форме сердечка, такая же сочная, что и верхняя. У нее высокие скулы, ресницы в форме полумесяца.

Я просто хочу лежать здесь, в этой постели, в темноте отельного номера, впитывая ее до последней капли, пока не опьянею.

Я, словно чертов маятник.

Любое вмешательство в мое равновесие, и меня раскачивает.

Доктора объяснили мне это.

Стоит мне раскачаться до пика, как ничто на земле не остановит меня от падения вниз. Меня притягивает гравитация. Естественная необходимость организма восстановить равновесие.

Но в том и суть. Маятник всегда стремится к равновесию.

Она мое равновесие. Я нуждаюсь в ней сильнее, чем в воздухе.

Наклоня голову к ее шее, я обнюхиваю ее и рычу.



КАКАЯ ЖЕ дерьмовая неделя.

Мне не нравится, как Брук смотрит с улыбкой на Пита и Райли, как говорит с ними. Мы летим в Нью-Йорк, и я не могу перестать думать, насколько мне не нравится, что Тренер обращается со мной, словно с каким-то слабаком, словно мне нужен чертов покой, и что Диана продолжает пичкать меня той же чертовой едой, снова и снова. Но Брук. Я хорошо знаю Пита и Райли, отлично знаю. Если они только посмотрят в ее сторону, им придет конец.

Я наблюдаю за ними со своего места. Они пытаются помочь ей с чемоданом.

Мудаки думают, будто я не знаю, что они заигрывают с ней?

Я притягиваю ее ближе и целую в лоб.

— За кем пришли все эти люди? — спрашивает она. Когда мы прилетаем в Нью-Йорк, в ЦБА, где приземлился мой самолет, собралась огромная толпа народу, охранники выставляют ограждения, чтобы удержать их. Она настолько удивлена, это умиляет.

— За мной, кем же еще? — отвечаю я ей.

Пит смеется.

— Ладно тебе, Реми.

Клянусь, все они таращатся на нее. Я прижимаю ее к себе.

— Иди сюда, детка. Я хочу, чтобы все эти милые ребятки знали, что ты со мной, — я сжимаю ее попку, чтобы пометить свою собственность.

— Ремингтон!

Я сопровождаю ее до лимузина прежде, чем остальные подходят, прижимаю ее к себе и целую. Я так чертовски изголодался по ней, мне необходимо почувствовать ее жар, ее тепло, ее язык.

Мой голод дикий и неудержимый, безумный.

— Хочу отвести тебя куда-нибудь сегодня, — хрипло говорю прямо в ее губы. —

Полетели в Париж.

— Почему Париж?

— А почему, блин, нет?

— Потому что у тебя бой через три дня! — она радостно смеется, и я хочу отвезти ее в Париж, остальное меня не волнует, но она шепчет:

— Давай отправимся туда, где есть кровать.

Я мгновенно представляю, как трахаю ее на кровати, затем фантазирую:

— Давай сделаем это на качелях.

— Ремингтон!

— Давай сделаем это в лифте, — предлагаю я. Я трахаю ее в лифте, стоя, мой язык горячий и твердый и я проталкиваю его ей в рот, пока мой член погружается в нее, еще и еще.

Смеясь, она машет пальцем передо мной, и я ухмыляюсь.

— Я никогда, ни за что, не стану делать этого в лифте, так что тебе придется найти кого-то другого.

— Я хочу *тебя*. В лифте, — стоя в том лифте, мой язык в ней.

— И я хочу тебя. В постели. Как нормальные люди.

Мой взгляд погружается в ее декольте, затем вниз по ее телу, к ее киске, плотно обтянутой самыми привлекательными штанами, что я когда-либо видел. Я хочу написать чертово письмо производителю и похвалить их за отлично проделанную работу. Благодаря их джинсам у меня все время есть прекрасный обзор моей женщины.

— Я хочу тебя в этих штанах, что на тебе.

Она кивает и ухмыляется, затем переплетает свои пальцы с моими, поднимает мою руку и целует мои костяшки пальцев.

Мне любопытно наблюдать за тем, как она это делает, потому что я не припоминаю, чтобы она раньше так целовала мои костяшки пальцев. Она пододвигается ближе и обхватывает руками мою челюсть, оставляя поцелуй на щеке, проводя руками по волосам. Все мое тело окутывает тепло и покой от ее прикосновения и нежности в ее глазах, когда она смотрит на меня.

Дверь машины открывается.

Тренер едет на переднем сидении, рядом с водителем, остальные усаживаются на диван напротив нашего. Брук пытается отодвинуться, но я сжимаю ее пальцы в своей руке, заставляя остаться рядом. Хочу, чтобы она не переставала прикасаться ко мне, все мое тело жаждет этого. Голова совсем не варит. Кому какое дело, что там с Тренером, с Райли... я смотрю только на нее. И чувствую себя... хорошо. Спокойно. Спокойнее. Мне хочется опустить голову на ее плечо и я сползаю ниже по сидению (какого хера я такой здоровый), притягиваю ее ближе и опускаю голову ей на грудь. Я слышу, как бьется ее сердце. Она замерла, а я хочу, чтобы она расслабилась. Я прижимаю ее и сдвигаюсь, чтобы ей было удобнее, и чувствую, как она выдыхает напряжение.

Я закрываю глаза, и в голове все затихает. Так тихо. Мне нравится. Я не думаю ни о чем, кроме ударов ее сердца под моим ухом. Затем я чувствую ее ногти на своем ухе и усиливаю хватку, прижимая ее к себе. Она источает нежность, словно одеяло. Мне бы не стоило так сильно этого желать, но ничего не могу с собой поделать. Никто не отнимет это у меня.

— Вы, ребята, хотите передохнуть, когда доберемся до отеля? — Пит спрашивает таким голосом, что я с трудом его узнаю.

Она проводит пальцами по моим волосам и, когда она не отвечает, я согласно киваю, не поднимая головы, чтобы она не убирала руки. Я жажду прикосновений ее рук. Даже не столько прикосновений, сколько нежности. То, как ее пальцы воздают должное моим мышцам, надавливая достаточно для поддержки и расслабления. Все это я чувствую внутри себя. Я не верю словам, но я верю в это.

Она гладит меня повсюду обеими руками, так нежно, я слышу, как она болтает с Дианой о рецепте для меня, пока мы едем в отель, а ее сердце бьется ровно и сильно под моим ухом. Она такая маленькая и хрупкая, и этот ее запах — я никогда ее не отпущу.

Я скорее. Убью себя. Чем отпущу ее.

Когда мы добираемся до номера, меня опять накрывает беспокойство. Она достает свою косметику из чемодана, я наблюдаю, как двигаются ее руки в сумке и как она достает свою зубную щетку, как чистит зубы. А все, что делаю я, это хочу, хочу, хочу. Каждой клеткой своего существа.

Я хочу сломать эту чертову зубную щетку и все, что отвлекает ее от меня.

Она моет и вытирает полотенцем руки, когда я подхожу. Она вопросительно смотрит на меня, а я не могу объяснить, что мне нужно. Я в замешательстве, раздражен и она нужна мне, как вздох, и, если бы у меня был выбор, я предпочел бы ее кислороду.

Я поднимаю ее на руки и несу в постель, она прижимается к моей шее и вдыхает мой запах, когда я опускаю ее вниз.

Я снимаю ее маленькие туфли и отбрасываю их в сторону, затем скидываю свои, мой голос хриплый и грубый.

— Хочу твои руки на своей голове.

Она, растягивается на кровати.

— Это успокаивает твои мятущиеся мысли?

Я беру ее ладонь и прижимаю к своей груди.

— Это успокаивает меня здесь.

Одно лишь ощущение ее пальцев, и мне легче дышится, я перестаю думать. Я вглядываюсь в ее глаза и ложусь рядом с ней, роняя голову на ее грудь, обнюхиваю ее шею. Я так чертовски сильно в нее влюблен, не думаю, что кто-либо сможет причинить мне такую боль, как эта девушка. Ни Скорпион, ни мои родители. Потому что мне плевать на них. Все, что меня заботит — это она.

Я чувствую ее нежный поцелуй на макушке, пока она пробегает пальчиками по моей голове.

Именно так я хочу однажды умереть.

Возле нее, а наши тела касаются друг друга. Мне не нужно ничего говорить, а ей не нужно слышать, потому что она меня понимает. Она понимает, что порой слова — полнейшее дерьмо, а люди не имеют в виду то, что говорят, и только поступки имеют значение. Все, что для меня имеет значение — что она понимает меня. Мы инь и янь, или как там называется эта херня; она моя женщина и она мне нужна. Я знал это с того самого мгновения, как увидел ее, и она тоже знала это, потому и сбежала. Она хотела, чтобы я за ней погнался, и я так и сделал. Я буду бегать за ней каждый раз, когда она захочет убедиться,

что я все еще хочу ее, что только она мне и нужна.

Она тихонько ласкает меня. Я лежу, совсем не двигаясь, впитывая ее ласку, беря то, что она мне дает, потому что из-за нее я понимаю, что нуждаюсь в этом настолько, что готов убить за это, за нее.

В голове тихо, мое сердце спокойно, а моя жизнь пришла в равновесие, и маятник, которым я являюсь, со всеми взлетами и падениями, окончательно остановился и, кажется, я наконец-то обрел свой центр.



КАЖЕТСЯ, я уснул. Мне снятся лифты, розовые штаны, качели и Париж. Мне снится как она смеется в лимузине «Хаммер», обхватывает мой подбородок, касается моих волос и смотрит на меня, словно я единственный мужчина на земле, словно она любит меня.

Я просыпаюсь, она обнимает меня, и я не знаю, который сейчас час, но вижу, что она все еще в тех штанах. Она говорит мне снять их, и я снимаю, а потом, к своему удивлению, снова засыпаю.

Меня будит желудок. Он пустой и урчит. Меня окружает тепло и волосы Брук. Я ощущаю это. Я бы остался лежать так весь день, если бы не мой ворчливый желудок и требовательные мышцы.

— Проголодался, — говорю я ей, натягиваю штаны и удаляюсь на кухню. Я хватаю сельдерей и арахисовое масло, и начинаю с жадностью уплетать, чтобы унять голод, хотя бы немного, затем тут же соображаю, что еще я мог бы сожрать.

Она появляется на кухне и открывает духовку, чтобы посмотреть, что внутри. При виде ее, я зачерпываю арахисовое масло на черешок сельдерей и жую, едва ли не проглатывая язык.

Мои глаза расширяются, я отбрасываю сельдерей и скрещиваю руки, испытывая какие-то приятные ощущения в груди.

— Погляди-ка на себя, — рычу я.

Одетая в мой халат с надписью «РАЗРЫВНОЙ», она ставит тарелки, а я доволен, что ее запах пропитает мой халат, а позже и меня, когда я надену его.

— Я верну его, когда мы вернемся в постель, — говорит она.

Я качаю головой, хлопая по колену.

— Что мое, то твое.

Она расставляет еду, а я беру ее за бедра и усаживаю на свое колено, пока осматриваю тарелки в предвкушении.

— Я чертовски голоден, — хватаю картошку и вгрызаюсь в нее.

— Тебе бы понравилось, как моя мама готовит картошку. Она добавляет кайенский перец и слегка ее взбалтывает, — Брук рассказывает, пока накалывает картошку вилкой и жует.

— Ты скучаешь по дому?

Брук смотрит на меня некоторое время, пока я откусываю еще кусок картошки. Выражение ее лица *меняется*, она откладывает вилку, поворачивается ко мне и убирает кусочек еды с моего лица кончиком пальца.

— Когда я не с тобой, я и правда, скучаю по дому. Но когда ты рядом, я ни за чем не скучаю.

Я с облегчением улыбаюсь. Она гладит ямочку на моей щеке своими губами, а я рычу и трусь носом о ее маленький носик.

— Я буду держать тебя рядом, чтобы ты не скучала, — обещаю я ей. =

— Да, будь так добр. Вообще-то, кажется, вот здесь есть свободное место, — она ерзает у меня на коленях, так что я прикусываю ее маленькую мочку уха и легонько ее стискиваю, приговаривая: «*Так и есть!*»

Мы смеемся, я забираю ее вилку и хватаю картошку, чтобы покормить ее. Она выхватывает вилку обратно, чтобы покормить меня. Я ем, но кормить ее мне нравится больше. Все мои инстинкты сфокусированы на том, как она открывает ротик для меня, и том, как она смотрит на меня, пока я кормлю ее.

То, как ее глаза блестят, когда она смотрит на меня, заставляет меня чувствовать себя богом.

Я скольжу рукой под ее руку и поглаживаю, пока накалываю кусок для себя, а затем отламываю кусочек и для нее.

Она наблюдает за тем, как я отламываю кусочек, а я смотрю, как она кусает и наслаждается им, отчего вся моя кровь пульсирует с таким жаром, я горю вплоть до самой души.

— Кому ты принадлежишь? — спрашиваю я у нее, проводя пальцами вверх и вниз вдоль по ее спине. Внезапно, еда — это не то, что я хочу. Я кладу вилку и скольжу рукой в распахнутые полы моего халата, поднимая его к ее талии. Я целую ее в ушко, шепча:

— Мне.

— Целиком и полностью, только тебе.

Мое сердце бьется невпопад от ее признания, пока она сдвигается, чтобы обхватить меня ногами с обеих сторон, прижимается носом к моей шее и проводит руками по моей талии.

— Я так волнуюсь из-за важного боя. А ты?

Я ухмыляюсь и смотрю на нее сверху вниз.

— С чего бы мне? — я наклоняю ее голову назад, а она смотрит на меня с волнением, хмурясь. — Брук, я разорву его.

Я хочу, чтобы она знала, что во мне нет ни капли сомнения в том, что я порву в клочья этого ублюдка. Я не ненавижу его, мне плевать на него, но я не позволю ему отнять то, что принадлежит мне. Я готовился. Черт, годами. К этому. Всю свою жизнь. Я боролся, чтобы жить, и жил, чтобы бороться.

— Реми, я люблю то, как ты дерешься, — шепчет Брук, всматриваясь в мое лицо, — но ты даже не представляешь, насколько это выматывающе-волнительно для меня.

— Почему, Брук?

— Потому что. Ты... важен для меня. Я бы хотела, чтобы ты был в безопасности, но зачастую, ночью ты... там. Даже зная, что ты победишь, это все равно сказывается на мне.

У меня в груди стягивается узел при мысли, что она может уйти от меня, устать от меня.

— Но ты счастлива, Брук? Со мной?

Я жду ее ответ. Не знаю, понимает ли она, что я не часто задаю вопрос, я определенно не привык спрашивать. Я спрашиваю, любит ли она меня. Хочет ли она быть со мной. Останется ли она со мной. Делаю ли я ее такой же счастливой, как она меня.

Она смотрит на меня, и я вижу волнение и доброту в ее взгляде, и узел в моей груди начинает ослабевать еще до того, как она начинает говорить, потому что я знаю ответ.

— Безумно, — она обнимает меня за шею и прижимается поближе, как я люблю, шепча:

— Ты делаешь меня счастливой. Ты делаешь меня безумно счастливой и просто безумной, и точка. Я и секунды не хочу оставаться без тебя. Я не хочу, чтобы все эти женщины смотрели на тебя и кричали то, что они кричат.

Я понимаю ее собственнический инстинкт. Я чувствую его так явно, что мгновенно хочу обладать ею, я хочу физически показать ей всю свою преданность, так что мой голос становится грубым.

— Я твой. Именно тебя я привожу домой.

Я наклоняюсь к ее шее и вдыхаю в легкие ее мягкий аромат, пока не становлюсь расслабленным и удовлетворенным, тогда я покусываю ее ушко и говорю:

— Ты моя пара и я заявляю на тебя свои права.

Я могу сказать по ее нежной улыбке, что Брук это нравится. Что ей нравится, что я пометил ее. Я опять начинаю ее кормить, и все мои инстинкты обостряются и включаются на полную от убежденности, что я могу быть с ней и кормить ее, защищать и любить ее.

Нам так хорошо друг с другом, она начинает рассказывать мне о Мелани и Райли, как эти двое стали друзьями, а я говорю:

— Продолжай.

— Моя сестра, Нора, влюблялась во всех подряд. Она смеялась надо мной, говорила, что мне вообще не нравятся мужчины.

Я царапаю рукой ее спинку, улыбаясь.

— Ты ответила ей, что ждешь меня?

Она смеется, тыча пальцем в одну из моих ямочек на щеке.

— Я с радостью скажу ей об этом сейчас, — она улыбается, теперь уже поглаживая обе мои ямочки. Мы продолжаем есть, и я испытываю бесконечную радость от того, что она никому не отдала свое сердце. Оно мое. Она моя.

— Ты помнишь хоть что-нибудь хорошее о своих родителях? — спрашивает она, когда мы возвращаемся в спальню.

— Моя мама крестила меня каждую ночь. — я запираю дверь, с трудом вспоминая мать. — Она крестила меня, над головой, ртом и сердцем. — Я не упоминаю, что она так же все время бормотала и молилась весь день, что не имело ко мне никакого отношения ко всему остальному, что она мне сделала.

— Она была религиозна?

Легче заблокировать воспоминания, так что я достаю свой iPod и наушники, и пожимаю плечами, выкладывая свои шмотки на прикроватный столик. Хрен я усну этой ночью. В голове уже гудит от мыслей о том, что нужно сделать, о грушах, которые надо бить.

— Ты скучаешь по своей семье? — спрашивает она ласково.

Я ложусь к ней в постель и отвечаю правду.

— Нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было.

Я вырос со своей музыкой, и она всегда будет со мной. Ее бы мне жутко не хватало, я бы без нее не прожил. Меня раздражает мой же халат, так что я снимаю его с нее, стаскивая атлас с ее плеч. Она знает, что нужна мне обнаженной и вытаскивает руки из рукавов, прижимаясь маленьким, гладким телом к моей голой груди.

Она такая приятная на ощупь, и я чувствую, как ее грудь вздымается от дыхания, мой нос у ее шеи, ее аромат успокаивает мои мысли. Я, может, и буду в порядке некоторое время, но знаю, что долго это не продлится и мне понадобится что-то сделать.

Думаю, она замечает, что мои ноги беспокойно дергаются. Гребаные ноги, гребаные ноги, черт, *черт!*

— Если я тебе кое-что расскажу, — шепчет она с озорством в глазах, проводя ногой между моих бедер, наши тела сплетены и так тесно прижались, — ты вспомнишь об этом завтра?

Я накрываю нас одеялом.

— Надеюсь, что да.

Гребаный я, порой я ненавижу себя.

Я пытаюсь успокоить гул внутри, когда она касается моей головы и мои ноги замирают. Из меня вырывается рычание, и я закрываю глаза, полностью отдаваясь ее прикосновению, пока она через меня тянется к столику. Я вижу, как она берет мой iPod и наушники.

— Надень их, — говорит она. Она выглядит такой взволнованной, и я ухмыляюсь.

Я чертовски люблю свою музыку, и песня становится важна вдвойне, когда она включает ее для меня. Я сажусь, прислоняясь к изголовью, подтягивая ее к себе, надеваю наушники и перетаскиваю ее к себе на колени, где она устраивается, пока выбирает песню.

Музыка начинает играть и я не думаю, что раньше ее слышал, но у меня там тонны этого дерьма.

И тут я слышу пение девушки, ее голос полон радости и надежды. То, как Брук смотрит на меня, улыбаясь, смотрит этими своими блестящими золотыми глазами, заставляет мои все внутри у меня сжиматься, и я слышу слова, что она говорит мне, мое тело замирает, когда я слышу припев: *«Ты такой красивый, но я люблю тебя не поэтому...»*

Я всматриваюсь в ее лицо, потому что часть меня не верит, что это правда. Я смотрю Брук в глаза, на ее нос, ее щечки. Она убивает меня, мне нужно знать, что она не играет со мной, но ведь нет. Она выглядит так, словно сама нежно поет мне.

Мое тело напрягается и твердеет от восторга. Я будто занимаюсь любовью мысленно, в своей голове.

— Включи ее еще раз, — говорю я охрипшим голосом. Она прикусывает нижнюю губу и кликает кнопку повтора, и я просто не могу выдержать песню еще раз, или моя грудь взорвется на миллион кусочков, я рассыплюсь.

Я перекатываю Брук и кладу на спину, надевая на ее маленькую головку свои наушники, заправляя пряди ее волос ей за уши, чтобы они не зацепились. Ее глаза расширяются, когда начинаются слова песни, и я вижу, как ее зрачки увеличиваются, а губы раскрываются от удивления. Затем она так сильно зажмуривается, что я вижу морщинки в уголках ее глаз, и наблюдаю, как она слушает.

Я целую ее, медленно раскрывая ее губы своими, чтобы не текст песни говорил ей, что я люблю ее, не голос, не слова, а я.

НАСТОЯЩЕЕ
СИЭТЛ

«Будешь ли ты все так же любить меня, если я выйду за тебя замуж в платье, которое

Рейсер только что пометил своей милой детской отрыжкой?»

Я вчитываюсь в сообщение от Брук, и быстро отвечаю: «Да.»

Я жду ее ответа, но ничего не получив, пишу: «Я чертовски тебя люблю. Не заставляй меня сегодня стоять здесь, словно я какой-то идиот.»

«Ни за что! Даже если мне придется идти к тебе голой.»

«Твою ж мать, не смей.»

«Я точно убью кого-то.»

«Ладно. К тому же, ты ведь знаешь, наш сын отрывает розами, так что... все в порядке!»

«Точно.»

Я усмехаюсь, убирая телефон, и смотрю, как церковь наполняется людьми.

Включая нового парня Мелани.

— Это он, — говорит Пит Райли. — Мелани как-то показывала мне его фотографию на телефоне.

На мгновение, Райли теряет дар речи.

— Да ты меня подкальываешь.

— Что? Больше тебе нечего сказать? — подначивает его Пит. — А он почти такой же красавчик, как Ремингтон.

— Спорю, у него здоровенный член.

— И... у него утонченные манеры. Он придерживает ей дверь, — продолжает насмехаться Пит.

— Что ж, это я и сам бы сделал, но мы тут вроде как маленько заняты с Ремом, — ворчит Райли.

— Вы меня извините на секундочку. Полагаю, вон там стоит *моя* пара, — говорит Пит, указывая на сестру Брук.

ПРОШЛОЕ НЬЮ-ЙОРК

Мы в столовой отеля, вся команда сидит за двумя отдельными столами, один для девушек, второй для мужчин, когда я получаю письмо с незнакомого адреса с заголовком «*Подумалось, что ты захочешь это видеть*».

Я открываю приложенное к письму фото и вижу Скорпиона с женщиной в знакомой одежде, со знакомыми волосами...

Брук.

Мою.

Брук.

На цыпочках. Со сжатыми губами. Целующую Скорпиона. Кровь схлынывает, а затем опять устремляется, разнося по моему телу ярость отчаяния. Я не знаю, что случилось. Почему я смотрю на это фото. Но я вскакиваю на ноги, переворачивая стол. В результате Тренер оказывается на полу, пока я бросаю свой телефон, разбивая его об стену. Затем я смотрю на нее.

— Нет, Пит, нет! — восклицает она шокировано со своего места.

Кровь вскипает в венах, когда она обращается к своему драгоценному Питу, мое тело

неожиданно начинает дрожать, переполняемое болью и ощущением, что меня предали. Боже, мне хочется встряхнуть ее. Мне хочется намного больше, чем встряхнуть ее. Я останавливаюсь перед ней, дышу и стараюсь успокоиться, сжимая кулаки от желания врезать ими по чему-нибудь. Глаза Брук блестят от беспокойства, правда в них заставляет все внутри у меня сжаться.

— Ты хочешь поговорить со мной, Ремингтон? — спрашивает она с обманчивым спокойствием.

Боже мой, как же я *зол* на эту женщину. Меня так сильно трясет, что руки дрожат по бокам тела. В горле саднит, я едва могу разговаривать. Я даже едва могу дышать. Я никогда никому не доверялся, и все же влюбился в *нее*, как какой-то умалишенный. Я ни с кем не разделял свою музыку. Я никогда, ни за что не верил, что кто-то может полюбить меня, пока не взглянул в ее глаза, подумав, что был для нее *богом*...

Но никакой я не бог.

Я просто больной на голову дурак.

Боль невыносима. Я хочу что-то разгромить, но я не хочу навредить *ей*. Мой голос звучит зловеще из-за гнева, чудо уже, что я вообще могу говорить, пока борюсь с собой, заставляя себя стоять на месте, держать руки внизу, контролировать себя.

— Я хочу намного *больше*, чем поговорить с тобой, — отвечаю я сурово.

Мои ноздри раздуваются, я не хочу, чтобы она смотрела на меня со страхом, но все, что вижу — ее губы.

Ее прекрасные губы.

Её, целующую этого гребаного ублюдка!

— Хорошо, давай поговорим. Диана, ты не оставишь нас? — она поражена, что я произнес это с таким спокойствием, словно пригласил ее на чертов пикник! Она отодвигает стул и устраивает настоящий цирк, складывая свою чертову салфетку.

Внутри меня нарастает гнев, а в голове я вижу только её сжатые губы, которыми она целует мужчину, виновного в том, что я теперь не могу быть боксером. Я хочу схватить ее. Хочу прижать ее к себе и встряхнуть. Я расслабляю руки по бокам, чтобы не сделать этого или чего похуже, и не могу дышать ровно, не могу мыслить ясно. Я хочу убить Скорпиона и содрать с него чертову шкуру!

Я хочу швырнуть что-нибудь. Я хочу орать. Я хочу снять с нее одежду и оттрахать ее, чтобы показать, что ОНА. ПРИНАДЛЕЖИТ. МНЕ! Только я имею право касаться ее, держать ее, защищать ее.

— Я поехала, чтобы увидеться с сестрой, — выдыхает она.

Мой живот сводит от ярости, что она не доверила мне вернуть ее сестру, как я и обещал.

Я тянусь к ней, рука дрожит, когда я касаюсь ее рта, затем я наклоняюсь и рассержено кусаю ее губы. Она ахает, почувствовав мои зубы, что доставляет мне удовольствие, порочное удовольствие, что я напомнил ей, *кому* принадлежит этот рот.

— Ты пошла на переговоры с тварью вроде него? Не сказав мне ни слова? — я грубо провожу большим пальцем по ее губам. Я хочу затащить ее в свою комнату и вымыть этот рот с мылом. Я хочу вылизать его начисто, а затем заставить ее сказать мне, что та фотография никогда не существовала!

— Я ходила, чтобы увидеть сестру, Реми. Мне более, чем плевать на ту тварь, — мягко

говорит она мне.

Я касаюсь ее волос, стараясь замедлиться, пока внутри меня все кипит, сжимается и скручивается, а я продолжаю тереть ее губы. Губы, которые я люблю, губы, которые для меня важны, которые целуют меня, единственные губы, которые, как я думал, любили меня.

— И все же ты поцеловала гребаного *ублюдка* теми же губами, которыми целуешь меня? — рычу я.

— Прошу, просто досчитай до десяти, — она касается моего рукава, и я становлюсь только злее. Она думает, я могу досчитать до миллиона и забыть об этом?

— Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-*десять*, — яростно отсчитываю я, затем хватаю ее за воротник и притягиваю к себе, нависая над ней, хмурясь. — Ты поцеловала этого *мудака* теми же губами, за которые я готов убить?

— Мои губы едва коснулись татуировки, — шепчет она умоляюще. — Я сделала то же, что делаешь ты, когда позволяешь себя ударить, чтобы дать сопернику почувствовать ложную уверенность, лишь бы увидеть свою сестру.

Я хлопаю себя по груди.

— Ты, к черту, *моя* девушка! Ты не должна никому давать ложную уверенность!

— Сэр, прошу вас прямо сейчас покинуть помещение.

Я оборачиваюсь, смотря на подошедшего идиота. Пит и Райли останавливают его и начинают объяснять, что я заплачу за весь бардак, который натворил, но, блин, мужик даже не догадывается, что я еще и не начинал. Он может остаться и понаблюдать, как я разгромлю все в этом вонючем месте, а затем я с радостью приглашу его посмотреть, как я раскалываю череп Скорпиона надвое.

Бросив на него предупреждающий взгляд, я поворачиваюсь обратно к Брук, скользя пальцем по ее красивому подбородку, смотря, как ее грудь поднимается и опускается от тяжелого дыхания.

— Я собираюсь пойти и разбить морду этому *ублюдку*, — шепчу я ей, после чего наклоняюсь и засовываю язык в ее предательский вкусный маленький ротик, — а затем я собираюсь добиться от *тебя* покорности.

— Реми, успокойся, — просит меня Райли.

— Все хорошо, Райли, я так легко не подчинюсь, но он смело может попробовать, — огрызается Брук, насупившись.

Хмурясь в ответ, я зажимаю ее волосы в кулак, обрушивая свой рот на ее, давая ей жесткий, агрессивный поцелуй, направленный, чтобы наказать ее.

— Когда ты окажешься в моей койке, я собираюсь отдраить тебя своим чертовым языком, пока ничто не будет напоминать о нем. Только обо мне. Только обо *мне*.

Кажется, ей нравится мое наказание в виде поцелуя (будь она проклята), теперь я чертовски твердый и хочу взять ее прямо здесь, прямо сейчас.

Ее зрачки увеличены, а тело, кажется, прижимается к моему, когда она говорит еле слышно:

— Хорошо, возьми меня туда.

Я хочу. Черт, я почти так и делаю. К черту все, кроме нас с ней.

Отпрянув, я смотрю на нее, сощурившись.

— У меня нет времени, чтобы заниматься тобой, — бросаю я, прежде чем направиться к выходу.

— Реми, вернись. Не впутывайся в неприятности! — кричит она.

Я останавливаюсь, хватаю воздух пылающими легкими, но не в состоянии успокоиться, гнев и собственничество, чертова ревность во мне столь велика, что заполняет меня целиком.

Обернувшись, я указываю на нее пальцем, чтобы она прониклась чертовой ситуацией, поняв, что, блин, происходит.

— Защищать тебя — моя *привилегия*. Я буду защищать тебя и все, что тебе ценно, как если бы это принадлежало *мне*.

Затаив дыхание, она смотрит на меня, и не думаю, что она понимает. Она любит свою сестру, но ей нужно знать, что я ее мужчина и она неприкосновенна для всех, кроме меня. Для всех. Кроме *меня*.

— Этот больной ублюдок только что попросил меня покончить с его жалкой жизнью, и я с радостью ему посодействую, — гневно объясняю я ей, многозначительно пробегая глазами по ее телу, каждый сантиметр которого принадлежит мне так же, как мое — принадлежит ей. — Он отобрал у меня кое-что дорогое и помочился на это! — рванув к ней, я указываю пальцем между ее грудей. — Пойми же меня. Ты. Моя!

— Ремингтон, она — моя сестра, — умоляет Брук.

— И Скорпион никогда ее не отпустит. Он держит своих женщин накаченными и зависимыми, их головы так затуманены, что они не могут думать. Он никогда ее не отдаст, разве что он захочет что-либо еще сильнее, чем ее. Может быть, тебя? Он хочет тебя, Брук? Он мог накачать тебя. Раздеть тебя. Трахнуть тебя, твою ж мать, он ведь мог *трахнуть тебя!*

— Нет!

— Он касался тебя?

— Нет! Они делают это, чтобы спровоцировать тебя, не позволяй им! Прибереги это для завтрашнего боя. Прошу. Я хочу быть с тобой этой ночью.

— Я был с ней там все время, друг, ничего не произошло, — внезапно вступается Райли, успокаивающе гладя меня по руке.

Когда до меня доходит, что он только что мне сказал, я разворачиваюсь и хватаю его рубашку в кулак, ярость срывает мне крышу.

— Ах ты ж дерьмо, ты позволил моей девушке прикоснуться к лицу этой твари? — я поднимаю его над полом.

— Реми, нет! — Брук подбегает ко мне, безуспешно дергая меня за руку.

Я трясусь Райли.

— Ты позволил ей поцеловать мерзкую татуировку этой твари?

Пит тащит меня за плечо.

— Ладно, друг, давай уложим Разрушителя в постельку, а?

Я чувствую укол в шею, адреналин во мне бушует от желания отомстить. Чертово дерьмо, я, блин, не могу сейчас отключиться. Я роняю Райли и выдергиваю шприц и отбрасываю его в сторону. Я цепляюсь за Брук и смотрю на нее. Я хочу сказать ей, чтобы она никогда больше во мне не сомневалась, никогда не действовала за моей спиной, и никогда, ни за что на свете не верила, что я не смогу защитить ее и то, что принадлежит ей.

Но я лишь открываю рот, а она выглядит такой напуганной и такой красивой, взволнованной и обеспокоенной, и вместо слов из меня вырывается низкий рычащий звук, я обрушиваюсь на ее рот, наказывая себя ее вкусом, ее сладким влажным вкусом, таким чистым и приятным, ненавижу то, что она касалась этим прекрасным ртом этого ублюдка из-за любви к своей сестре. Я разрываю поцелуй и отпускаю ее прежде, чем вырубиться.

Сердце бешено колотится в груди, борясь с успокоительным. Я могу думать лишь о том, как познакомлю свои костяшки пальцев с лицом Скорпиона. Я заставлю его проглотить мой кулак, а затем заставлю собирать выбитые зубы.

Я знаю, где он остановился. Мы все знаем, где кто останавливается, лишь бы избежать встречи. Обычно несколько отелей расположены вблизи от места, где будет проходить бой, и Пит всегда выясняет, где остановился Скорпион, чтобы единственным местом, где мы пересеклись, был ринг.

Он в четырех кварталах, в дешевом пятиэтажном здании, с забитым фанатками вестибюлем. Когда они видят меня, я слышу аханье, и все, что мне нужно, это прорычать «Скорпион», а две из них уже взволновано стонут, прижимаясь ко мне с двух сторон, когда мы входим в лифт. Когда мы поднимаемся на этаж Скорпиона, я позволяю им отвести себя к его двери, после чего отрываю от себя их руки, удерживая запястья, чтобы они не двигались.

— Сделайте так, чтобы они открыли, — рычу я.

Одна из них поглаживает мою грудь, пока другая стучит в дверь.

— Вилли! Эй, Вилли, это Триш, — кричит она.

Дверь открывается, и я мгновенно выбрасываю руку вперед, мой кулак обрушивается на лицо Вилли. Он плашмя падает на пол. Два других засранца сидят на диване в цветочек, смотря телевизор, при виде меня они вскакивают на ноги.

Я сразу иду к ближайшему из них, и хватаю его за футболку.

— Привет, ублюдок, — говорю я ему, отвешивая удар. Треск костей. Брызжет кровь, когда я отпускаю его на пол и хватаю следующего, разбивая костяшками пальцев и его нос. Позволив ему упасть на колени, я вижу его — Скорпиона — в дверях спальни, его глаза слегка расширены и желтого цвета, как собачья моча.

Сомкнув челюсть, я сердито направляюсь к нему, когда он вскидывает ладони вверх, предупреждая.

— Эй, эй, Разрывной, ты не хочешь делать это здесь.

— Да, хочу, — я хватаю его футболку и отвешиваю три удара подряд ему в лицо.

Он пытается ударить меня в ответ, но я бью слишком быстро. Я швыряю его на пол, замечая девушку в комнате, она плачет, смотрит на нас со стула рядом с кроватью. Она ни капли не похожа на Брук. Ее взгляд пуст, волосы в ужасном состоянии, и тут, пока Скорпион пытается встать, я замечаю карандаш на ночном столике. Я хватаю его и, прежде, чем он успевает встать, втыкаю его в ту черную татуировку, в которую он заставил Брук его поцеловать, разрывая ее сверху вниз. Хлещет кровь, он издает низкий чудовищный крик, пытаюсь вытащить карандаш.

Пока он морщится и вытаскивает карандаш, окровавленный и сломанный, я поднимаю его за футболку и заставляю посмотреть на меня.

— ДЕРЖИСЬ. ПОДАЛЬШЕ. ОТ МОЕЙ ДЕВУШКИ, — выплевываю я ему в лицо. — УБЛЮДОК. Держись подальше от моей собственности. В следующий раз, Я УБЬЮ ТЕБЯ.

Я разворачиваюсь, девушка кричит «Нет!» и, когда я оборачиваюсь, он бьет меня кулаком в лицо.

Я пячусь назад, хмурюсь, рычу и прыгаю на него. Пока мы обмениваемся сильными и быстрыми ударами, единственные звуки в комнате — это плач той девушки и хлопки наших ударов.

Проблема Скорпиона в том, что он — не я. Он не так быстр, не так силен, он никогда не

победит, разве что спровоцировав меня и заставив облажаться, как во времена моей боксерской карьеры.

Или как сейчас.

Но мне плевать. Прямо сейчас я ничего не хочу сильнее, чем переломать все его кости. Рыча, я провожу убийственный правый хук, который обрушивает его на колени, он вскидывает руки, чтобы остановить меня.

— Стой! Я сказал, *остановись*, Разрывной!

Мой замах уже на полпути, я останавливаюсь, сердито смотря, как он указывает на девушку.

— Хочешь ее?

Кровь капает из моей брови, я вытираю ее и смотрю на девушку, когда Скорпион выдает свой козырь:

— Я отдам ее тебе. Я позволю тебе забрать ее, если ты дашь мне выиграть завтра.

— Я убью тебя прямо сейчас, — рычу я, поднимая его на ноги, яростно сжав в кулак его футболку. — И заберу ее с собой.

Он машет головой, высвобождаясь.

— Убей меня и трое моих парней порвут ее в клочья прежде, чем ты до нее доберешься.

Тихое рыдание продолжает доноситься из угла комнаты, она шепчет:

— Прошу, остановись, хватит.

Я смотрю, как его помощники приближаются к ней. Я бы мог разобраться с ними, но, блин, я не хочу делать этого у нее глазах. Сжав зубы, я отталкиваю Скорпиона и подхожу к ней. Я не гребаный убийца, даже когда желание убивать течет по моим венам, заставляя меня дрожать.

— Ты сестра Брук?

Она кивает.

Я беру её за руку, поднимая на ноги.

— Ты идешь со мной.

— Не так быстро, Разрывной, — окликает меня Скорпион. — Если она тебе нужна, то завтра один из твоих парней и один из моих останутся с ней в раздевалке, пока ты не сольешь мне победу.

Мой смех наполнен сарказмом.

— Мудак, когда же ты поймешь? Я могу дать тебе выиграть завтра, но это не значит, что я не отвоюю победу. И когда я это сделаю, все увидят, как я сломаю тебя. — Я достаю телефон и звоню Питу.

— Куда, черт побери, ты пропал? — говорит он сразу, как отвечает на звонок.

— Тащи сюда свою задницу. Нужно, чтобы ты сделал кое-что для меня, — я рассказываю ему, где нахожусь и вешаю трубку.

Приехав спустя пять минут, Пит видит, что моя бровь кровоточит, что кулаки и костяшки пальцев разбиты. Он переводит взгляд на Скорпиона, шокировано раскрыв рот.

— Рем, что ты натворил? — потрясенно спрашивает он.

— Никто об этом не узнает, — я стараюсь привлечь его внимание и, когда он все еще стоит, замерев с раскрытым ртом, я щелкаю пальцами перед его глазами. — Эй, эй, мужик, сосредоточься! Ты позаботишься о безопасности сестры Брук, пока я не скажу, и они ее не отпустят ко мне. Ты слышишь меня?

Он моргает.

— Чувак, тебе надо наложить швы.

— Я позабочусь об этом, — хмурюсь я. — Просто уведи ее подальше от этого мудилы. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Скорпиона. Боже, я все еще хочу убить его. Он сбит с ног, весь в синяках, в кровоподтеках, но его глаза победно блестят.

— Не могу дождаться, чтобы размазать тебя на том ринге, — говорит он, когда я ухожу. Это не имеет значения.



— И СЕЙЧАААААС, дамы и господа, момент, которого все мы так долго ждали. На чемпион, защищающий свой титул, единственный и неповторимый, Ремингтон «РАЗРЫВНОЙ» Тейт!

От зрителей меня отделяют ограждения, но даже будучи в стороне, мое тело готово взорваться, на взводе перед боем. Я бегу трусцой на ринг, и единственное, что стоит у меня перед глазами, это Брук, обернутая в этот мой фирменный халат. Ткань касается моей кожи. Я чувствую спокойствие. Это напоминание, что она — причина, по которой сегодня я сдам бой.

Я чувствую на себе ее взгляд, пока запрыгиваю на ринг, позволяя Райли снять с меня халат.

В этот момент я всегда смотрю на нее.

Живот горит от ощущения решительности. Если я взгляну на нее, то обнаружу на ее лице то обеспокоенное выражение. Она ослабит меня. Из-за нее мне захочется биться. *Черт.*

Толпа скандирует мое имя, и мне ненавистно, что ей придется наблюдать за тем, что последует. Но она хочет вернуть сестру. Я не позволю ей быть со Скорпионом.

Ринг-анонсер объявляет: «И сейчааас, дамы и господа, кошмар, которого вы все боялись, оживает здесь. Остерегайтесь, это Бенни «Чееееерный Скорпион»!»

И он появляется, чертов ублюдок. Медленно идет, испытывая мое чертово терпение, подняв вверх средние пальцы обеих рук, показывая их мне и зрителям.

Сегодня вечером он чувствует себя уверено, потому что знает, что я не буду отбиваться.

Я жду, пока он поднимется, прокручивая в голове картину, как я вставляю карандаш в его гребаную татуировку. Я думаю о том, как Брук целовала его, и моя кровь вновь закипает.

Он запрыгивает на ринг, с него снимают его черный плащ, и я рад видеть, что этот мудака выглядит чертовски плохо. Его заштопали в том месте, где я содрал татуировку с его гребаной кожи. Взгляд его желтых глаз останавливается на мне, и я вижу радость, которую он испытывает от того, что сможет выбить из меня дерьмо на глазах у публики.

День-день.

Всего на секунду, инстинктивно, я чувствую как тело принимает боевую стойку — защита поднята, ноги расставлены в стороны, двигаясь лицом к лицу с ним, но я успеваю поймать себя до того, как нанести удар, позволяя ему сделать это. Он бьет меня в ребра, затем в челюсть, пробивая двойку. Я трясусь головой, приходя в себя, и снова схожусь с ним.

Я на таком взводе, что это даже приятно.

Скорпион пробивает мне прямо в живот, затем проводит апперкот, но я стою прямо. Меня не вырубить таким жалким подобием удара. Если уж я лягу, то потому, что не смогу больше держаться на ногах.

Я пропускаю еще три удара в туловище, грудь и ребра, мое тело, моя мышечная память сейчас борется с моим мозгом. Я иду против всех своих инстинктов. Но я говорю себе, что, пускай у меня не будет звания чемпиона, зато у меня будет *она*.

Я знаю, как буду выглядеть, как она будет смотреть на меня, когда я приведу ее сестру. Она получит обратно девушку, и будет знать, раз и навсегда, что я готов на все ради нее.

Скорпион бьет меня в челюсть, затем пробивает прямой, от чего я падаю на колени. Зрителям это не нравится. Я встаю, ощущая легкое головокружение.

— Ууууу! Ууууу!

— *Убей подонка, Разрывной! УБЕЙ ЕГО!*

Мы продолжаем. Удар за ударом, я сосредотачиваюсь на том, чтобы не защищаться и не отбиваться в ответ.

Мы продолжаем раунд за раундом, я лишь принимаю удары. Я чувствую, как весь мой организм останавливается. Мои мышцы пульсируют, кожа в ушибах и кровоподтеках, кости болят. Мой мозг замедляется, мои легкие с трудом наполняют воздухом каждую поврежденную часть меня. Я даже не знаю, где у меня болит, мое тело производит тонну дерьма, притупляющего боль, и я благодарен ему за это.

Я вытираю лоб и продолжаю дышать, мои руки уже покрыты кровью из рассечений в бровях, губах, на виске. Я снова падаю на пол, ненавидя, что этот ублюдок не может ударить так, чтобы я потерял сознание, даже когда я сам этого хочу. Я вскакиваю на ноги и плюю в него, зля уroda, чтобы в этот раз он *постарался*.

— Реми, дерись с ним! — я безошибочно узнаю голос Брук, что заставляет меня замереть. — **РЕМИ, ДЕРИСЬ С НИМ! РАДИ МЕНЯ! РАДИ МЕНЯ!**

Я слышу это. Боже, она никогда так мне не кричала. Это ломает меня, и на долю секунды я хочу нокаутировать Скорпиона, приложив всю оставшуюся силу. Я самый сильный, самый быстрый, чтобы она знала, что я не сдамся. Я ее пара и хочу, чтобы она гордилась мной. На меня обрушивается прямой удар, и все, что я слышу, это как она умоляет меня бороться. Ради нее. И впервые в жизни я чувствую себя полностью униженным. Неужели она не видит, что я позволяю этому происходить?

Это ради тебя, маленькая петарда — оооох.

Воздух вырывается из меня, тело сжимается, чтобы сдержать боль. Мои мысли расплываются, а голова кружится.

Теперь он принялся за голову, и мой мозг летает в черепе как желе. Я слышу, как его кулак соприкасается с моей челюстью, пока голову не отбрасывает назад с *хрустом!*

Удерживать равновесие невозможно.

Я падаю на пол.

Я чувствую его под собой. Он мне почти нравится. Единственная устойчивая вещь, пока весь мой мир крутится. Что-то в осознании, что я могу упасть, и в этом треклятом полу

успокаивает меня.

Подо мной растекается лужа крови. Мои глаза почти полностью закрыты и заплыли. А мои ребра по ощущениям будто воткнуты в легкие. Я упираюсь рукой в пол ринга, затем другой, когда слышу отсчет. Я пытаюсь отжаться и встать, на мгновение мне кажется, что я не смогу.

Я ненавижу его. Я всей душой его ненавижу. Все, о чем я могу думать, это я, стоящий здесь, перед этими желтыми глазами и этим лицом, которое я размажу, когда в следующий раз встречу с ним.

Я поднимаюсь и сплевываю кровь, но стоит мне встать, как я получаю левый хук в голову, от которого меня разворачивает.

Я спотыкаюсь и почти падаю опять, качая головой. Комната кружится. И все, о чем я могу думать, это руки Брук, и как приятно будет чувствовать их сегодня вечером. Я собираюсь прижать ее к себе и позволить ей приложить лед, поработать немного своими волшебными пальчиками, а она будет любить меня за то, что я вернул ей сестру. Раньше я думал, что хочу звание чемпиона, но теперь нет.

Теперь все, что я хочу — это женщина, которую я люблю. Чтобы она любила меня. Как никто за всю мою жизнь не любил. И ради нее я буду биться сильнее, чем для кого бы то ни было.

Я слышу, как Райли и Тренер кричат мне снова и снова: «Твоя чертова защита! Какого хрена, что с тобой не так?» Люди по всему залу кричат. Они жаждут крови все сильнее, но сегодня я могу дать им только свою.

— *УБЕЙ ЕГО, РАЗРЫВНОЙ! УБЕЙ ЕГО!*

От следующего удара кровь разлетается по всему полу, а люди кричат еще громче.

— *РЕ-МИНГ-ТОН! РЕ-МИНГ-ТОН!*

Мое сердце никогда так сильно не билось. Ни одна часть моего тела не понимает, почему я их не использую. Этой ночью я борюсь сам с собой, с каждым чертовым инстинктом; со своими мышцами, которые хотят работать; своими нервами, которые рефлекторно становятся на защиту. Я больше не могу пошевелить правой рукой. Она безвольно свисает сбоку и даже не болит.

— Реми, Реми, РЕМИ! — люди продолжают кричать.

Скорпион в ярости скалится. Я точно знаю, что за всю жизнь за него никто никогда не болел.

Я плюю ему в лицо.

— В следующую нашу встречу я запихну свой кулак тебе в глотку, — говорю я ему.

С рычанием он замахивается, а я жду удара. Он бьет, и я падаю. Мое зрение сужается и в глазах темнеет.



В ТЕМНОТЕ я слышу музыку. Я слышу песни, которые Брук включала для меня, песни которые я включал ей. Мое тело болит, я пытаюсь пошевелиться, но не могу прорваться сквозь тьму. Я чувствую руки на своей челюсти, я слышу звуки рядом с ухом. Тихий плач. Я чувствую ее поцелуи на своем виске, ее пальцы в своих волосах. Я слышу музыку, и вдруг она затихает... я теряю ее... Нет, я никогда ее не потеряю. Я сделаю все ради нее. Она должна знать, что я сделаю все ради нее.

Свет ослепляет. Мое тело тяжелое и неподвижное. В груди болит. Я открываю глаза шире и осматриваюсь.

Больница. Райли.

А Брук?

Паника накрывает меня. Я пытаюсь говорить, что-то торчит в моем горле, так что я издаю хрип.

Сидящий на стуле Райли вскидывает голову.

— Ты очнулся, слава богу! — он подходит ко мне. — Боже, Ремингтон, я так чертовски рад, что ты выкарабкался, что готов прибить тебя своими руками. Мы все из-за тебя...

Я хватаю его руку и сжимаю так сильно, он замолкает, звуки из моего горла заглушает чертова дыхательная трубка.

— Ты хочешь знать, где Брук? — спрашивает Райли, смотря мне в глаза.

Я киваю и хриплю. Паника сдавливает меня. Брук видела мой разгром на ринге, и я должен убедиться, что с ней все в порядке.

Когда Райли уходит за ней, я отсчитываю секунды по ударам сердца.

Она входит и останавливается, когда наши взгляды встречаются. Никогда раньше я не чувствовал того, что испытываю сейчас. Каждая клетка моего тела вибрирует, но в то же время я неподвижно лежу на этой койке, дрожа от вида Брук. Она здесь, смотрит на меня, ее одежда измята, на голове бардак, лицо бледное, но я считаю, что она никогда так хорошо не выглядела. Мое тело напрягается от жгучего желания. Я хочу сказать ей *«Я люблю тебя, маленькая петарда. Я так чертовски сильно люблю тебя...»*

Я хочу, чтобы она принесла мой iPod, чтобы я мог включить ей песню. Снова «I Love You». Или какую-то другую. Черт, ничто не сможет передать, как сильно я люблю ее.

Она начинает дрожать, а мои глаза начинают жечь, когда я слышу вырывающиеся из нее рыдания. Они прорываются из глубины, ее голос звучит совсем незнакомо, от чего я чувствую боль в местах, о которых и не подозревал.

— Как ты п-посмел заставить м-меня смотреть на э-это... как ты мог стоять там и заставлять меня смотреть, как о-он уничтожает тебя! Твои кости! Твое лицо! Т-ты... был... моим! Мне... принадлежал... Как ты с-смеешь ломать себя! Как ты смеешь ломать меня!

Мои глаза жжет огнем, я, блин, не могу пошевелиться, все, что я могу, это лежать здесь, пока ее и моя боль разрывает меня.

— В-все, что я хотела, это помочь своей сестре и не в-в-втягивать тебя в неприятности. Я также хотела защитить тебя, позаботится о тебе, быть с тобой. Я хотела *осс-статься* с тобой до тех пор, пока бы ты не устал от меня, и не перестал нуждаться во мне. Я хотела, чтобы ты *любил меня* потому, что я... я... О, боже, но ты... я... не могу. Я больше не могу. Тяжело наблюдать за тем, как ты дерешься, но смотреть, как ты убиваешь себя — это... я не буду этого делать, Ремингтон!

Издавая звуки, я пытаюсь пошевелиться, несмотря на руку в гипсе, ненавидя то, каким тяжелым ощущается сейчас мое тело. Мое быстрое, натренированное тело подводит меня, она разбито настолько, насколько я себя чувствую.

Слезы бегут вниз по ее щекам, неожиданно она подходит ко мне и касается моей целой руки, наклоняется к моей груди, целуя костяшки пальцев, ее слезы падают на мои шрамы.

Я так сильно хочу к ней прикоснуться, что заставляю руку в гипсе сдвинуться, чтобы погладить ее по затылку, провести по ее волосам. Она вытирает щеки и смотрит на меня

сквозь слезы, я молчаливо даю ей понять, что справлюсь с этим, справлюсь с избиением.

Но внезапно она встает, чтобы уйти.

Я хватаю ее за руку, сжимая так сильно, насколько могу, не ломая ее хрупкие кости. Она высвобождается, обхватывает руками мое лицо и целует меня в лоб. Я чувствую, как ее боль взрывается внутри меня, черт, она убивает меня. Звуки вырываются из моей глотки, когда я хватаю дыхательную трубку, пытаюсь вытащить ее, и аппарат сходит с ума, как и Брук.

— Реми, нет, нет! — умоляет она, но я ни хрена не останавливаюсь, я должен ее вытащить. Я никогда не был человеком, для которого важны были слова, но я не потерплю какую-то хрень в своей глотке, когда мне есть, что сказать ей. Брук паникует и зовет медсестру.

— Медсестра! Пожалуйста!

Медсестра вбегает в комнату и что-то через капельницу врывается в мои вены, я мгновенно становлюсь тяжелым, голова отключается. Брук смотрит на меня с выражением на лице, которое я никогда не забуду. Я думаю, что сломал ее. Она сильная, она моя пара, сама по себе она достаточно сильна, чтобы справиться со мной... нет.

Никто не сможет справиться со мной.

Я вижу ее взгляд, думаю, у всех, кто понимает, что я безнадежен, именно такой взгляд. От меня одни беды. Но потом она улыбается мне, и эта улыбка остается запечатленной в моей голове. Я цепляюсь за нее, начиная тонуть, пытаюсь придумать, какую песню включу ей, когда очнусь...



«Дорогой Ремингтон.

Когда я впервые тебя увидела, думаю, что уже принадлежала тебе. И я думаю, ты знал. Как ты мог не знать? Моя жизнь замерла на месте. Так и было. Ты заставил меня идти вперед. Ты снова привнес краски в мою жизнь. И когда ты пришел за мной и поцеловал, где-то глубоко внутри я просто знала, что моя жизнь изменится навсегда благодаря тебе. Так и случилось.

Самые удивительные, невероятные, прекрасные моменты моей жизни у меня были с тобой. Ты со своей командой стали моей новой семьей, и я никогда, ни на секунду не планировала уходить. Не от них, но больше всего, не от тебя. С каждым днем, что я проводила с тобой, я жаждала тебя все больше.

Все, чего я хотела — это быть ближе. Это больно находится рядом с тобой и не прикасаться к тебе, я хотела проводить каждый день с тобой, каждую ночь в твоих руках. Так много раз я хотела рассказать тебе, что ты заставляешь меня чувствовать, но я хотела, чтобы ты сказал это первым. Больше никакой гордости. Не теперь, я не хочу сожалеть о том, что не сказала тебе: «Я люблю тебя, Реми. Всем сердцем. Ты самый многогранный, нежный боец, которого я когда-либо встречала. Ты сделал меня безумно счастливой. Ты испытываешь меня и восхищаешь, заставляя чувствовать себя ребенком, ожидающим с нетерпением всех тех удивительных вещей, просто потому, что я смотрела в будущее с мыслью разделить это все с тобой. Я никогда не чувствовала себя настолько в безопасности, как когда я нахожусь с тобой, и я хочу, чтобы ты знал, что я безумно влюблена в каждую часть тебя, даже в ту, которая разбила мне сердце.»

Но я не могу больше оставаться, Реми. Я не могу смотреть, как ты вредишь себе, потому что, когда ты это делаешь, ты причиняешь мне такую боль, какую я никогда не думала, что кто-то может мне причинить, и я боюсь сломаться и никогда не поправиться. Пожалуйста, никогда больше не позволяй никому причинять себе такую боль. Ты — боец, которым каждый хочет быть, и поэтому все в мире тебя любят. Даже напортачив, ты снова встаешь и продолжаешь бороться. Спасибо, Реми, за то, что открыл мне свой мир. За то, что разделил себя со мной. За мою работу, и за каждую твою улыбку мне. Я хочу сказать тебе, чтобы ты поскорее выздоравливал, но я знаю, что ты так и сделаешь. Я знаю, что ты будешь голубоглазым, самоуверенным и снова будешь драться, а я буду в твоём прошлом, как все то, что ты преодолел до меня.

Просто знай, что я никогда не смогу слушать песню «Iris» снова, без мысли о тебе.

Всегда твоя,

Брук.»

Сегодня я снова и снова перечитываю это письмо. Я прочел его, не веря в происходящее, в гневе, испытывая отвращение к самому себе, чувствуя одиночество, отчаяние, оно ни разу не оставило меня равнодушным. А теперь я снова читаю его, и до меня доходит, что она — моя девочка — оставила меня. Мое тело взрывается, я рычу, роняю голову, испытывая боль, таблеток от которой не существует. Мои глаза жжет, я снова и снова провожу пальцами по словам «Я люблю тебя, Реми», пока слышу, как в гостиной Пит разговаривает, будто это обычный день.

Еще один день из чертовой жизни Разрывного.

До того, как он встретил... ее.

— Полторы тысячи акций этой фирмы. Продавай... Да

Далее следует тишина, по которой я понимаю, что он закончил разговор, и я вижу, как поворачивается ручка на двери в спальню. Занавески распахнуты, он замирает, когда видит меня.

— У тебя голубые глаза.

Я потираю лицо, пытаюсь сложить воедино в голове прошедшую неделю, но все, о чем я могу думать, это отрывки из этого письма. «Я люблю тебя, Реми... Ты сделал меня безумно счастливой...»

Пит заходит в комнату, подходя ко мне.

— Ты был не в себе почти три недели. Ты помнишь?

Тишина, я просто смотрю на него, держа письмо в руке.

— Ремингтон, ты понимаешь, что ты сделал? Ты проиграл чертово звание чемпиона. Ты сдал. Бой! Ты отказался от всего, ради чего работал. Вся твоя ликвидная наличность пропала, до последнего пенни. Годы достижений и работы. Звание чемпиона... *все пропало*, — его голос обрывается, он смотрит на меня. — Ты помнишь это?

— Я знаю, что я сделал, Пит. Ничто из того, что я потерял, я не мог бы вернуть.

— Ты, ты придурок. Ты мог помереть там! Ремингтон, кто, блин, так делает? Ты добровольно позволил ему избить себя до потери сознания.

Оборачиваясь, я сажусь на край кровати, растираю шею одной рукой, пока смотрю на письмо, импульсивно поднося его к носу, нюхая. Черт, оно пахнет, как она. Даже ее почерк оказывает на меня влияние.

Входит Райли.

— Он в нормальном состоянии, — мгновенно рассказывает ему Пит.

— Черт, это, блин, отлично! Привет, Рем.

Я смотрю на них, на своих братьев. Братьев, которые многое значат для меня.

— Вы разочарованы, — говорю я им.

— Мы не разочарованы, чувак, мы волнуемся о тебе. Ни одна женщина того не стоит, — говорит Пит.

— Она стоит.

Но я так чертовски зол на нее за то, что она меня оставила, что, вставая, сминаю письмо в кулаке.

— Простите меня за бой. Я исправлю все для команды.

— Мы о себе не беспокоимся, — повторяет Пит.

Я напрягаю один бицепс, затем другой, проверяя свое тело, пока спрашиваю:

— Скорпион?»

— Где-то на Багамах или вроде того, хрен его знает. Веселится, тратя деньги, — говорит Пит, все такой же мрачный.

— Выставьте дом в Остине на продажу, — бормочу я. — Этого должно хватить нам на сезон.

Он кивает.

— Мы тоже раздобыли немного наличных средств. Ты делал отличную...

— Что насчет нее? С ней все в порядке?

Они моргают, непонимающе смотря на меня.

— Брук.

— Чувак, почему ты спрашиваешь? — Пит насторожено смотрит на меня, переводит взгляд на Райли и снова на меня. — Ты с ней покончил, Рем. У тебя уже были десятки женщин после нее! Они с ума сходят по Разрывному, как в старые добрые деньки!

— Да, Рем, у тебя были такие горячие штучки, — говорит Райли. — Боже!

В голове вспыхивает картина из больничной палаты, вид золотистых глаз, наполненных слезами. Я смотрю вниз на письмо, расправляя его, зная, что Пит и Райли смотрят на меня, а затем друг на друга.

— Чувак, отдай его мне, я могу от него избавиться, — Пит подходит ко мне, чтобы забрать письмо.

Я мгновенно вцепляюсь в письмо.

— Коснешься его, и ты покойник.

Он опускает руку, вздыхая, а я смотрю на них обоих.

— Где ее сестра?

— Еще не вышла из центра реабилитации. На следующей неделе.

Я продолжаю проверять свое тело. Тренер, должно быть, использовал на мне аппарат чрезкожной электронейростимуляции, чтобы я не утратил мышечную массу. Напрягаю мускулы, они все такие же твердые. Электронейростимуляция помогла им поверить, что я тренировался, когда, на самом деле, я этого не делал.

— Тренер поработал над каждым сантиметром, — говорит Райли, подтверждая мои мысли. — Ты накачан глутамином и всеми видами пищевых добавок.

Я ложусь на пол и делаю отжимания. Неплохо. Все функционирует. Постоянное лежание в койке не угрохало мне спину. Я вскакиваю на ноги, разминая шею, открываю свой чемодан и взгляд падает на мой спортивный халат. Я абсолютно уверен, что, если возьму

его, он будет пахнуть, как она. В этот момент необходимость выплеснуть всю стремительно растущую во мне энергию становится неудержимой.

— Позовите Тренера, давайте хорошенько поработаем.

— Ты серьезно собираешься начать тренироваться? Ты провел в больнице больше двух недель и прошел курс шоковой терапии! Только так мы могли вытащить тебя из депрессии.

— Но теперь я в порядке, — я беру письмо и тренировочный костюм и ухожу в ванную, затем открываю письмо и читаю снова: «Я люблю тебя, Реми.»

Я закрываю глаза и отбрасываю его прочь.

Затем иду за ним, читаю, водя глазами по ее буквам. Черт тебя побери, Брук. Тебе стоило сказать мне держаться от тебя подальше. Что ты не можешь быть с кем-то вроде меня. Вместо этого ты говоришь мне, что моя команда тебе, как семья. Что ты счастлива.

Что ты думаешь обо мне, когда слышишь мои песни. Черт, ты говоришь мне, что *любишь меня*. Теперь, Брук, я приду за тобой.



ВСЕ, КРОМЕ ДИАНЫ, едут в «Эскалейде». Мы всего в квартале от здания, а в мои груди настоящие боевые действия. Я барабаню пальцами по бедру, пока узел в моем животе становится тем туже, чем ближе мы подъезжаем. Я, блин, должен все объяснить Брук, и я уверен, когда она увидит небольшую посылочку, что мы везем, много объяснять не придется.

Я потираю затылок, затем достаю из кармана джинсов письмо. Оно обжигает меня. Я читал его до тех пор, пока в глазах не заболело и не начало жечь от гнева. Она обращалась со мной, будто я особенный. Она говорила, что никогда не уйдет, и я всем сердцем ей поверил. Хочу знать, что я сказал. Хочу знать, что я, блин, сделал. Хочу знать, что она хотела сказать этим чертовым письмом, или это просто была херня какая-то.

— О, там Брук и Мелани, — говорит Пит с заднего сидения.

Я наклоняю голову вперед, смотря на две фигуры, бегущие по тротуару, пока машина проезжает дальше по улице, останавливаясь возле ее квартиры. *Боже, это она.*

Сердце начинает колотиться, артерии в сердце расширяются, наполняя мышцы кровью. Я берусь за ручку, открывая дверь, но Пит и Райли выходят из машины раньше меня. Я выхожу на тротуар следом за ними и вижу ее. А она видит меня. И мы смотрим друг на друга, ни один из нас не двигается. Мои глаза так изголодались, они болят, когда я рассматриваю ее: волосы собраны в хвост, беговые кроссовки, спортивный костюм, лицо, о котором я мечтал, эти зефирные губки прямым из моих фантазий и эти золотые глаза, которые блестят, пока она смотрит на меня.

Боже, я люблю тебя.

Каждой клеткой своего проклятого тела, каждый сантиметр вибрирует от ее вида. На ней обтягивающий спортивный костюм и пот блестит на ее лбу и горле, ее волосы собраны назад в милый хвостик, и она замерла на месте, увидев меня. Я не знаю, бросится ли она ко мне, когда начнет двигаться, все, что я знаю — если бросится, я чертовски готов ее словить. Я подниму ее и никогда не отпущу.

Боже, она выглядит так хорошо и так рада видеть меня, что я каменею, когда они начинают идти в нашу сторону.

— Мисс Дюма? — говорит Пит, пока они с подружкой подходят к нам. — Кажется, это ваше?

Он указывает в мою сторону, а из нашего «Эскалейда» выходит Нора.

Брук сначала смотрит на меня, затем удивленно моргает.

— Нора?

— Нора? — повторяет ее подруга Мелани.

— Мы лишь хотели убедиться, что она доберется домой в безопасности, — говорит Пит.

— Нора? — Брук не может отвести взгляд от сестры, и мою грудь переполняет радостное неверие на лице моей маленькой петарды.

— Это я! — сестра бежит в ее объятия, и я никогда не ревновал к женщине, но я хочу, чтобы руки Брук обнимали меня, почувствовать ее запах в своем носу, своих легких, ласкающий мою душу. — Это я, старшая сестренка! Я вернулась! Я прошла реабилитацию. Пит помог мне. И я свела татуировку, — она указывает на место, где чертова метка Скорпиона была на ее лице. — Я чувствовала себя так ничтожно, когда ты смотрела на меня в тот день, Брук. Я чувствовала себя так ничтожно и так... грязно.

— Нет! Нет, никогда! — Брук снова обнимает ее, мой живот сводит от ревности, мои руки ощущаются свинцовыми от желания обнять ее.

— Нора!! Нора Камора Лалора Крейзола! — сумасшедшая забавная подруга Брук подбегает к Норе и кружит ее, а Брук переводит взгляд на нас троих, пока мое сердце бьется от нетерпения.

Но она смотрит на Пита, заставляя узел во мне сжиматься туже.

— Пит, что происходит?

— Сюрприз, — он радостно указывает на ее сестру. — Она отлично справилась. Она такая милая девушка.

Затем он кивает в мою сторону, и золотые глаза Брук возвращаются ко мне, но я не могу стоять здесь, будто она не принадлежит мне, а я — ей. Я засовываю руки в карманы джинсов, не в состоянии перестать ее рассматривать, то, как округлилось ее тело, как пот стекает по ее прекрасной коже.

— В ночь, когда Ремингтон пошел драться со Скорпионом, Скорпион предложил ему твою сестру взамен на звание чемпиона. И Реми согласился, — объясняет Пит.

Я наблюдаю за ней, она смотрит на меня в полнейшем замешательстве, и я жду, пока она скажет что-нибудь.

— Ты имеешь в виду, он согласился... проиграть?

Мое тело в неверии сжимается от боли. Я знаю, она думала, что я сделал это из-за того, что биполярный.

Она начинает трясти головой, цепляясь взглядом за меня. Я вижу, как растёт ее пульс, ее лицо меняет цвет, ее глаза темнеют от боли.

— Ты сделал это ради... Норы? — не дыша, спрашивает она.

Она так прекрасна, она моя девочка, моя маленькая петарда, и, когда ее глаза наполняются слезами, я хочу, чтобы она плакала только тогда, когда я смогу слизать её слёзы.

Пит достает из багажника «Эскалейда» зеленую сумку с вещами и идет внутрь с Норой.

— Позволь мне помочь тебе с этим, Нора.

Райли стоит рядом со мной, девушки смотрят на нас. Нет. Мелани смотрит на Райли. Но Брук не может отвести глаз от меня. Я засовываю руки глубже в карманы. Я мог бы схватить

ее. Прижать к себе. Поцеловать ее в наказание за то, что оставила меня, а затем поцеловать ее с любовью, потому что я чертовски без ума от нее.

Она обхватывает себя руками, опуская голову.

— Почему ты мне не сказал? Что ты проиграл бой ради... нее?

Она выглядит такой несчастной и, боже, я хочу, чтобы она чувствовала себя в безопасности со мной. Не испытывала стыд за то, что я собирался сделать для нее.

— Ты имеешь ввиду, ради *тебя*, — говорю я ей спокойно.

— Я тоже не знал, Брук. — говорит Райли. — Или Тренер. Только Пит знал. Он нашел его в ту ночь, и он помог обеспечить безопасность твоей сестре, пока Ремингтон отдавал победу.

На мгновение она замирает, смотря на Райли, затем вновь смотрит на меня, блуждая по мне. Я могу чувствовать, как она тронута. Ее желание. Все это в ее глазах, дрожащем голосе. Я хочу дотянуться до нее, коснуться, увидеть, почувствовать рядом с собой.

— Как ты? В порядке? — спрашивает она меня, и ее нежное беспокойство лишает меня способности мыслить ясно. Я только киваю. *Я не в порядке, маленькая петарда, даже не близко.*

— Чего тебе стоил этот проигрыш? — спрашивает она. Она хочет поговорить, но я не хочу говорить об «Андеграунде». В тот день я потерял что-то намного важнее титула, и теперь хочу это вернуть.

— Помимо того, что мы банкроты? — отвечает Райли вместо меня. Он слишком громко усмехается. — У него есть пара миллионов, чтобы продержаться до конца года.

Мы возвращаемся в новом сезоне. Фанаты Реми требуют реванша.

— У тебя и правда преданные фанаты, не так ли? — спрашивает Брук, и взгляд этих золотых глаз убивает меня.

Я хочу сказать ей, что весь прошедший месяц меня не заботило то, что у меня есть, только то, чего нет.

— Ну, пора ехать, — Райли хлопает меня по спине. — Вообще-то, Брук, мы здесь также и потому, что ищем специалиста по спортивной реабилитации к предстоящему новому сезону. Хорошего, чтобы получить преимущество на тренировках, — Райли протягивает ей визитку с данными. — На случай, если ты заинтересована, номер мистера Тейта находится на обороте. Там также название отеля, в котором мы расположились. Мы уезжаем через три дня.

Райли садится в машину, как и Пит, но я жду ее реакции.

Она смотрит на меня, я смотрю прямо на нее в ответ.

Мой пульс бешено бьется, пока я хочу сказать ей тысячу разных вещей, включить ей тысячу песен, но ничего не делаю. Из-за бардака внутри меня, спутанного клубка эмоций, я не могу произнести ни единого слова. Даже *«Почему? Почему ты оставила меня? Почему ты сказала, что любишь меня и оставила меня?»*

— Ты хорошо выглядишь, Реми, — радостно говорит Мелани.

Мгновение я улыбаюсь, потому что мне нравится, как она заставляет Брук смеяться. Мне нравится, что Мелани дала мне телефонный номер, с которого все это началось.

Мелани уходит, а Брук остается смотреть на меня, и я даже не знаю, с чего начать. За всю мою жизнь никто не говорил мне того, что она написала в том письме. Я привык к тому, что меня бросают. Я заранее этого ожидаю. Но когда она сказала, что никогда не потеряет ко мне интерес, я ей поверил. Когда она включила мне песню, говорящую, что она любит

меня, я, блин, *поверил* ей. И мне нужно, чтобы она вернулась ко мне её теми же двумя длинными стройными ногами, которыми ушла от меня.

— Ты знаешь, где найти меня, — говорю я тихо, затем сажусь к парням в машину и мы уезжаем.

Я выхватываю ее письмо и сжимаю его, и на мгновение, гнев снова переполняет меня. На себя самого. На нее. На мое чертовое тело. Я мог бы вернуться, отнести ее в ее чертову квартиру, оттрахать ее, напомнив, по ком она плачет, кто ее мужчина, идеальный или нет.

Но моя гордость задета, я чувствую себя тем глупым мальчишкой, брошенным в психушке, который ждал, что кто-нибудь придет и заберет его.



Я БЕГУ и бегу, пока не валюсь с ног, и даже тогда каждый сантиметр моего тела напряжен и находится в режиме ожидания. Завтра по графику мы уезжаем. И я знаю, что не могу уехать без нее. Я себя знаю, я вернусь и заберу ее, если она не придет сама.

И все же, хоть раз в жизни, я хочу, чтобы кто-то пришел за мной, потому что счел, что я того стою. Нет, не *кто-то*. Она. Я хочу, чтобы женщина, которую я люблю, пришла ко мне, потому что наконец-то нашелся человек, который понимает меня. Как, блин, я могу уехать, как я буду жить без нее?

Я возвращаюсь в номер и захлопываю дверь...

И словно видение, я вижу ее, сидящую в гостиной с Питом и Райли.

Она вскакивает на ноги и каждая деталь ее одежды, каждая мелочь в ее внешности накрывает меня. Я чувствую спокойствие, которое ощущаю за долю секунды до начала боя, а затем бой накрывает меня. Тысяча эмоций накатывают одна за другой. Воздух искрится от напряжения. Я чувствую, как желание, словно электрические разряды, проносится между нами, стягивая все внутри меня в узел. В груди тяжелеет, я ошарашен ее появлением, и все еще зол, но потом лишь отчаянно хочу утопить все это смятение в ней, напомнить ей, что она принадлежит *мне*.

— Я бы хотела поговорить с тобой, Ремингтон, если у тебя есть минутка. — шепчет она неразборчиво.

— Да, Брук, я тоже хочу с тобой поговорить.

Я иду вперед, позволяя ей следовать за собой, ненавидя то, как на меня действует ее голос. Ее запах доносится до меня, и пока я веду ее в хозяйскую спальню и закрываю дверь, мои инстинкты предают меня, и я горячей рукой обнимаю её за шею и наклоняюсь, чтобы сделать глубокий вход, вбирая ее запах в свои легкие.

Она сжимает в кулаках мою футболку и прижимается ко мне лицом.

— Не отпускай меня, пожалуйста, — умоляет она.

Новая волна гнева заставляет меня высвободиться, я ненавижу себя за эту минутную слабость.

— Если ты так сильно меня хочешь, почему же тогда ушла? — требовательно спрашиваю я. Она садится на скамейку у подножья кровати, а я так явно страдаю от боли, что скрещиваю руки, закрываясь. — Я сказал что-то, пока был в маниакальном состоянии?

Она смотрит на меня, и ее голос срывается от эмоций.

— Ты хотел отвезти меня в Париж.

— Это плохо?

— И заняться со мной любовью в лифте.

— Разве?

— И взять меня в моих розовых брюках, — признается она, и ее лицо и горло заливаются румянцем.

Я жду, когда она расскажет мне остальное, и когда она этого не делает, я напоминаю ей. Потому что это то, что я проигрывал в своей голове весь прошедший месяц, каждую деталь случившегося.

— Ты забыла ту часть, когда мы включали друг другу песню, — бормочу я, не в силах продолжать смотреть на нее, когда каждая моя клетка требует прикоснуться к ней.

Я беру ее за руку и слышу, как она тихо ловит ртом воздух, пока я подношу ее пальцы к своим губам. Мой пульс ускоряется, когда я разворачиваю ее руку, открывая гладкую кожу ее ладони, и провожу по ней языком.

— Та фотография очень сильно разозлила меня, Брук, — говорю я в ее кожу, проводя по ней языком, дразня ее. — Когда ты принадлежишь кому-то... ты не целуешь никого другого. Ты не целуешь его врага. Ты не врешь ему. Не предаешь его.

Я добавляю к прикосновениям зубы, и это отражается на ней, ее голос дрожит сквозь губы.

— Мне жаль. Я хотела защитить тебя, как ты защищаешь меня. Я никогда больше не стану действовать за твоей спиной, Реми. Я ушла не потому, что ты биполярный, я просто не хотела, чтобы ты становился маниакальным или депрессивным из-за меня.

Я киваю, соглашаясь, в замешательстве блуждая взглядом по всей ней.

— Значит, я что-то неправильно понял. Потому что я все еще не возьму в толк, какого хрена ты бросила меня, когда я так чертовски сильно в тебе *нуждался!*

Ее глаза блестят.

— Реми, мне жаль! — плачет она.

Рыча от боли, я достаю письмо из кармана джинсов, висящих на стуле. Я читал его до тех пор, пока глаза не слипались. Я держал его ночью, зажав в кулаке, когда был в маниакальном состоянии и когда был в депрессии, и продолжал говорить себе, что я что-то значил для нее.

— Ты действительно имела в виду то, что написала мне? — требую я ответа.

— Что именно?

Я расправляю письмо и указываю на слова, за которые цеплялся, словно умалишенный, слова, которые никто прежде мне не говорил. Слова, которые я хочу услышать от нее, почувствовать их: *«Я люблю тебя, Реми.»*

Я так сильно хочу их услышать, что это приводит меня в ярость, заставляет снова смять бумагу, и смотреть на нее, сгорая от желания, гнева и отчаяния. Имела ли она это в виду? Она смотрит на меня и неожиданно начинает кивать, и мое тело сжимается от желания услышать эти слова вслух. Мои чувства кричат. Мое сердце болит.

— Скажи это, — шепчу я.

— Зачем?

— Мне необходимо услышать это.

— Почему тебе нужно услышать это?

— Ты поэтому ушла после боя?

Ее глаза полны слез, я причина этих слез, но я не могу перестать наседать, я должен знать, я испытываю чертовски невыносимую боль.

— Поэтому, Брук? Почему ты ушла? Или потому, что ты была готова расстаться со мной? Я думал, ты храбрее, маленькая петарда, правда, думал.

Я наблюдаю за ее ней, за каждым ее движением, и неожиданно чувствую прикосновение ее маленьких пальчиков к своему шраму над бровью, посылающее жар и чувства прямо внутрь меня.

Она выпаливает:

— Я люблю тебя. *Я люблю тебя.*

Я судорожно вздыхаю, когда она с болью произносит:

— Больше, чем я когда-либо думала, что можно любить другого человека. Я ушла, потому что ты разбивал мое сердце, снова и снова той ночью, вместе с твоими костями. Я ушла потому, что больше не могла этого выносить!

Я закрываю глаза. От слов «*Я люблю тебя*» я хрипло дышу и дрожу, измученный.

Она опускает руку, и ее голос полон страдания и боли.

— Я не хочу, чтобы ты еще когда-нибудь добровольно позволял кому-то вредить себе. Никогда. Даже ради меня, Реми. Никогда. Ты значишь. Слишком. Много! Ты меня *слышишь*?

Я быстро прижимаю к её лицу раскрытые ладони, и чувствую дрожь в ее теле, когда она впитывает мое прикосновение. Я смотрю в ее глаза и не испытываю стыда. Я горд. Я говорю ей, тихо, прежде чем сказать, что она значит для меня.

— Я бы сделал это тысячу раз для тебя.

Я вдыхаю ее запах, и мне хочется рычать, когда слышу, как она вдыхает меня.

— Тысячу. Миллион. И меня не волнует, унизили ли меня. Меня ничего не волнует. Я знал только то, что ты была готова целовать краски того ублюдка ради своей сестры, и я должен был вернуть ее тебе.

— Ох, Реми, ты не должен был ничего делать.

— Должен. И я сделал. И я буду делать это снова. Я сожалею только о том, что только Пит мог знать. Он остался в номере отеля с ней и с одним из ублюдков Бенни, потом помог перевезти ее, когда я проиграл бой. Я просто не мог позволить тебе остановить меня, Брук.

— Но ты даже не смотрел на меня... — она зажмуривает свои красивые глаза. — Это причиняло такую же боль, как и все остальное случившееся.

— Если бы я посмотрел на тебя, я бы не смог пройти через это.

Она закрывает лицо, я вижу, как она страдает. Я чувствую это внутри себя.

Я отпускаю ее, и стон вырывается из моей груди.

Я встаю и хожу по комнате, закипая от отчаяния и беспомощности.

— Я знал, что это случится.

Я хмурюсь, беспомощность съедает меня живьем.

— Вот почему я не хотел прикасаться к тебе. Я знал, что сойду с ума, если прикоснусь к тебе, и сейчас меня разрывает сама мысль о том, чтобы просить тебя быть со мной, когда я знаю, что сделаю что-то, что снова причинит тебе чертовскую боль!

— Да! Да, наверное, ты так и сделаешь, идиот! И для меня это будет прыжком с парашютом, и я собираюсь крепко держаться и просто прыгнуть вместе с тобой, потому что вот так ты действуешь на меня. Я без ума от тебя. Теперь моя жизнь без тебя — *дерьмо*. Я здесь не из-за работы. Хоть я и люблю ее, но мне нужен *ты*. К тебе я пришла в ту первую ночь. Это всегда было связано с тобой. Я хочу быть с тобой, но я не буду, если это не

взаимно. Я хочу, чтобы ты тоже меня любил, Реми. Ты никогда не говорил мне, что ты ко мне чувствуешь!

Я вопросительно смотрю на нее, сначала удивленно, затем чертовски серьезно.

— Брук, ты правда, не знаешь?

Она смотрит на меня, и я становлюсь перед ней на колени, прижимая руки к её лицу.

— Боже, когда я впервые увидел тебя в ту ночь в Сиэтле, меня как будто прошибло разрядом. Я тащился просто от того, как ты улыбалась мне, Брук. То, как ты смотрела на меня с выражением боли и страха, сводило меня с ума. Ты отвернулась, чтобы уйти, и на тебе были те действительно хорошенькие брюки. Когда ты уходила, твоя попа была в них такая округлая и задорная. И мне просто захотелось закончить тот чертов бой, чтобы пойти за тобой. На том бое, я клянусь, что дрался только для того, чтобы ты смотрела на меня. Чтобы ты видела меня. Видела, что я сильный и могу драться за тебя, *защищать тебя*. Я мечтал поцеловать тебя, заняться с тобой любовью. Я планировал это в своей голове даже когда прыгнул с ринга и последовал за тобой. Когда твоя подруга дала мне твой номер, я пришел в отель, чтобы обнаружить полную комнату девочек, которых Пит всегда для меня находит, и я не мог смотреть ни на одну из них. Я хотел смотреть в твои глаза и делать так, чтобы ты мне улыбалась.

Я говорю ей о том, как гуглил ее имя. Как в тот же миг сказал Питу отправить ей те билеты. Как увидел те видео на YouTube. Как решил *нанять* ее.

Она выглядит изумленной, ее лицо бледнеет, глаза становятся еще шире.

— Я старался не давить на тебя. Я хотел узнать тебя, и чтобы ты узнала меня, и с каждым днем я хотел тебя все больше, Брук. Так сильно. Я не мог прикасаться к тебе, рискуя все испортить, пока ты не узнала обо мне. Я хотел значить для тебя что-то. Я хотел увидеть, сможешь ли ты меня понять... каждая ночь была для меня пыткой, когда думал о тебе в твоей комнате в то время, как я был в своей.

— В ночь, когда мы пошли в клуб, и ты танцевала со мной, я просто не мог себя остановить. Я был так заведен. А когда ты вырубила двух парней из-за меня, я сошел с ума от необходимости защитить. Я хотел уложить тебя в постель, вернуться и нанести им серьезный вред, всем четверым. Но ты осталась со мной, и я забыл о драке, я хотел только пройтись ртом по тебе. Я пытался контролировать себя, но в самолете ты убила меня теми песнями о занятии со мной любовью. Я просто должен был взять тебя. Мысль об этом делала меня таким чертовски счастливым, я был почти опьянен от этого, и к концу того боя я находился в маниакальном состоянии. Я был без ума от тебя еще до того, как ты оказалась в моей постели. А потом ты проснулась со мной, и я видел, что ты ко мне прижималась, Брук. Мягкая и сладкая. В следующий раз я лежал в постели один, и мне хотелось вскрыть себе чертovy вены от желания, чтобы ты была рядом со мной, так что я вернулся за тобой. Это все, о чем я мог думать в течение дня, тех дней. Мысли о тебе в моей постели, о поцелуях. Я продолжал просматривать свой плейлист, просто пытаюсь найти ту единственную песню, которая смогла бы сказать тебе, как ты заставляешь меня себя чувствовать. Внутри. Я не силен в таких разговорах, но я хотел, чтобы ты знала, что для меня ты особенная, ты не похожа ни на одну другую женщину в моей жизни.

— Ты хотела, чтобы я занялся с тобой любовью, но не знаешь, как много раз я почти не выдерживал. Когда я мыл тебя в душе, клянусь богом, внутри я сдался. Но я не мог этого сделать, не без объяснения тебе, что со мной что-то не так, и я такой трус, Брук. Я даже не мог набраться мужества, чтобы сказать тебе слово «биполярность». Поэтому я тянул время.

Потому что я эгоист, мне хотелось быть важным для тебя, прежде чем ты бы узнала. Думал, что это будет иметь значение, и ты останешься. Даже мои родители не захотели быть со мной. Но что-то в тебе заставило меня подумать, что ты меня *знала, понимала* на таком уровне, как никто другой.

— Реми, — шепчет она.

— Я был прав, Брук, — добавляю я, смотря ей прямо в глаза. — Когда я рассказал тебе о себе, ты все еще меня хотела. И я был влюблен в тебя, даже не знаю, как долго. С тех пор, как ты пыталась повалить меня на ринге, а я закончил тем, что держал твои маленькие ножки возле своего живота, чтобы согреть их. Боже, когда я увидел ту фотографию с тобой и Скорпионом, мне захотелось его *убить*. Мне захотелось дать тебе что бы то ни было, что заставило тебя пойти к тому чертовому ублюдку и поцеловать его гребаную морду! Я хотел дать тебе это, чтобы вместо этого ты целовала меня.

Я объясняю ей, что произошло в номере отеля со Скорпионом, ее взгляд смягчается, глаза полны слез, пока она слушает, как я рассказываю ей все, и что это впервые, когда я сделал что-то правильное, будучи темным.

Я наклоняюсь ближе и касаюсь носом ее виска, она дрожит, когда я шепчу рядом с ее ухом:

— Мне жаль, что не мог сказать тебе, но это должно было случиться таким образом. Когда я сказал тебе, что не позволю тебе уйти от меня в ночь, когда мы занимались любовью, я подразумевал именно это. Я хочу тебя, Брук, для себя. Я могу сделать тебе больно, я могу выкинуть какую-то глупость, но я... — я отстраняюсь, чтобы посмотреть на нее. — Я так чертовски сильно в тебя влюблен, что просто не знаю, что с собой поделать.

Она кивает и вытирает слезы, я вижу, что она так же борется со своими чувствами.

— Ты снова захочешь уйти от меня, — шепчу я, поглаживая ее подбородок. — Ты не можешь, Брук, не можешь уйти так просто.

Я провожу другой рукой по ее волосам, она прижимается к руке, словно котенок, жаждущий моей ласки.

— Ты заявила на меня права, маленькая петарда. Ты надрала задницы двум мужикам, по центнеру каждый. Я никогда с этим не свыкнусь. Ты выгнала моих шлюх. Пит сказал мне. Ты заявила на меня свои права еще до того, как поняла, что я уже заявил о своих, — я сжимаю ее волосы в кулаке, притягивая ее ближе. — Я теперь твой. Ты не можешь меня бросить, как сделала сейчас. Даже если я все испорчу, я все еще буду *твоим* неудачником.

Она прижимается ко мне, обвивая руками мою шею, ее рубашка пропитывается моим потом.

— Не мой неудачник. Мой настоящий.

Я рычу и лижу ее шею, она тонет в моих объятиях, когда я опускаюсь ниже. Я лижу ее челюсть, ее подбородок, а затем ее губы. Святой боже, не думаю, что когда-нибудь оторвусь от этих мягких, розовых, аппетитных губок. Я чувствую, как она дрожит напротив моего живота, я глажу её по спине, притягивая ближе. Я провожу дорожку поцелуев к ее рту, кружа вокруг, пока она не раскрывает губы со стоном, впуская меня внутрь.

— Никогда, черт возьми, больше не оставляй меня, — бормочу я, проводя языком по ее губам, верхней и нижней, затем погружаясь глубоко внутрь, пока опускаю руки к ее попе, сжимая.

Из-за нее я на взводе, от того, как она трется сосками о мою грудь, заставляя все мое тело пульсировать.

— У меня есть около тысячи песен в новом плейлисте под названием «Брук», и все они о том, как я скучаю по тебе, люблю тебя, ненавижу и обожаю тебя, — говорю я хрипло, забираясь под ее платье, прямо к ней в трусики.

Мне нравится, что на ней надето платье, что она выглядит так сексуально, женственно. Моей.

Я хочу сорвать его зубами, и стараюсь не быть грубым, когда стягиваю трусики с ее ног, а она признается: «У меня тоже есть несколько, я хочу провести весь день, включая их тебе».

Раздев ее догола, я притягиваю ее обратно к себе на колени, она обвивает меня ногами, мой член пульсирует сквозь шорты, упираясь в нее.

Она сидит верхом на мне, потираясь о мою твердость, дрожа от желания.

— Я люблю тебя, — шепчет она, и дальше дело за мной.



ЧАСЫ СПУСТЯ, ОНА без сил лежит в моей постели.

Брук «Чертовски-Сексуальная» Дюма.

Я мог бы лежать так с ней всю ночь напролет.

Ее блестящие волосы цвета красного дерева лежат на моей груди, спадая вниз по правому плечу.

Теплым дыханием она касается моей груди, пока длинными тонкими маленькими пальчиками ласково очерчивает кубики моего пресса.

Я глажу руками вверх и вниз по ее спине.

Я не знаю, чего коснуться в первую очередь, пальцами, языком, зубами или губами, я хочу всего и сразу.

Я накручиваю прядь ее волос между пальцами, затем наклоняю голову и вдыхаю. В голове гудит, когда ее аромат наполняет мои легкие. На меня всегда будет так действовать ощущение ее женственного запаха, отдаваясь внутри. Этот сладкий аромат уникален, он принадлежит только ей, и, впервые его учуяв, я знал — она моя.

Целиком и полностью моя.

Я никому не позволю отнять ее.

Я не отпущу ее.

Я ее Настоящее.

А она — Моя.

Меня распирает изнутри. Я чувствую себя королем, унаследовавшим королевство по имени Брук «Маленькая Петарда» Дюма.

Положив ладонь ей на затылок, я целую ее в лоб. Она тихонько постанывает, поворачивая голову, чтобы поцеловать мою грудь. Я опускаю глаза на ее красивое лицо, проводя большим пальцем по ее нижней губе. Её рот сводит меня с ума. То, что она говорит. То, что её губы со мной делают. То, как они ощущаются, какие они на вкус, как выглядят.

Я вожу губами по ее лбу, по ушку, вдыхая ее запах, чувствуя каждый сантиметр ее маленького, подтянутого тела, прижатого ко мне. Из-за меня она потная и липкая, и горячая, как солнце. Я обнюхиваю ее ушко, затем лижу его, осторожно проталкивая язык в раковину.

Я чувствую, как она вздрагивает, когда другой рукой я глажу ее по голове, опускаясь ниже по гладкой спине, пока медленно занимаюсь любовью с ее ушком, и мне все мало.

Я подтягиваю ее на себя, убирая ее волосы в сторону, зарываясь лицом в ее шею так, что

ее нос оказывается прижатым к моему горлу, а мой — к ее.

— Брук Дюма, — хрипло шепчу я ей в ухо. — Я люблю тебя, моя маленькая петарда.

Она вздыхает, прижимаясь к моей шее, и запускает руки мне в волосы, проводя руками по голове.

— Я так счастлива, — говорит она. Она немного отстраняется назад и смотрит на меня, и ее глаза блестят в полумраке.

Она встречается со мной взглядом и улыбается, и я знаю, что улыбаюсь ей в ответ, а она обнажена, совсем как я люблю, и я уже не могу оторвать взгляда, смотря на ее тело. Я изголодался по ее виду, и теперь я собираюсь восполнить эту нехватку, пока глаза не заболят. Ее грудь, пресс, подкаченные ручки, гладкая шея, милый подбородок, высокие скулы, умная гордая голова.

— Реми... — шепчет она.

Она протягивает одну руку и начинает ласкать мою челюсть, так нежно, будто не может поверить, что находится в моих объятиях.

Я обхватываю своими большими ладонями ее лицо, мои пальцы на ее губах, потому что я тоже не могу поверить.

— Иди ко мне, — я сажусь, прижимая ладони к ее спине, и подтягиваю ее ближе к себе. Я прижимаю ее лицом к своей шее, сильнее сжимая ее в своих руках. Она садится на меня сверху, обхватив руками меня за шею. Она целует меня в шею, а я вожу руками по всему ее телу.

— Больше ты меня не оставишь, — тихо рычу я в ее волосы, она целует меня шею, затем прижимает ладошки к моей челюсти, целуя меня в нос и в лоб.

— Я люблю тебя. Я собираюсь говорить это, пока ты не устанешь, и тебе не будет тошно это слышать, ты будешь целовать меня, лишь бы заставить замолчать, — говорит она мне.

Я смеюсь.

— Этого никогда не случится, — я сжимаю ее, притягивая ее лицо ближе. — Но целовать я тебя все равно буду.

Я набрасываюсь на ее губы, а она нежно лижет меня, как я лижу ее, отчего я рычу, посасывая ее язык. Я так сильно люблю ее. Она подарила мне любовь, которую я никогда в жизни не испытывал. Я никогда не знал, что кто-то может полюбить меня, пока не встретил ее. Для меня это так чуждо, я не был уверен, почему она проводит ночи, глядя меня по голове, а проснувшись, я находил ее сонную, но все еще поглаживающую меня своими ладошками. Я знаю, как она оберегает меня, когда я сам не могу. Я знаю, какая она сильная. Настолько сильная, насколько мне нужно.

— Я собираюсь обрушить на тебя целый поток поцелуев, — шепчет она.

Я тихо рычу и киваю. Когда она говорит, я слушаю, потому что ее слова — самая приятная музыка для меня. Когда она рассказывает мне свои истории, о своих друзьях. Ее слова всегда на меня влияли, а ее прикосновения...

Узел внутри меня стягивается крепче, когда она проводит зубами вверх по моей челюсти, по виску, я зажмуриваюсь, тяжело дыша носом, пока тело отзывается на ее ласки.

Мои мышцы напрягаются, сердцебиение ускоряется, я хочу утонуть в ней, чувствовать ее тепло и любовь, ее понимание и принятие. Занимаясь с ней любовью, я чувствую себя цельным и идеальным, словно я был создан, чтобы обеспечивать, защищать и быть с этой

женщиной. Моей женщиной.

Она только вернулась ко мне.

Я так чертовски сильно страдал весь прошедший месяц, желая только свою Брук.

Я хочу, чтобы она знала, что она — моя. Что я буду защищать ее, буду рядом с ней. Что я люблю ее. Что мне ничего не важно, кроме того, что она здесь, и что она больше не оставит меня, потому что я этого не позволю. Никогда не позволю.

Нет. Это я хочу чувствовать, что она моя.

Что она никогда меня не покинет.

Что она будет любить меня, касаться моего лица, моих волос так, как только она касается меня, и все внутри меня замирает, фокусируясь на этом нежном прикосновении, на том месте, где мое тело касается ее.

Я вытираю пальцами ее слезы, слизывая их одну за другой, а в голове проносятся тысячи слов. *Женщина. Прекрасная. Моя.* Я хочу произнести их все, но вместо этого я ничего не говорю, переворачивая ее и накрывая собой. Я утыкаюсь в ее ушко, и ее плач превращается в стон, когда я проникаю в нее. Она проводит руками вверх по моей груди, цепляясь пальцами за мои плечи, а я сжимаю ее грудь, нежно, как она любит, затем целую вершинки губами.

Она выгибает спину и постанывает, когда я продолжаю касаться вершинок зубами, дрожь сотрясает ее тело, когда я вылизываю маленькие затвердевшие соски языком.

Она поворачивается в сторону, когда я скольжу языком вверх по ее коже, открывая мне доступ к своему горлу. Я кусаю ее рядом с пульсирующей веной, она стонет и сжимает мои волосы, удерживая меня на месте. Ее тело движется подо мной, пока она продолжает удерживать мое лицо возле своей шеи. Каждый мускул моего тела сводит от желания закончить начатое. Мое тело привыкло к боли, я научился использовать ее, но эта боль глубоко в душе.

Я вылизываю место на ее шее, которое только что укусил, а она впивается ногтями в напряженные мышцы моей спины.

— *Ремингтон...*

В ее голосе отчаянная мольба. Я хватаю ее за бедра, грубо толкаясь, пока впиваюсь зубами в ее кожу, посасывая ее.

Моя.

Если бы я раньше знал, что она существует, то выследил бы ее.

Я бы поймал и завоевал ее.

Моя, моя, *моя.*

Я нежно царапаю ее зубами, затем снова посасываю. Она что-то бормочет, усиливая хватку на моей шее. Я высовываю язык, чтобы полизать укушенное место, если оно печет, а затем снова прижимаюсь губами, посасывая, чтобы оставить метку. Чтобы она чувствовала ее, чувствовала меня завтра на своей коже. Она дрожит. Я опускаю руку, чтобы потереть ее маленький милый клитор, продолжая оставлять на ней метку.

Я помечу ее всеми способами, которыми могу. Я хочу, чтобы она носила одежду, которую я ей купил, ела еду, которую я для нее достал, хочу, чтобы она надела мое кольцо, чтобы мое тело было на ней, чтобы она взяла мою фамилию.

Моя.

Она станет моей.

Во всех возможных смыслах.

НАСТОЯЩЕЕ СИЭТЛ

Церковь маленькая, душная, а теперь и забита гостями.

Впереди, вдоль стены под массивным крестом, расставлены цветы, которые словно присматривают за прихожанами.

В последний раз я смотрел на крест, когда его держали над моей головой, пока я, взбешенный, был связан в своей постели. Я постоянно пытался вырваться, отчего те места, где мое тело было связано, сочились кровью. Именно это я не особо помню. Но я отлично помню, как очнулся после сеанса гипноза, который был направлен на то, чтобы вернуть мне память о тех событиях. Я помню все, что описал, весь рассказ. Было ли это важно? Нет. Думаю ли я о происшедшем? Нет. Для меня это столь же неважно, как сон.

Ее семья здесь. Ее друзья.

Крест. Церковь.

Меня никогда особо не заботили молитвы, но я молюсь о безопасности сына и жены.

Из церковной двери позади себя я слышу «Га!», оборачиваюсь, и вижу его. Рейсера.

Он явно меня увидел, и он машет в воздухе своими пухленькими ручками, а лицо с ямочками направлено в мою сторону. Джозефина показывает ему игрушку и его мгновенно привлекает ее яркий цвет. Он хватает игрушку, засовывая ее в рот. Мое сердце начинает колотиться, когда я вижу закрытую дверь позади него.

После всего, через что мы прошли, моя жена наконец-то здесь, чтобы выйти за меня замуж.

— Чувак, мне потребуется платочек, слезы утирать.

— Заткнись, — шепчу я.

Зал наполняется шепотом, когда церковный хор готовится начать. Мы неделями обсуждали это. Мы не хотели, чтобы звучал свадебный марш.

Но, в конце концов, Брук захотела. Хмурясь, когда мы выходили из душа, она взяла полотенце, чтобы высушить волосы и сказала:

— Знаешь, если подумать, это же единственный раз, когда мы можем его услышать. Я лишь *раз* выйду за тебя замуж.

Протерев грудь полотенцем, я обернул его вокруг ее талии, держа за концы, чтобы подтянуть ее к себе.

— Чего ты хочешь? Скажи мне, чего ты хочешь, чтобы я мог дать это тебе.

Брук прижалась ко мне грудью и я расправил полотенце, чтобы обернуть нас обоих.

— Хочу совсем маленькую церквушку, в которой были бы только мы, — прошептала она, целуя меня в кадык, подняв руку и глядя ямочки на моих щеках. — И я хочу марш, и белое платье, белые розы и тебя. Каждую секунду, после того, как мы принесем клятвы, я хочу быть с тобой.

Слегка приподняв ее подбородок, я посмотрел ей в лицо, улыбаясь.

— Твое желание, — прошептал я, целуя ее губы, — мой закон.

ПРОШЛОЕ ФИНИКС

В новом сезоне мы переезжаем с места на место, и, пока мы с Питом регистрируемся в гостинице Финикса, что-то привлекает мое внимание настолько, что волосы встают дыбом. Я разворачиваюсь, и вижу Брук в другом конце холла, она возбужденно спорит с Райли, который отвечает ей с тем же запалом.

— Эй, — я в пять шагов подхожу к ним, немедленно хватая Райли за воротник. — Какого хрена ты творишь? — спрашиваю я требовательно.

Нахмурившись, он высвобождается и указывает на Брук, которая сердито смотрит на него в ответ.

— Я тут пытался объяснить Брук, что, когда она ушла, нам было не до веселья.

Я не знаю, о чем говорит Райли, но знаю, что мне не нравится выражение на лице Брук. Мне не нравится, что уголки ее губ опущены, и я довожу это до сведения этого придурка.

— Хватит. Ты понял? — я сердито толкаю пальцем ему в грудь, пока он не отодвигается. — Ты *понял*? — требую я ответа.

— Да, я понял, — ворчит он.

Хорошо. Положив руку на спину Брук, я веду ее к лифту, а затем в наш номер.

Мы заходим внутрь, и она сразу идет к окну, а я посматриваю на ее маленькую круглую попку. Эта попка — моя.

— Тебе нравится номер, маленькая петарда? — я обнимаю ее, прижимаясь к ее телу. — Хочешь выйти на пробежку, когда стемнеет?

Я касаюсь губами ее шеи, когда она оборачивается ко мне.

— Ты трахал других женщин?

В ее взгляде мелькает незнакомая печаль, а я плююсь на нее в ответ, словно чертов идиот, не понимая, какого хрена происходит.

— Я осознаю, что у меня нет права спрашивать тебя, — она смотрит на меня, а я смотрю на нее. — Мы расстались, верно? Все было кончено. Но... ты это *делал*?

До меня доходит, что она ревнует.

Моя маленькая петарда. Ревнует.

Меня.

— Тебя это волнует? — спрашиваю я, усмехаясь, когда мою грудь переполняют все это дерьмо, которое я чувствую только с ней. — Тебя волнует, спал ли я с кем-то?

Она хватается подушку с дивана, с силой швыряя ее мне в грудь, ее глаза вспыхивают.

— А сам как думаешь, чертов придурок?

Схватив подушку, я отбрасываю ее в сторону, довольно улыбаясь.

— Расскажи мне, насколько сильно это тебя волнует, — говорю я хрипло, уворачиваясь от еще одной подушки. Люблю ее раскрасневшиеся красивые щечки.

— *Ответь мне!* — кричит она.

— Зачем? — требую я. Она отступает, но я следую за ней. — Ты бросила меня, маленькая петарда. Ты оставила меня с миленьким письмом, в котором очень любезно говорилось, чтобы я пошел на хрен и жил своей жизнью.

— Нет! Я оставила тебя с письмом, в котором говорилось, что я *люблю тебя!* То, что ты не говорил мне, пока я не вернулась к тебе, *умоляя* сказать это.

— Ты чертовски милая, когда такая. Иди сюда, — я притягиваю ее в свои объятия, но она вырывается.

— Ремингтон. Ты смеешься надо мной! — кричит она жалобно.

— Я сказал, иди сюда, — говорю я, притягивая ее ближе, и я подыхаю от желания зацеловать ее до потери сознания.

— Реми, ответь мне! Прошу, скажи, что ты сделал? — умоляет она из-за ревности, выворачиваясь из моих объятий, пока смотрит на меня снизу вверх. Клянусь, я могу весь день смотреть в ее глаза, весь день смотреть на ее лицо.

Прижимая ее к стене, я касаюсь её лбом и смотрю ей в глаза.

— Мне нравится, что ты ревнуешь. Это потому, что ты меня любишь? Ты чувствуешь себя собственницей по отношению ко мне?

— Отпусти, — она выдыхает, злясь, ерзая между мной и стеной.

Боже, она такая милая. Обхватив ладонями ее щеки, я говорю ей: "Я — да. Я чувствую себя настоящим собственником по отношению к тебе. Ты моя. Я тебя не отпущу."

— Ты *отвергал* меня, — выкрикивает она сердито, ее глаза горят от ярости. — Месяцами. Я умирала от желания быть с тобой. Я с ума сходила. Я... кончила... как чертова неудачница! На твоей чертовой ноге! Ты не касался меня, пока я... сгорала, желая тебя. Да у тебя сила воли сильнее, чем у Зевса! Но с первой же женщиной, которую привели к твоим дверям... в тоже мгновение, как я ушла, с первой же шлюхой, которую тебе привели...

— Что бы ты сделала, будь ты здесь? Остановила это? — шепчу я, дразня ее, и изо всех сил стараюсь не вспоминать, что чувствовал, когда она, черт побери, **ОСТАВИЛА МЕНЯ!**

— Да! — кричит она.

— Но где же ты была? — требую я ответа, моя кровь начинает закипать.

— Где ты была, Брук? — требуя я. Положив ладонь ей на шею, я глажу пульсирующую вену большим пальцем, всматриваясь ей в глаза.

— Я была сломлена, — шепчет она. — Ты сломал меня.

— Нет. Это ты. Твое письмо. Сломало меня, — наблюдая за ней, я провожу пальцем по ее горлу и челюсти, не отводя глаза, когда касаюсь ее розового рта, единственного ротика, который я хочу. — Разве имеет значение, что мне пришлось перецеловать тысячу ртов, чтобы забыть этот?

Мы слышим стук в дверь. Я не двигаюсь.

Мое тело напряжено, я готов взять ее, пометить. Она моя пара, и я хочу, чтобы она, черт побери, сказала мне, что ревнует, потому что я принадлежу ей, что она моя, и точка.

А затем я хочу, чтобы она отвела меня в спальню, хочу жестко войти в нее и заполнить ее собой.

Но она молчит. Моя упертая дерзкая девчонка молчит.

Позволяя ей успокоиться, я открываю дверь, давая чаевые носильщику, самостоятельно затаскивая чемоданы в номер так быстро, как могу. Я вскидываю руку, чтобы остановить ее, когда она проходит мимо меня.

— Да ладно, угомонись, — командуя я.

Но она отталкивает мою руку, выходит из номера и говорит носильщику:

— Спасибо. Вы не отнесете эту сумку вместе с тем чемоданом в другой номер? — говорит она, указывая на свой чемодан.

Кивая, парень толкает тележку обратно к лифтам.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я.

Она оборачивается и смотрит на меня, медленно дыша, ее широко раскрытые глаза полны боли.

— Сегодня я хочу остаться на ночь у Дианы. Я не очень хорошо себя чувствую, и лучше поговорю с тобой, когда я... когда я... *успокоюсь*.

Я хмыкаю.

— Ты это не серьезно.

Мой смех затихает, когда она заходит в лифт.

Я стою там. Сердце колотится, подталкивая меня пойти за ней. Но я настолько не верю в происходящее, что не могу пошевелиться.

Двери лифта закрываются.

И, да.

Моя женщина. Только что зашла. В этот чертов лифт. Оставив меня здесь! Я хватаю свой чемодан и с криком швыряю его через всю комнату, затем захлопываю дверь позади себя, продолжая выбивать из нее все дерьмо.

— ТВОЮ МАТЬ!!! — затем я пинаю подушку, которая все еще валяется на полу, сжимаю челюсть и звоню Питу, чтобы узнать гребаный номер комнаты Дианы.

Когда он отвечает на звонок, мой голос звучит убийственно.

— Гребаный номер комнаты Дианы.

— Ч-что? Черт, Рем. Райли рассказал мне о причине спора... прошу, досчитай до чертовой сотни прежде, чем ты что-то предпримешь, — отвечает Пит.

— Номер. Сейчас же.

— Два-четыре-три-восемь.

Я обрываю звонок и молчаливо делаю, как он сказал — считаю до ста.

Досчитав до девяносто восьми, я уже держу телефон в руках, а дойдя до девяносто девяти, я держу чертов палец над кнопками. Наконец набираю цифры, и когда слышу в динамике голос Дианы, я очень тихо и очень зло рычу:

— Я иду за Брук, так что ты можешь либо открыть мне дверь, либо я ее сломаю. Выбор за тобой.

Я бросаю телефон и останавливаюсь перед дверью, напоминая себе дышать.

Но я с трудом могу сделать вдох, настолько я возмущен от мысли, что не проведу эту ночь с ней. Меня возмущает, когда я вспоминаю, что она *оставила меня*. Она может оставить меня. В любой. Чертов. День. Опять. Пока я не выиграю чемпионат и не заставлю ее *выйти за меня*.

Я настолько готов сделать ее своей женой, что мое тело напряжено, словно перед боем, я готов поймать и заполучить ее. Сжав руки в кулаки, я сосредотачиваюсь на своем дыхании, пока спускаюсь вниз на два этажа, и, в ту же секунду, как я подхожу к двери, Диана распаивает ее.

Черт, думаю, я бы предпочел *выбить чертову дверь!*

— Диана, — здороваюсь я с ней, затем направляюсь напрямиком к Брук. Она свернулась калачиком и рыдает на кровати, и весь мой гнев и раздраженность сжимаются, устремившись прямо в затвердевший член.

Потому что она не только ревнует, не только жаждет обладать, но и обижена.

И мое тело, кажется, считает, что лучше всего превратить эти рыдания в стоны.

Боже, мне необходимо трахнуть ее, и быть рядом с ней. Мне необходимо поцеловать ее и приласкать.

Мне необходима она. В. Моей. Комнате. Постели. И мое тело в *ней*.

— Ты, — говорю я тихо, протягивая раскрытую ладонь, — идешь со мной.

— Я не хочу, — она вытирает слезы.

Дыша носом, я стараюсь оставаться спокойным.

— Ты моя и я нужен тебе, я хочу, чтобы ты, блин, пошла со мной наверх, пожалуйста.

Она хлюпает носом.

— Ладно, иди сюда, — подхватив ее за бедра, я поднимаю ее на руки. — Доброй ночи, Диана.

Она пинается и выворачивается, но я усиливаю хватку, удерживая ее на месте, наклоняясь, чтобы прошептать ей: «Пинайся и царапайся, сколько влезет. Кричи. Бей меня. Проклинай меня. Этой ночью ты будешь спать только со мной».

Она молчаливо злится, пока я направляюсь в наш номер, но, черт, я злее от того, что ей хватило наглости попытаться оставить меня, пускай и не надолго. Я даже не знаю, почему мы ссоримся из-за этого. Меня порадовала ее ревность, но теперь я совсем не рад. Мне нужно быть внутри нее, и это нужно мне прямо сейчас. Одно прикосновение и она *поймет*, что она — единственная для меня.

Внутри нашего номера я бросаю ее на кровать, стаскиваю свою футболку и тянусь, чтобы избавиться от ее одежды. Она вертится и пинается, на ее лице все еще слезы, когда она отодвигается.

— Козел, не трогай меня!

— Эй, эй, послушай меня, — поймав ее, я удерживаю ее взгляд, мое сердце колотится, когда охотничьи инстинкты включаются на полную, готовясь снова сделать ее моей. — Я с ума по тебе схожу. Без тебя я был в аду. В аду. Не глупи, — говорю я ей, многозначительно сжимая ее лицо. — Я люблю тебя. Я люблю *тебя*. Иди ко мне.

Я притягиваю ее к себе на колени, и она начинает тихонько плакать. Каждый маленький всхлип разрывает меня пополам. Я, может, и не помню, что делал, когда она ушла, но я помню ее отсутствие, словно проклятие. Может я и облажался, но все, что я, возможно, сделал, было направлено, чтобы заполнить пустоту, которую она во мне оставила, и которую никто, кроме нее, не мог заполнить.

— Как ты думаешь, как хорошо я справлялся, когда ты ушла? — спрашиваю я ее, и воспоминания причиняют мне чертовски невыносимую боль. — Думаешь, мне было легко? Что я не чувствовал себя одиноким? Преданным? Обманутым? Использованным? Отвергнутым? Никчемным? Мертвым? Думаешь, не было таких дней, когда я ненавидел тебя сильнее, чем любил, за то, что ты разорвала меня на куски? Как думаешь?

— Я оставила все ради тебя, — она смотрит прямо на меня, испытывая такую боль, словно я нанес ей физический вред. — С тех пор, как я тебя встретила, *все, чего я хотела* — быть твоей. Ты сказал, что ты — мой. Что ты был моим... моим... *Настоящим*.

Болезненный стон вырывается из меня, когда я прижимаю ее к себе, тихо рыча.

— Я — самое, черт побери, настоящее, которое у тебя когда-либо будет.

Она все еще смотрит на меня снизу вверх, и её наполненные болью и слезами глаза, впились в меня, словно когти.

— Это должна была быть я, все те разы, — говорит она, рыдая. — Это должна была быть я, только я.

— Тогда, блин, не говори мне, что любишь меня, уходя. Не проси сделать тебя своей, затем сбегая при первой же возможности. Я ведь даже не мог пойти за тобой. Разве это честно по отношению ко мне? А? Я даже не мог подняться на свои чертовы ноги, чтобы остановить тебя.

Ее всхлипы становятся громче, моя чертова грудь болит за нас обоих.

— Я пришел в себя, чтобы прочесть твое письмо, вместо того, чтобы увидеть тебя. Ты была единственным, кого я хотел видеть. Единственным. Что я хотел. Видеть, — говорю я ей тихо.

Черт. Возможно, я бы хотел не говорить ей этого, но она причинила мне боль, и она этого не знает. Может, физически я и силен, но она выпотрошила меня. То, что она сделала, разорвало меня на части, а ее боль, та самая, что она испытывает из-за меня, разрывает меня еще сильнее.

Так, плача, она и засыпает, ее рыдания становятся все тише, пока не остаются лишь всхлипы в ее тихом дыхании. Я вдыхаю запах ее волос, держа ее ближе, чем когда-либо. Я не хочу, чтобы она уходила. Даже на одну ночь, даже к Диане в номер. Я не помню, что делал, когда она оставила меня, я был не в себе. Но это не имеет значения, ничто не имеет, кроме того факта, что *ее* не было со *мною*.

Когда она окончательно засыпает, я начинаю снимать с нее одежду, оставляя ее трусики напоследок, стаскивая их по ее ногам и отшвыривая в сторону с остальной одеждой. Я встаю, чтобы и самому раздеться, затем голый возвращаюсь в постель.

Я настолько твердый, что яйца болят, но Брук дрожит во сне и тянется к теплу моего тела, и невинно переворачивается во сне, чтобы прижаться ближе ко мне.

— Вот так, я здесь, — говорю я, оборачивая руку вокруг нее. Я провожу носом вдоль ее затылка, лаская ее на протяжении ночи, нюхая и вылизывая ее. — Я люблю только тебя. Ты моя, я твой. Я не буду принадлежать никому, кроме тебя.



СПУСТЯ ДВА ДНЯ, утром ее тело составляет одно целое с моим.

Прошлым утром она была притихшей и злилась, но этим утром я наконец-то успокоил ее, и она лежит расслабленная в моих объятиях. Ее темные волосы разбросаны по подушке позади нее, она лежит на животе, лицом зарывшись мне в грудь, и я, наконец-то, могу спокойно вздохнуть.

Черт, вчера я чувствовал себя таким ненужным куском дерьма, что каждый вздох давался с трудом, словно я под толщей воды. Мне даже пришлось позволить дать себя ударить на вчерашнем бое, чтобы она перестала меня игнорировать и прикоснулась ко мне.

Она не касалась меня и я, блин, не могу этого выносить.

После боя у нее уже не было выбора.

Она беспокоилась обо мне, обрабатывала рассеченную губу, пока не поняла, что я пропустил этот удар нарочно. Тогда она начала рвать и метать, приказав мне отправляться в душ, чтобы она могла после натереть меня маслом. Мне нравится позволять ей думать, что она может приказывать мне. Но не в этот раз. Я отнес ее в душ, и сказал, что она будет любить меня, *чего бы* это не стоило. Я чертовски жадный, когда дело касается ее.

— Ты идешь в спортзал? — спрашиваю я тихонько, массируя ладонью ее попку.

Она не шевелится. Прижавшись к ее спине и нюхая кожу позади ее уха, я игриво ее щипаю, затем засовываю язык ей в ухо, отчего мой член мгновенно твердеет, а быстрый взгляд на часы подсказывает, что на это есть время.

— Ты — самая трахабельная штучка из всех, кого мне довелось удовольствие видеть, касаться и сосать, — хрипло говорю я, обнюхивая ее.

Она тихонько вздыхает. Я заставляю себя встать с постели и сходить почистить зубы, затем беру одежду из шкафа, и натягиваю спортивные штаны. Она все еще спит, а у меня все еще стоит, так что я отбрасываю футболку в сторону и возвращаюсь к ней в постель, чтобы разбудить.

Я стаскиваю с нее простыню, чтобы от холодного воздуха ее кожа покрылась мурашками и я мог слизать все до одной с ее попки. Я кусаю одну половинку, затем другую, скользя руками между ее ножек, чтобы накрыть ее киску, тихонько рыча, когда мой член начинает пульсировать, но когда и после этого она не стонет и даже не двигается, я, хмурясь, отодвигаюсь, чтобы посмотреть на нее.

Прошлой ночью она была уставшая и все равно позволила мне взять ее. Она была немного вялой, пока я трахал ее, позволяя мне переворачивать себя, лизать, засовывать пальцы и язык. Каждый раз она кончала быстро и сильно, ее влажный сонный взгляд следил за мной, пока я говорил ей, как приятно она чувствуется, как хорошо пахнет...

— *Ты такой твердый из-за меня, люблю, когда ты во мне,* — шептала она полусонная.

— *Я, блин, хочу жить в тебе,* — повторял я, опять и опять, как говорил раньше.

Она стонала и кончала, и после нашей ссоры мне все время было мало, так что после одного-двух часов отдыха, я разбудил ее, обнюхал, оттрахал ее, обожая то, какой мокрой она была.

Сейчас она так крепко спит, что я не могу ее разбудить. Пробежав глазами по ее округлостям, я мысленно занялся любовью с каждым сантиметром ее тела, затем накрыл ее обратно простыней, наклонившись, чтобы убрать прядь ее темных волос за ухо.

Я прижимаю губы к ее уху и шепчу:

— Пусть тебе приснимся мы.

Затем еще раз глажу ее попку и встаю. Немного попрыгав на месте, чтобы кровь вернулась от члена к конечностям и мозгу, я иду на кухню, чтобы увидеть, что Диана уже приготовила завтрак.

Пит уже в гостиной, одет, с ключами от машины.

Я беру протеиновый батончик и коктейль, прошу Диану покормить мою девочку и мы уезжаем.

Мы и на квартал не успели отъехать, когда раздается сигнал телефона Пита.

— Да, — отвечает он и слушает, его улыбка сходит с лица, а сам он бледнеет с каждой секундой. Мои инстинкты обостряются. Сердце начинает биться сильнее и громче.

БРУК.

БРУК.

БРУК.

Пит резко разворачивает машину и передает мне телефон, пока на полной скорости гонит обратно к отелю. Голос Дианы слышен из динамика еще до того, как я успеваю поднести телефон к уху.

— Вернитесь обратно! *Прошу*, вернитесь сюда! — умоляет она.

Мои глаза наливаются кровью.

Прежде, чем машина, визжа, тормозит, я распахиваю дверь, устремляясь к лифту, и мои рефлексy, словно молния. Пит заскакивает в кабину следом за мной, и ни один из нас не произносит ни слова, пока я снова и снова жму на кнопку нужного этажа.

— РЕМИНГТОН! — кричит Диана с порога, когда я выбегаю из лифта с Питом бегущим позади меня. Я пробегаю мимо Дианы, распахиваю дверь и вижу Брук, неподвижно лежащую на полу, вокруг нее лужа воды, и она тихо плачет.

А повсюду... скорпионы! На ней! Со скоростью молнии, я подбегаю к ней, хватая и сжимая их в ладонях, одного за другим. Жала вонзаются в мои ладони, но боли нет. Все мои чувства сейчас направлены на Брук. На то, как она плачет, на то, как дрожит, и все, что я вижу, сводит меня с ума.

Я отбрасываю в сторону последнего скорпиона и прижимаю ее к себе, словно от этого зависит моя жизнь. Ее трясет, и она всхлипывает, пока я стараюсь дышать носом. Мое тело вибрирует от желания сражаться и защищать ее, организм переполнен адреналином, пока гнев, сильнее которого я никогда не испытывал, начинает кипеть у меня в венах.

— Я держу тебя, — страстно шепчу я, вытирая ее слезы, и прижимая ее к себе. — Я держу тебя. *Я держу тебя.*

Если я ее потеряю, со мной будет покончено. Мне конец.

— Только что приходила женщина, постучала! Она сказала, что у нее коробка, которую заказал Реми! — всхлипывает Диана между рыданиями.

Я не слышу, что еще она говорит. Я прижимаю Брук ближе к своему телу, и наклоняюсь к ее маленькому ушку.

— Я собираюсь убить его, — сердито обещаю я ей. — Клянусь богом, я буду убивать его так медленно...

Пит прихлопывает скорпионов сковородой, говоря мне что-то, но я не улавливаю его слова.

Я слишком занят, глядя руками вверх по рукам Брук, и осматривая ее тело, выискивая отметины.

— Куда они ужалили тебя? Скажи, куда именно, и я высосу яд.

— Я... повсюду... — говорит она, беспомощно глядя на меня. Боже, я люблю ее. Я люблю ее, люблю ее и я высосу из нее весь яд до последней капли.

— Тебе не следует высасывать его, дай мне осмотреть ее, — говорит Пит, приближаясь.

Она так сильно дрожит, что я, блин, не могу ее отпустить, так что качаю головой, сжимая в объятиях и покачивая ее.

— Я держу тебя, маленькая петарда, я держу тебя, ты в моих руках, — шепчу я отчаянно. Доверяя, Брук цепляется за меня, и все внутри меня сжимается при мысли, что я совсем недавно оставил ее в безопасности и тепле своей постели.

Меня накрывают ярость и беспомощность.

— Рем, позволь мне посмотреть на нее, — настаивает Пит.

— Нет, — стонет она, ухватившись за меня, — не отпускай, не отпускай, — продолжает стонать она.

— Никогда, — обещаю я ей, шепча на ухо, и мое сердце яростно бьется о ребра.

Никогда.

Я должен защитить ее. Я должен все исправить. Я должен вывести яд из ее тела, даже если это будет последнее, что я сделаю.

— Согласно Гуглу, это аризонские древесные скорпионы. Ядовитые, но не смертельные, — говорит Пит, посмотрев в телефон.

— Держись за меня, — шепчу я Брук, и, когда ее руки сжимаются на моей шее, я поднимаю ее и пересекаю комнату.

— Куда, черт возьми, ты с ней собрался, Тейт? — требовательно спрашивает Пит.

— В чертову больницу, говнюк, — рычу я, сердито направляясь в сторону лифта. Я пешком донесу ее до больницы, если придется, но в моем теле раздается знакомая вибрация, заставляющая меня думать, что я мог бы и долететь туда.

Пит кричит мне в спину:

— Чувак, Диана уже вызывала скорую. Давай, блин, просто успокоимся и дадим ей бенадрил.

— Сам. Успокаивайся. Пит, — огрызаюсь я в ответ.

Долбаный ублюдок.

Брук в моих руках почти бьется в конвульсиях. Она не может сосредоточиться. Ее ужалили эти чертовы насекомые и мне нужно. О ней. Позаботиться.

— Я в повязке, — говорит она, ошеломленно моргая, пока смотрит на меня, — я в повязке, Веми...

Температура моего тела резко падает. Я смотрю на нее, она не только разговаривает так, что мне хочется кого-то убить, но она еще и смотрит на мое ухо, будто это мои глаза!

— Черт бы меня побраал!

Открываются двери лифта, и выходит Райли.

— Так, что происходит? Тренер ждет в спортзале, Рем... — он видит Брук у меня на руках и его глаза округляются.

— Живые скорпионы, — сообщает Пит. — Ядовитые, но, к счастью, не смертельные.

— У меня пвоблемы с дыханием, — говорит Брук, смотря опять на мое ухо, будто ожидая, что мое ухо объяснит, что за херня с ней происходит.

Я больше не могу чётко видеть, мое зрение затуманено от ярости и беспомощности, и я хочу убивать. Убивать. УБИВАТЬ.

— Яд распространяется по нервной системе, но не попадает в кровь. Постарайся сохранять спокойствие, Брук. Эти древесные скорпионы — гадкие паразиты. Ты чувствуешь свои ноги? — спрашивает Пит.

Она качает головой, тяжело дыша, пока Пит наклоняется, оценивая повреждения.

— Дай я посмотрю... — я вытягиваю ее руку, чтобы он посмотрел на ужаленные места, а сам смотрю прямо в глаза Пита.

— Я собираюсь убить его, — говорю я ему.

— Все будет хорошо, Би, — говорит ей Пит, с беспокойством наблюдая за мной, вглядываясь в мои глаза с растущей тревогой, и добавляет: — У меня был похожий опыт. Ужасно, но ты, правда, не умрешь от яда североамериканского скорпиона.

— Здесь записка! Я перевернула коробку и там оказалась записка! — кричит Диана.

— Что там написано? — Пит возвращается к открытой двери номера, хватая записку и читает. — *«Ты поцеловала меня. Теперь тебя поцеловал в ответ Скорпион. Каково чувствовать в себе мой яд?»*

Мой уровень тестостерона резко подскакивает. Мое сердце колотится. Мое тело напрягается. Адреналин простреливает сквозь меня и мой разум переключается. Мой контроль, мой чертов здравый смысл. *Щелк!* Я собираюсь убить Скорпиона, но прежде хочу порвать его на куски. Разбросать его зубы по полу. Выбить мозг из его чертовой башки.

Я включился на полную.

Я собираюсь разорвать и избавиться от этой чертовой угрозы. СЕЙЧАС!

Брук тихонько стонет, и я смотрю вниз на нее, бледную, напуганную, дрожащую, и моя готовность убивать становится раз в десять сильнее, от одной только мысли, что кто-то, кто угодно навредит моей девочке!

— Пит, я видел его громил внизу в холле. Думаю, он здесь, в отеле, — говорит Райли.

— Ублюдок, должно быть, ждет Ремингтона внизу, — говорит Пит полусшепотом, проводя рукой по лицу.

— О, он допрыгался! — угрожаю я. — Он уже мертв!

Я все сделаю медленно. И болезненно. Я засуну фейерверк ему в задницу, и БУДУ НАБЛЮДАТЬ, КАК ОН ВЗОРВЕТСЯ!

Брук. Она дрожит. Она держится за меня, ждет, что я защищу ее. Он добрался до неё в моем гребаном отельном номере! Я больше не облажаюсь, защищая ее. Ничто больше не причинит ей боль. Я — Ремингтон Тейт «Разрывной», и я ЕЕ МУЖЧИНА, ЕЕ ЗАЩИТНИК я позабочусь обо всем ПРЯМО. СЕЙЧАС.

Кровь кипит, я касаюсь ее затылка и смотрю на ее лицо, в ее остекленевшие глаза, вижу слезы на ее коже, и я никогда не был так готов совершить убийство, но мне удастся перейти на шепот, когда я говорю ей: «Мне нужно кое-что сделать прямо сейчас. Я люблю тебя. Я чертовски сильно тебя люблю, я вернусь и помогу тебе восстановиться, хорошо?»

Она кивает и дрожит, меня будто разрывает изнутри, потому что я и оставлять ее не хочу, твою ж мать.

— Почему, черт побери, ее так трясет? — спрашиваю я Пита, пока отношу ее обратно в номер.

Он виновато смотрит на меня.

— Ее нервная система находится под воздействием яда. Ее ужалили несколько раз, так что это будет болезненно. Пока скорая в пути, давай дадим ей «Тайленол».

«Тайленол», ага. «Тайленол» и убийство. Мое тело настолько напряжено, я невероятно целеустремлен. Я чувствую себя роботом, запрограммированным на убийство, и тот факт, что он причинил боль моей маленькой петарде, стал спусковым механизмом.

Сердце колотится, мускулы напрягаются, организм работает на пределе своих возможностей, я несу ее обратно в номер и укладываю на диван, делая вдох возле ее

макушки. Каждая минута, когда этот ублюдок наслаждается жизнью, пока у Брук такие проблемы с дыханием, словно, наказание. Каждый чертов укус на ее коже кричит мне, чтобы я причинил боль тому, кто причинил боль ей.

Все верно. Я — Смерть. Я чертова Смерть, и сейчас я иду за ним.

— Сейчас я собираюсь его раздавить, — говорю я ей. Со всей любовью, что я к ней испытываю, я собираюсь сделать это.

Я направляюсь к лифту и слышу, как Пит кричит позади меня:

— Черт побери, он в маниакальном состоянии, Рай, иди за ним, прежде чем он увидит Скорпиона или *кого-нибудь* из его громил. Диана! Сделай холодные компрессы и жди скорую помощь. Нам нужно уложить того парня!

Ха. Хрен они остановят меня. Я направляюсь к лестнице, чтобы они не нашли меня в лифте, и бегу вниз несколько пролетов.

Когда я распахиваю дверь в холл, я мгновенно вижу их. Они прямо здесь. Скорпион. Двое громил. Он смотрит на меня. Я смотрю на него и сжимаю кулаки.

— Ты мертвец, ублюдок.

Он ухмыляется.

— Твои зрители ждут, — говорит он.

Лифт справа от меня издает звук «динь».

Райли выходит и видит меня.

— Рем, — говорит он предостерегающе, придерживая дверь лифта, когда замечает Скорпиона с командой. — Рем, я не могу позволить тебе сделать это.

— Не заставляй меня вредить тебе, брат, — предупреждаю я его, и в это мгновение сзади чувствую укол на своей коже.

Темнота накрывает меня, но я не падаю. Я не собираюсь падать, пока Скорпион не истечет кровью до смерти, а Брук не будет в безопасности в моих объятиях.

— Чувак, ты весишь чертову тонну! — Райли подхватывает меня, когда они с Питом пытаются затащить меня вверх по ступенькам. — Отличная работа, Пит, эти мудаки даже не заметили тебя позади него.

— Пошли вы, — рычу я.

К черту меня. К черту Пита. К черту Райли. К черту Скорпиона, я убью этого ублюдка на ринге! Надеюсь, это произойдет на матче реванше и он будет слишком гордым, чтобы сдаться, а я СЛОМАЮ. ЕГО. ПАЛЬЦЫ. ЗАТЕМ ЕГО ЛОКТИ. ЕГО МАЛОБЕРЦОВ. КОСТЬ. БОЛЬШУЮ БЕРЦОВУЮ КОСТЬ. ЕГО ЧЕРЕП. А ЗАТЕМ, ЕГО ШЕЮ.

Ребята пыхтят, этаж за этажом, оба просят меня подождать, пока я продолжаю говорить им, чтобы они отнесли меня к Брук.

— Подожди, друг, — говорит Пит еле дыша, пока он помогает Райли занести меня обратно в номер.

— Должен увидеть Брук, — настаиваю я.

Они относят меня на кровать, и я слышу, как Пит говорит Райли.

— Зайди с другой стороны, — а потом спрашивает, что же ему со мной делать.

— Брук, — говорю я им со злостью.

— Она идет, чувак! — отвечает Пит, смеясь над моим упрямством.

Они взбивают подушку позади меня, и тут я вижу ее. Диана помогает ей добраться до кровати, и я смотрю на нее с беспокойством.

Моя девочка. Боже, моя девочка пострадала из-за меня.

— Нормально? — хриплю я.

Она нежно улыбается мне, опускаясь на кровать и натягивая покрывало на нас обоих, скользя пальцами по моим волосам.

— Лучше, чем нормально, — говорит она, ее глаза светятся любовью и пониманием. Все напряжение в моем теле покидает меня, стоит ей заговорить со мной. Я борюсь с действием седативного, но от ее голоса я расслабляюсь, сдаваясь ей.



БРУК НЕ ВОССТАНОВИЛАСЬ после укусов, а я все еще темный, словно полночь.

Она слишком много спала, а перелет до Лас-Вегаса провела, запершись в уборной. Слово «беременность» вырвалось из уст Дианы.

Беременность.

Одно слово, двенадцать букв заставляют мою грудь расширяться, а член твердеть.

— Я не беременна! — говорит мне Брук.

Она продолжает отрицать это, но, клянусь богом, я почти могу унюхать это. Я чувствую этот запах на ней, отчего становлюсь еще *тверже*.

Пока она делает тест на беременность, я нарезаю круги по протоптанному кругу отельного ковра, необходимость трахнуть ее все еще сильна. Теперь я боксирую между кроватью и гостиной, пытаюсь избавиться от всей излишней энергии, стараясь, чтобы кровь отхлынула от члена. Удар, замах, удар. Святой боже, она может быть беременна. Мои яйца сжимаются от этой мысли и член опять твердеет. Боже, я надеюсь, что она беременна. Сейчас. Я, блин, *молюсь*, чтобы она была беременна. Неожиданно чувствуя ее присутствие, я оборачиваюсь, она смотрит на меня растерянно, в ее глазах задумчивость.

— Ты уже проверила? — спрашиваю я нетерпеливо.

Она вздрагивает от звука моего голоса и смотрит на меня, выглядит задумчиво и очень аппетитно. И снова мой член встает по стойке смирно.

— Брук?

Она кусает внутреннюю часть щеки и хмурится, выглядя неуверенно.

— Крошка, ты пописала или нет на палочку? — спрашиваю я.

— Пописала! Я же сказала тебе! — она возвращается в ванную и выходит оттуда с белой палочкой. Она смотрит на нее, и я настолько взвинчен, так возбужден, что продолжаю выбрасывать удары в воздух.

Клянусь, если она не беременна, мы это быстро исправим. Я продолжу трахать, и брать, и делать ее своей, пока она не забеременеет. Я хочу быть отцом ее ребенка. Я хочу, чтобы она была моей. Каждый вздох, каждый взгляд, каждый ее стон, *мой, мой, мой*. Ее тело принадлежит мне, чтобы вынашивать моих детей, чтобы я был внутри нее. Мое, чтобы защищать, ласкать, целовать, каждый сантиметр мой, чтобы я мог водить по нему языком.

Чувствуя возбуждение и голод из-за нее, я наблюдаю, как она изучает результат теста, и я так сильно хочу знать его, что теряю терпение.

— Что там? — требую я ответа.

— Тут говорится, что... — она смотрит вниз на палочку, затем откладывает ее в сторону и идет ко мне, выглядит она чертовски мило, женственно и ранимо.

— Ремингтон, не забудь то, что я скажу, — шепчет она, обхватывая мое лицо

ладошками и смотря мне в глаза. — Сейчас ты темный, а я не хочу, чтобы ты забыл то, что я скажу тебе. Ты весь целиком нужен мне *здесь*.

— Эй, — я тоже обхватываю ее лицо своими ладонями, вглядываясь в ее глаза. — Я здесь, вместе с тобой.

— Господи, прошу, пусть так и будет.

— Так и есть. Я понял, я с тобой. А теперь скажи, что там? Ммм? Если ты не беременна, тогда мы выясним, что с тобой произошло. А если да...

Она бежит обратно за тестом, затем возвращается и протягивает его.

— Две полоски означают, что предположительно, я беременна.

На мгновение, я отвожу взгляд от ее глаз. Хочет ли она этого? Черт, лучше бы ей хотеть. Лучше бы ей, и *правда*, быть беременной.

Я смотрю на конец палочки и сразу же вижу две полоски. Я хмурюсь, потому что мне нужно быть уверенным, но все внутри у меня уже гудит от гордости.

Я все еще вижу две полоски.

Еще больше вибрации в моем теле, вибрация у меня под кожей. Мне кажется, я стал шире и выше раз в десять.

Я поднимаю к ней глаза, а она выглядит неуверенной, будто не знает, волноваться ей или радоваться.

— Иди ко мне, — не в силах сдержать улыбку, я подхватываю ее и поднимаю вверх, целуя ее в живот, затем опускаю на кровать. Она визжит и смеется, когда я падаю на нее сверху.

— Ты сумасшедший! Ты единственный знакомый мне мужчина, который бросает свою беременную подружку на кровать! — смеется она.

— Я вообще *единственный* мужчина, — поправляю я ее, — насколько я знаю. В твоём мире есть только один мужчина, и это я.

— Хорошо, только моему отцу не говори, что я так легко согласилась... — шепчет она, глядя мои плечи, ее золотые глаза светятся. Хочу, чтобы у этого ребенка были ее глаза. И эта идеальная улыбка.

— Брук Дюма беременна моим ребенком, — говорю я ей. В случае, если она не разглядела результат дурацкого теста, теперь уж она, блин, может быть уверена, что беременна от меня.

Она радостно усмехается, эта маленькая искренняя ухмылочка — словно поцелуй, отдается прямым в моём пульсирующем члене.

— У меня голова идет кругом. Поцелуй меня.

Я опускаю голову и веду языком по её коже, чтобы встретиться с ее, затем провожу пальцем по ее щеке.

— Пускай он будет похож на тебя, — шепчу я.

— Это ты подарил мне его, — спорит она.

— Нет, это *ты* подарила мне его.

— Ладно, мы оба такие щедрые ребята.

Она смеется, и я смеюсь вместе с ней, и перекатываюсь на свою сторону, держа ее в объятиях, чтобы всюду целовать.

— Теперь ты моя, от красивой темной макушки до кончиков твоих маленьких ножек, — я глажу ее лицо и целую ее веки, и я так чертовски доволен, что клянусь, в моей груди

порхают бабочки. — Даже не думай снова бросить меня, иначе я приду за тобой, и да поможет мне бог, привяжу к себе так, что ты будешь повсюду со мной, где я сплю, и где я ем. Ты слышишь меня, Брук Дюма?

Она кивает, не дыша.

— Каждая моя частичка знает, что я принадлежу тебе.

Она берет мою руку и прикладывает к изгибам своей груди, прямо над сердцем.

Я собственнически сжимаю ее грудь, чтобы она помнила, что принадлежит мне, наклоняю голову и целую ее.

— *Я без ума от тебя*, — говорю я хрипло, проводя рукой вниз по ее изгибам, лаская ее.

НАСТОЯЩЕЕ СИЭТЛ

— Га!

Единственное, что нарушает тишину в церкви, — звук, исходящий от одного из передних рядов. За ним следует тихий смех кого-то, сидящего неподалеку.

— Рем, этот мальчик бесподобный. Он уже чувствует себя невероятно крутым, а ведь ему нет и года, — бормочет Пит позади меня.

Я смотрю на своего сына, сейчас он хлопает Джозефина, произнося «Га!» при каждом стуке. Брук говорит, что он будет моей точной копией, но я надеюсь, что он будет лучше меня.

Двери церкви распахиваются, выпрямившись, я, как и полагается, стою на месте, снедаемый предвкушением. Вожу пальцем по своему кольцу, когда появляется фигура в белом — и я резко выдыхаю, будто получил под дых. Черт возьми, посмотрите на нее. Только Брук так влияет на меня. Шум внутри меня затихает, и я чувствую уверенность и покой в момент, когда наши взгляды встречаются. Она так чертовски прекрасна в этом платье, что воротник рубашки словно душит меня.

Начинает играть музыка. Музыка моей невесты.

Когда она начинает идти ко мне, я чувствую, как с каждым шагом мое тело увеличивается под костюмом и только на нее я так реагирую. Сейчас я где-то на десять размеров больше, сгораю под тканью. Она не стала прятать лицо за вуалью. Она шагает к алтарю, и я вижу ее улыбку. Ее большую, широкую, я-чертовски-люблю-тебя-Ремингтон-Тейт улыбку.

Это моя женщина, доверившая мне свою жизнь.

Это я, доверивший свою жизнь ей.

Мои глаза пробегаются по ее лицу и это то же лицо, которое я ищу каждое утро в своей кровати, каждый миг, пока я на ринге и в каждую секунду жизни. Она — та девушка с губами, сладкими, как зефир, нежными и притягательными, и этими глазами, золотыми, как у львицы. Но она явно дает понять, что уже не та девчонка, что раньше. Теперь она женщина. Мама. Жена. *Моя жена*.

Платье полностью покрывает ее, обтягивающее сверху, со свободной пышной юбкой. Она выглядит так чертовски красиво, я хочу соединиться с ней, взять ее, прямо сейчас опьяненный фантазиями о том, чтобы схватить ее, сорвать пуговицы с ее платья и ее трусики, затем уложить так, чтобы заявить права на свою жену, каждый ее вздох, каждый дюйм ее кожи.

Я так чертовски готов к этому, что схожу с помоста, чтобы подхватить ее на пару шагов раньше, встречаясь взглядом с ее отцом, когда приближаюсь. Он не улыбается, его глаза влажные, но во взгляде нет никакой враждебности.

— Она вся твоя, — хрипло говорит мне он.

Я уже протянул свою ручищу к ее маленькой ручке, кивая и бормоча «Спасибо», после чего веду ее за собой к алтарю. Она стоит, дрожа от волнения, возле меня и я наклоняю голову, соприкасаясь носами, чтобы она подняла на меня глаза. Наши взгляды встречаются

— Готова? — спрашиваю я, когда священник начинает церемонию.

— Дорогие возлюбленные, мы собрались здесь перед Богом, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака...

ПРОШЛОЕ ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Иногда я задаюсь вопросом, может дело во мне

Есть ли во мне что-то такое, что отпугивает добро. И чистоту. Или мне просто не дано иметь семью.

У Брук осложнения с вынашиванием нашего ребенка, и сейчас мы в тишине летим в Сиэтл.

Я отнес ее к самолету; ни Пит, ни Райли, ни Тренер, ни Диана не летят с нами. Я хочу ее всю только для себя. Всю для чертового *меня*.

Я даже не могу говорить.

Я даже не могу думать, черт возьми.

Моя девушка. Наш ребенок.

Медленно дыша, я сижу на сиденье в конце самолета, уставившись в потолок, вдыхая и выдыхая, пока провожу пальцами по ее мягким волосам. Она лежит, растянувшись на сидении, ее голова на моих коленях. Она такая грустная и молчаливая, что я едва могу это вынести.

Врачи не хотят, чтобы она со мной путешествовала.

Брук считала, что это нелепо, она смеялась, когда последний врач покинул наш номер в отеле, затем посмотрела на меня, и смех затих.

— Ты ведь не думаешь о том, чтобы отправить меня домой? Правда? Ремингтон, я буду лежать. Я не сделаю ни одного гребаного движения. Это твой сын! Он будет в порядке! Он сделает это. Не понимаю, как мое возвращение домой уменьшит стресс. Я не хочу домой! Я буду лежать в кровати весь день, только не отправляй меня назад!

Боже мой, ощущение было, будто кто-то долбит мою грудь топором, особенно, когда я медленно повернулся к Питу, который молча стоял рядом, и сказал ему подготовить самолет. Она нахмурилась.

Она плакала всю ночь и все, что я мог сделать — обнимать ее.

— Ты не можешь защитить меня от всего, — прошептала она, шмыгнув носом.

— Я могу постараться.

И вот мы летим в тишине, направляясь в Сиэтл.

Где я не буду прикасаться к ней, вдыхать ее запах или видеть ее.

Наклонившись, я целую ее ушко и шепчу ей о том, что буду скучать по ней, что мне нужно, чтобы она хорошо себя вела, берегла себя, что она чертовски мне нужна.

Она не хочет разговаривать. Она грустная и я даже не представляю, как это исправить. Она моя женщина и как мне снова заставить ее улыбаться? Как мне защитить ее от ребенка, которого я ей дал?

Я молча достаю кредитную карточку и отдаю ей.

— Используй ее, — шепчу я.

Она смотрит на нее в упорном молчании, но не принимает.

— Брук, — предупреждаю я, вкладывая карту в ее ладонь. — Я хочу видеть списание со счета. Ежедневно.

Ее не впечатлил тот факт, что я желаю, чтобы она тратила деньги на все, что захочет, она кладет карту мне на колени. Я улыбаюсь, но она продолжает упорствовать.

Подняв руку, она проводит пальцами по моему подбородку.

— Когда я вернулась, то пообещала, что больше никогда тебя не покину.

— Я себе поклялся, что больше никогда не позволю тебе уйти. Чего ты еще ждешь, чтобы я сделал?

Я убираю ее темные волосы с лица, наблюдая за ней.

— С нами все будет в порядке, маленькая петарда, — говорю ей. Смотрю на ее плоский маленький животик и протягиваю руку, пытаюсь охватить как можно больше. — Мы справимся. — Я нежно поглаживаю ее и смотрю глубоко в ее глаза. — Правда?

— Конечно, — говорит она, но изучает меня так, будто не уверена. — Это всего лишь на два месяца, так?

Я щелкаю ее по носу.

— Так.

— Мы ведь можем общаться и другими способами.

— Абсолютно верно.

Она садится и начинает массировать мое плечо.

— Давай своему телу отдохнуть. Используй лед после тренировок. И хорошо разминайся.

Черт. Ее тепло. Звук ее голоса. Погружаюсь носом в ее шею и вдыхаю, слушая, как она вдыхает меня. Притягиваю ее ближе и облизываю ее шею, затем шепчу так, чтобы она поняла:

— Я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось, Брук. Не могу. Мне надо отвезти тебя домой.

— Я знаю, Реми, знаю, — она пробегается пальцами по моим волосам и смотрит на меня так мучительно, как я себя чувствую. — С нами все будет в порядке, с нами тремя.

— В этом и весь смысл, — шепчу я, напоминая себе, как и ей.

— И, как ты сказал, мы справимся. Мы действительно справимся.

— Черт, конечно, справимся.

— Ты вернешься еще до того, как мы успеем загрустить или соскучиться друг по другу.

— Верно. Я буду тренироваться, а ты отдыхать.

— Ага.

Когда мы затихаем, мы остаемся близко и она шепчет:

— Я оставила немного масла арники в твоём чемодане. На случай, если у тебя возникнет боль в мышцах.

— У тебя до сих пор кровотечение? — спрашиваю я и, когда она кивает, беспокойство и разочарование словно горсть иголок, болят у меня в груди.

— Каждый раз, когда начинается судорога, мне кажется, я теряю его, — признается она. Успокаивающе глядя ее по спине, я целую ее в лоб.

— Я знаю, что тебя будет убивать отсутствие возможности бегать. Но постарайся ради меня не вставать.

— Это не настолько сильно убьет меня, как потеря нашего ребенка, — шепчет она.

Мы едем в тишине прямо к ее квартире, и я выношу ее из машины и заносу в здание. Она цепляется за мою шею, когда мы входим внутрь, поднимаемся на лифте, и входим в ее квартиру. Ощущать ее в своих руках так правильно, что я даже не знаю, как отпустить ее.

— Останься. Ремингтон, *останься*. Будь моим заложником. Обещаю заботиться о тебе целыми днями, каждый день, — шепчет она.

Я мягко смеюсь и смотрю в ее смеющиеся умоляющие золотые глаза, и я даже не знаю, что с ней поделать, я хочу утонуть в ней и жить в ней.

Она проводит мне экскурсию по квартире, затем мы направляемся в ее комнату.

Я осматриваю комнату, когда ставлю Брук в изножье кровати. Стены ее комнаты в земляной гамме. В рамках фотографии бицепсов, трицепсов и мышц живота. Диаграмма питания и цитата, оформленная в рамку:

«ЧЕМПИОН — ТОТ, КТО ВСТАЕТ ТОГДА, КОГДА НЕ МОЖЕТ

— ДЖЕК ДЕМПСИ»

На большой стене много приколотых фотографий. И вот она, пересекающая финишную черту с номером 06 на груди.

Я провожу большим пальцем по фигуре на снимке.

— Посмотри на себя, — говорю я, оборачиваясь. Она прямо у меня за спиной. Стоит, а этого ей делать не стоит. Я поднимаю ее и усаживаю в центр кровати, убирая выбившие волосы ей за плечо. — Постарайся не вставать, ради меня, — ворчу я.

— Не буду. Я забыла. Это привычка, — она откидывается спиной на матрас, чтобы освободить место для меня и затем притягивает меня к себе, шепча на ухо, — Тебе надо идти или я не позволю тебе покинуть меня.

Вместо этого я прижимаю ее к себе, обнимаю ее за талию, вдыхая ее запах, медленно и глубоко, затем я медленно облизываю ее, целую и бормочу:

— Когда ты говоришь мне, что ты в постели, именно это я себе представляю. Видишь? — ее глаза блестят от слез, когда она молча кивает головой.

— Я скоро вернусь, — уверяю я, хватывая ладонью ее щеку, когда одинокая слеза скатывается вниз. Я пытаюсь улыбнуться. — Я скоро вернусь, — повторяю я.

— Я знаю, — она вытирает щеку, поворачивает голову и целует внутреннюю сторону моей ладони, затем закрывает моими пальцами ладонь, сохраняя поцелуй внутри. — Я буду ждать тебя.

— Черт, иди сюда, — я сжимаю ее в объятиях, и она вздрагивает, начиная плакать по-настоящему.

— *Все хорошо*, — шепчу я, глядя ее спину, но она плачет сильнее. Я шепчу, что все хорошо, но то, как она плачет опустошает меня. Это и близко не хорошо. Я нужен ей. Я чертовски нужен ей, а она будет здесь, без меня, изо всех сил пытаться сохранить нашего ребенка. Ребенка, который может оказаться таким же, как я. Вместо того, чтобы сделать любимую женщину счастливой, наш ребенок будет причинять ей боль, так же, как и я. От этого мне больно. Возможно ребенок, которого я зачал в ней не правильный. Возможно он не сильный. Возможно он *такой же*, как я, и ей придется бороться со всем тем, от чего я

пытался ее отгородить.

Но я такой чертовски эгоистичный, что все еще хочу этого.

Я не хочу, чтобы она его потеряла.

Я хочу ее, я хочу всего с ней.

— Ты должен идти, — шепчет она, внезапно отталкивая меня.

Черт, я еще даже не ушел, но уже становится больно, когда я вдыхаю ее запах в последний раз и прижимаюсь своим лбом к ее. Беру ее лицо в свои руки и вытираю ее слезы большими пальцами, шепча:

— Ты в порядке, маленькая петарда?

— Я буду. Более чем, — обещает она.

У нее вибрирует телефон и она читает сообщение, ее ресницы мокрые от слез.

— Мелани в пяти минутах отсюда, — ее голос обрывается на последнем слове, и она переводит взгляд обратно на меня. — Пожалуйста, уйди до того, как я разрыдаюсь, — умоляет она.

Я обхватываю пальцами ее затылок и закрываю глаза, наклоняя голову к ней.

— Не забывай обо мне ни на секунду.

— Ты же знаешь, что не забуду.

Я наклоняюсь ближе.

— Теперь поцелуй меня.

Она прижимается губами к моим, и я обнимаю ее за талию, запоминая ее, упиваясь ею, потому что я буду испытывать жажду и для меня не найдется воды, пока она не будет дома. Со мной. Чувствую слезу на своем подбородке и облизываю ее с ее щеки, когда мы слышим Мелани снаружи.

— Брукиии!!! Где тут у нас горячий папочка и будущая мамочка?

Бормочу проклятия и жестко быстро целую ее, прежде чем уйду, посасывая ее язык, принимая все, что могу, затем я отстраняюсь и осматриваю ее розовые опухшие губы и прекрасные большие глаза, с расширенными зрачками, только для меня.

— Ты все, чего я когда-либо хотел, — хрипло шепчу я, убирая ее волосы за спину. — Ты вся моя, помни это, мой лакомый кусочек, — добавляю я, заставляя себя встать. — Полностью моя... Брук Дюма.

Она наблюдает, как я направляюсь к двери, ее грудь вздымается, ее любовь отражается в глазах.

— Я беременна твоим ребенком, если у тебя вдруг были какие-то сомнения по поводу того, чья я, — говорит она, слабо улыбаясь.

— Вы оба мои, — я указываю прямо на нее. — Особенно ты.

Когда я поворачиваюсь, она обращается ко мне.

— Эй! Ты тоже *мой*.

Кивая, я вынимаю свой iPod и бросаю его ей.

— Не скучай по мне слишком сильно.

Она ловит его так, как только что поймала мою душу, крепко ее держа.

— Не буду! — кричит она, и я запоминаю каждый сантиметр улыбки на ее лице.

Оставь ее отпечаток в своем гребаном черепе, Тейт.

И я так и делаю.

Она все еще в моей голове, когда я встречаю ее подругу в коридоре.

— Привет, Мелани.

Она одаряет меня таким же взглядом, полным обожания, как и все мои поклонники.

— Привет, Реми.

Я хмурюсь.

— Я хочу первым все знать. Если она заболит, если ей одиноко, если я *нужен* ей.

Она продолжает кивать с этой нелепой улыбкой.

— Не волнуйся, я позвоню тебе или она позвонит, не сомневайся, — уверяет она, похлопывая меня по груди, ее зеленые глаза поблескивают. — А теперь иди, — она снова гладит мою грудь, на этот раз отталкивая меня, безрезультатно. — Иди! Давай же, секс-бог! Я позабочусь о твоей девушке.

Я хватаю ее за запястья, опускаю их, затем заставляю себя идти к лифту. В машине я барабаню пальцами по коленям. В самолете мои наушники лежат рядом, но не плеер. Теперь моя музыка у нее. Она сама является **ВСЕЙ. МОЕЙ МУЗЫКОЙ.**

Когда мы приземляемся, и я включаю свой телефон, то получаю от нее сообщение.

«Позвони мне сегодня, если хочешь»

Черт, конечно, я чертовски хочу.

Я все еще потный в тренажерном зале, пытаюсь заниматься, но хватаю телефон, чтобы позвонить ей. Опускаюсь на скамью, попивая «Геторейд». Не отвечает.

Я звоню снова.

Нет ответа. После нескольких попыток, вибрация оповещает о сообщении.

«Мои друзья все еще здесь. Может, поговорим завтра?»

Отставляю «Геторейд» в сторону, чтобы напечатать ответ.

«В то же время?»

«Да, в любое время».

Мои пальцы слишком большие и мне приходится очень постараться, чтобы напечатать: «Ок».

«Спокойной ночи Реми»

Еще тяжелее приходится писать *«Тебе тоже».*

Затем я пялюсь на экран, но больше ничего не приходит.

Этой ночью я не могу уснуть. Я приседаю, отжимаюсь, прыгаю через скакалку. Я хотел, чтобы она вышла замуж за чертового чемпиона, поэтому я решил, что и тренироваться буду соответственно. Через несколько часов я прекращаю тренироваться, сажусь на ковер, упираюсь руками в колени и кладу голову на ладони, думая об улыбке, которую храню запечатленной в своей памяти.

Принимаю душ и включаю свой iPad, выигрывая партию шахмат у какого-то парня в пять утра, пытаюсь не думать о том, как сильно я жажду ее. Ее запах, ощущение ее, то, как она выглядит. Двигаю пешками, а в голове я вхожу в нее и заставляю стонать. Утром звоню в ближайший к ее дому цветочный магазин, но еще слишком рано и они пока не открылись.

Во время завтрака Пит и Райли изучают мое лицо.

— Кому ты названиваешь? Дай Брук отдохнуть, — говорит Райли.

Я вздыхаю и убираю телефон.

— Эй, посмотри на меня на секунду, Рем, — говорит Пит, с тревогой в голосе.

Я поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом, чтобы он увидел, что я, черт возьми, не темный. На этот раз грусть исходит не от химического дисбаланса в моем теле.

Моя грусть исходит от моего сердца.

— Реми, все готово, — говорит Диана, когда приходит с моим завтраком. Она умна, это

точно — будто почувствовав, что я не голоден и оторвусь на нее за попытку накормить меня, она взбила белки с какой-то полезной фигней, и подала все это в жидком виде в трех больших стаканах. Я проглатываю их один за другим.

— Почему ты продолжаешь набирать номер? — спрашивает Пит, наблюдая за мной. — Я могу сделать это для тебя, что тебе нужно?

— Я не хочу, чтобы Брук по мне скучала.

— Хорошо, так каков план?

Я провожу руками по лицу и произношу рычанием:

— Такое ощущение, будто я дышу под чертовой водой без нее.

— Чувак, она боец, как и ты. С ними все будет в порядке. С *обоими*, — подчеркивает он.

Он идет за моим iPad, чтобы проверить номер того магазина. Хлопает меня по спине прежде, чем позвонить флористу.

— Я хочу сотни роз, Пит! — ору я, пока он рассказывает по гостинной, разговаривая по телефону. — Я хочу, чтобы они были по всей ее квартире, — продолжаю инструктаж. — И все они должны быть красными. И я хочу, чтобы каждый десяток шел с песней, чтобы она думала обо мне. Мне нужно, чтобы она думала обо мне.

Она так и делает, думает обо мне.

Она звонит и пишет мне, и я звоню и пишу ей.

Каждый день я слушаю отчет о том, что она делала, как она. Ребята говорят, что будет легче, но пока не становится. Становится хуже.

И не станет, пока не наступит тот волшебный день, когда я смогу вернуть ее в пределы досягаемости.



НАКОНЕЦ, ФИНАЛ. Моя маленькая петарда и я заключили соглашение, когда она вернулась, и ей бы лучше придерживаться его. Дело в том, что Скорпион шантажировал ее сестру, чтобы она вернулась обратно к нему. Ублюдох.

Мы с Питом подослали своего человека, и теперь знаем, что у Скорпиона на нее что-то есть, из-за чего она скорее всего и вернулась к этому придурку. Но в этот раз я не позволю Брук вмешиваться. Сегодня я об этом позабочусь.

Этот сезон не был легким, но с другой стороны стоящее не дается легко.

Спускаясь на лифте в отеле, мы направлялись в «Андеграунд», и я с трудом удерживал себя от падения в самую глубокую пропасть в истории моих спадов.

Пока мы едем в лифте, я пытаюсь настроиться на бой несколькими соперниками, но, хоть мое тело и готово, мыслями я сейчас со своей девушкой. Когда мы выходим в лобби, я хватаю Брук за бедра и притягиваю к себе, бормоча:

— В поле моего зрения.

Ее взволнованные золотые глаза встречаются с моими, и я выдергиваю свои наушники.

— На своем месте все время, Брук, — говорю я, запуская пальцы в ее волосы, затем накрываю ее сладкий горячий вкусный чертовый рот своим. Она выглядит ошеломленной, когда я отрываюсь от нее на дюйм и прикасаюсь своим лбом к ее, не отрывая от нее глаз.

— Я обожаю тебя с каждым своим вдохом, каждой своей клеткой. — Еще один быстрый жесткий поцелуй, затем я шлепаю мою любимую попку и шепчу, — Наблюдай за тем, как я *уничтожу* его.

По дороге в «Андеграунд» я слушаю свою музыку. Мне нужно сконцентрироваться, но я поглядываю на ее затылок, на то, как поднимается и опускается ее грудь, и на мгновение я представляю себе будущее, то, как она будет смотреть на меня, когда я сделаю ей предложение. Ребята говорят, что все готово, и я лишь надеюсь, что и она тоже. Готова для меня. Для всего меня.

Сегодня я выиграю. Даже, если мне придется для этого убить. Я добьюсь всего, чего захочу. Все, чего у меня никогда не было, если нужно, то возьму силой.

Мое звание чемпиона, моя женщина, я выиграю и, когда толпа будет выкрикивать мое имя, я услышу, как она произнесет такое желанное «Да».

Когда мы подъезжаем к «Андеграунду», я все еще в наушниках наблюдаю за тем, как Брук идет к своему месту в зале. Она наклоняет голову и обнимает рукой свой маленький круглый животик, следуя за Питом и избегая смотреть на меня. Боже, она активизирует мои инстинкты защитника. И не только.

Она нервничает.

А я этого не хочу.

Последний раз, когда она смотрела на меня в финале, Скорпион повалил меня. В этот раз я хочу, чтобы она увидела, как я повалю его. Я хочу, чтобы она гордилась. Хочу, чтобы она гордилась тем, что она со мной.

Я жду в раздевалке, сегодня здесь нет других бойцов. Только Тренер, Райли и я. Они о чем-то спорят. Я вижу, как пульсирует вена на шее у Тренера, когда он бинтует мне руки. Я знаю, им тяжело верить мне, когда я нестабилен. Может они думают я сделаю то же, что и в прошлом сезоне.

Черта с два я отдам сестру Брук обратно. Но в этот раз я тот, кто отражает Скорпиона в каждую чертову дырку в его теле. Я получу девушку, титул чемпиона, спасу сестру и порву шантажирующего ублюдка. За всем этим он может наблюдать со своего главного места — прямо на ринге со мной.

Я переключаю музыку и настраиваюсь на ритм своего сердцебиения, жесткий, сильный пульс моей крови достигает каждой клетки моих мышц. Мысленно проверяю себя с ног до головы. Ничего не болит. Изучаю свои забинтованные руки и сжимаю кулаки, выпячивая костяшки пальцев. Каждая часть меня готова к бою.

Я был грустным, чертовски подавленным неделями, задаваясь вопросом, достаточно ли я хорош для Брук, для нашего ребенка.

Сегодня я докажу *самому себе*, что достоин.

Несмотря на то, что каждый человек, которого я встречал в своей жизни, думал обо мне.

Отключаю iPod, когда вижу, как Райли поднимает два пальца вверх. Снимая наушники, отставляю их, поднимаюсь и подпрыгиваю на месте, когда слышу голос с арены.

— Приветствую вас, дамы и господа! Что ж, вот мы и здесь в этот вечер! Вы готовы? Вы все ГОТОВЫ узреть бой, не похожий на другие? *Не похожий НИ НА ОДИН другой!* Рефери?

В ответ тишина.

Стараясь не сбить дыхание во время разминки, я поворачиваю голову вправо-влево, затем наклоняю вперед и назад.

— Сэр, сегодня мы не будем нуждаться в ваших услугах, — говорит диктор.

Толпа взрывается ревом.

— Верно! — к ним присоединяется диктор, когда они продолжают орать. — Сегодня НЕТ правил, НЕТ рефери. Всё дозволено. ВСЁ ДОЗВОЛЕНО, ГОСПОДА! Без нокаутов

это борьба подчинения. Сдавайся!

— Или умри!!! — кричит толпа.

— Дамы и господа! Да! Сегодня в «Андеграунде» бой подчинения! Теперь, давайте вызовем ваш худший кошмар на ринг! Человек, из-за которого плачут ваши дочери. Человек, от которого вы хотите бежать. Человек, с которым вы *точно* не хотите оказаться на ринге. Наш действующий чемпион, Бенни «Чееерный Скорпионннннн»!

Я продолжаю подпрыгивать на месте, выпрямляя руки, расслабив плечи, но напрягая пресс.

— Бууууу! — орет толпа. — БУУУУУ!!

В нескольких шагах от меня, Райли протягивает мой халат «РАЗРЫВНОЙ» и я делаю шаг вперед, засовывая руки в рукава, завязывая его на себе.

— И нашему чемпиону сегодня бросают вызов, мы все знаем его имя! Мы все в ожидании увидеть, справится ли он сегодня на ринге. Итак... сможет ли? Прррриготовьтесь приветствовать единственного и неповторимого, Ремингтоооооон Тейт, вашшш Рааааазрывной!!

Я иду по проходу, и толпа мгновенно начинает скандировать.

«Рем-инг-тон! Рем-инг-тон!»

Красный цвет расходится по арене, когда фанаты поднимаются, чтобы поприветствовать меня.

— Ремииии, убей его, Ремииии!

— Вперед, Рррррразрывной!

Запрыгиваю на ринг, снимаю халат, затем осматриваюсь кругом с улыбкой, впитывая все это, лица моих поклонников, переполненных ожиданием, и то, как выглядит арена в финале этого сезона.

Я не подведу.

Разминаю руки и делаю свои повороты, чтобы они продолжали кричать, как им нравится, насыщая меня, и шум становится громче, когда я начинаю медленно поворачиваться вокруг.

Все верно, я собираюсь разорвать его сегодня, и все это для ...

Мои глаза замечают ее, и я улыбаюсь.

Брук Дюма.

Я всю жизнь боролся за контроль над моими перепадами настроения. Я боролся за свое здоровье, изо всех сил, отдаваясь целиком. Я боролся в ярости, усталости, в депрессии, голодным, возбужденным. Я боролся, чтобы самоутвердиться перед моими родителями, когда им было плевать. Я боролся, чтобы доказать себе, что я сильный. Но сейчас я борюсь, чтобы доказать ей, на что я способен. И я продолжу бороться за это.

Звонит гонг, и я останавливаю взгляд на Скорпионе, переходя в наступление. Двигаясь в центр ринга, наблюдаю, как Скорпион пружинит на месте, затем я ударяю его, быстро и сильно, один удар, два, три. Он, спотыкаясь, пятится назад.

— Реми!!!

Брук кричит мне, ее голос громкий, четкий, взволнованный. Это заряжает меня, как удар молнии. Я ударяю кулаком Скорпиона в челюсть, заставляя его сделать шаг назад, затем продолжаю бить, заставляя его отступать.

— Вперед, РЕМИ!!!

— Убей его, Реми!

— Ремингтон, я чертовски люблю тебя! Обожемой, я люблю тебя! — кричит Брук.

Святой Бог, я так чертовски заряжен, чтобы показать ей, что я мужчина, я единственный чертов мужчина для нее, я врезаюсь костяшками в Скорпиона еще сильнее, чередуя защиту с ударами. Защита, удар.

Народ это любит.

— *Убей его, РАЗРЫВНОЙ! Убей его, РАЗРЫВНОЙ! Убей его, РАЗРЫВНОЙ!*— скандируют они.

Борьба продолжается в течении ночи, останавливаясь только во время небольших периодов отдыха, когда мы садимся на свои стулья, а наши тренеры дают нам инструкции и советы.

Я слушаю, что говорит Тренер, делаю вид, что слушаю, кивая. Но это в одно ухо входит, а из другого вылетает. Я знаю, что делаю. Мы со Скорпионом не отрываем друг от друга глаз, когда возвращаемся назад в центр. Я могу видеть в его глазах, когда он планирует двигаться. Мы опять сходимся, каждый из нас наносит сильные удары. Он делает захват, но я высвобождаюсь и наношу в ответ правый хук. Он отбивается и пробивает мне в ребра.

Это сбивает мне дыхание, но я быстро восстанавливаюсь, атакуя на него своими быстрыми ударами, такими быстрыми, что он едва видит, как они приближаются. *Бам, бам, бам.* Вскоре из его ноздрей начинает идти кровь, и он теряет равновесие от моих ударов.

Я знаю, что контролирую его, но блеск в его чертовых глазах говорит мне иное. Он не собирается сдаваться. Размахиваясь, он делает захват на моей шее и тянет меня вниз, нанося удар коленом мне в живот.

Похоже, это придало ему уверенности. Но я не думаю, что позволю ему больше. Отталкивая его назад, наношу удары кулаками быстро и сильно по корпусу, ударяя его так, как свою грушу, пока он не выставит защиту, наклоняясь, пытаясь избежать моего нападения.

Я не позволяю ему. Следую за ним и прижимаю его к канатам.

Он падает на колени и сплевывает на пол, затем поднимается и идет на меня.

Он ударяет меня в челюсть, ребра, висок, отталкивая меня к канатам.

Черт! Я выпрямляюсь и направляюсь к нему, и он пятится, мои глаза обращены к нему, когда кровь струится по моему лицу.

Я наношу удар. Он наносит ответный удар. *Бам-бац-бам.*

Боковым зрением вижу возле Брук ее сестру. Сестру, которую она любит.

Ее сестру, с которой этот ублюдок ошивался, что значит, он опосредованно ошивался возле *Брук.*

Я начинаю избивать Скорпиона, пока он не спотыкается на каждом шаге, но все еще не падает.

Но он упадет.

Он упадет у моих ног, и это только вопрос три... два... один... Сжимаю зубы, когда он не падает, хватаю его за шею одной рукой и поворачиваю, чтобы посмотрел на девушек.

— Думаешь, я бы не убил тебя на глазах у них? Думаешь, я бы не наслаждался тем, как они наблюдают за тем, как я повалю тебя? — рычу я.

Он смеется, и я сразу же ломаю его локоть. Он стонет, когда я отпускаю его руку, и она опадает сбоку тела, бесполезно болтаясь.

Теперь он отступает, и я загоняю его в угол, нанося удары в его голову, снова и снова. Он наносит удар коленом мне в живот, но я восстанавливаюсь и ударяю, слева-справа, слева-

справа, пока он не падает на колени.

Я не буду милостив. Хватаю Скорпиона и ставлю на ноги, заставляя смотреть на Брук. Ее сестра плачет, с опущенной головой, а щеки Брук абсолютно бледные, и беспомощной страх в ее взгляде в десятки раз увеличивает мое желание защитить.

— Посмотри на нее очень хорошо, — шепчу я своим самым низким голосом в его ухо, — потому что то, что ты видишь принадлежит *мне*. Из-за нее я собираюсь сломать каждую часть твоего тела, избивать тебя до полусмерти, затем я собираюсь продлить агонию, пока боль не станет тем, что убьет тебя. Думаешь, я не убью тебя, потому что она смотрит? Ты ошибаешься. Из-за того, что она смотрит, я *убью* тебя.

Он сплевывает черную кровь.

Я отталкиваю его, поднимаю кулаки, показывая костяшки пальцев, готовый пройти через это снова.

Мы не теряем времени. Мы деремся. Я ударяю его, снова и снова, нанося сильные и быстрые удары, вся моя сила поднимается, исходя из корпуса, прямо в мои удары. Наношу джеб, джеб, хук, пока звук соприкосновения моих костяшек с его кожей не заменяется звуком его упавшего тела на пол.

Скандирование становится громче.

— *РЕМ-ИНГ-ТОН! РЕМ-ИНГ-ТОН!*

— *Разрывной! Кончай с ним, Разрывной!!!!!!!*

Тяжело дыша, восстанавливая дыхание, я иду к лежащему на ринге телу. Пот стекает по моей груди и рукам. Смотрю, как он ползет по земле, пытаюсь уйти от меня. Я приближаюсь, мои глаза теперь на Брук, потому что там я вижу свою победу, и больше нигде.

— Вперед, Реми!!!! — говорит она.

У моих ног, Скорпион пытается двигаться, я замахиваюсь, пробиваю и от удара он падает вниз.

Толпа ревет. Наклоняясь, хватаю его здоровую руку и ломаю все пальцы, затем двигаюсь к его запястью, поднимаю вверх, чтобы толпа видела, затем так же легко ломаю.

Его горло издает низкий звук, и он корчится на полу. Достаю руками его локоть и начинаю скручивать, желая сделать это болезненно и медленно. О, да, ублюдок. Это будет медленно.

Он мечется, изнывает, и кость вот-вот треснет, когда я слышу крик его тренера, и черное полотенце падает на ринг.

Вижу полотенце и стискиваю зубы в расстройстве.

— *Бууу!* — орет публика. — *Бууу!!*

Черт меня побери, я так заряжен, не думаю, что смогу отступить. Я жажду его крови. Я хочу сломать его локоть, плечо, а затем его проклятое лицо. Я хочу, чтобы он заплатил за ту подарочную коробку, что он отправил Брук, и я хочу, чтобы он заплатил за то, что сделал с ее сестрой, и за то, что с давних пор я никогда не смогу заниматься профессиональным боксом снова. Было бы так легко притвориться, что я не увидел полотенце и так же просто я смог бы скрутить его шею и он был бы мертв.

... и я бы доказал Брук, что я убийца.

Прямо за секунду до того, как попрошу ее выйти за меня...

Что совсем не правильно.

С нечеловеческим усилием я отпускаю его и отступаю. Скорпион сплевывает кровь и поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. Я начинаю уходить, когда слышу его:

Вот тот самый момент.

Это то, чего я хочу больше всего в мире.

Ощущение, будто я с рождения ждал, чтобы сделать ей предложение. Это будто попросить ее прыгнуть со мной с обрыва. Это противоречит моему инстинкту защищать ее, но мой инстинкт заявить на ее права берет верх над всем остальным. Она моя, моя девушка.

Ее глаза удерживают мой взгляд, горячие и болезненные, и я слышу нужду в своем голосе, когда говорю:

— Песня нужна была, чтобы попросить тебя выйти за меня замуж, но тебе придется сидеть на мне во время предложения ... — она смотрит на меня, приоткрыв губы, и так сильно дрожит, что даже не замечает, что мои руки также дрожат, когда я сжимаю ее лицо в своих ладонях. — Разум. Тело. Душа. Все это для меня — ты. Ты — вся моя... Выходи за меня, Брук Дюма.

— Да! — восклицает она, всхлипывая и хватая меня за подбородок, прижимая свои губы к моим. В ее голосе никаких сомнений, никакого беспокойства, никакой тревоги. — Да, да, да!

— Черт, детка, спасибо, — бормочу я, у меня сжалось горло, когда я притягиваю ее к себе, и она прижимается ко мне. Она не может видеть мое лицо, и я дышу в ее волосы, обнимая ее, мой адреналин почти мгновенно исчезает. Она стонет от боли, и я слегка раскачиваю ее, шепча ей на ухо, — Скажи, что мне сделать.

— Держи меня, — говорит она с тихим стоном, затем часто дышит, — Оставайся со мной, не впадай в маниакальное состояние, останься со мной.

Я киваю и обнимаю ее, но начинаю беспокоиться, когда она продолжает стонать от боли.

Черт, не становись темным, идиот!

Когда мы регистрируем ее, я пытаюсь сохранять спокойствие, но она стонет и морщится, и я не могу перестать думать, что это я тот ублюдок, который сделал это с ней.

Я пытаюсь думать о счастье на ее лице, когда я сделал ей предложение. Я пытаюсь держаться за это и вспоминать, что она мне говорила ранее. Мы хотим этого. Мы хотим семью. Мы заслуживаем этого, как никто другой. Я пытаюсь думать о том счастье на ее лице, когда она находится на родильном столе и тужится.

Святой Бог, я даже не знаю, как я держусь.

Я держу ее за руку, когда ее крики прорываются в мои уши и раскалывают меня.

Я убираю волосы с ее лица и смотрю, как она прикусывает губу и тужится, в то время, как я в уме прошу себя держаться и не позволить, чтобы впервые моя дочь увидела меня, когда я буду темным.

Кажется, будто проходит вечность к тому времени, когда Брук делает вздох и откидывается на спину, мгновенно расслабляясь, когда я вижу, как доктор держит извивающегося мокрого розового ребенка.

— Это мальчик, — говорит он и за ним следует мягкий плач.

— Мальчик, — выдыхает она в восторге.

— Мальчик, — повторяю я.

— Дышит самостоятельно. Никаких осложнений. Но он все равно недоношенный, и нам все еще нужно инкубировать, — бормочет доктор.

— Мы хотим увидеть... — говорит Брук, плача.

Она протягивает руки, и они дрожат, ожидая, когда они его обтирают, а он вопит,

протестуя, а затем медсестра несет его к нам.

Я смотрю в неверии на то, как Брук держит это... не это... *его*. Нашего сына.

Нашего сына, который прекращает кричать в ее руках.

Она склоняет голову, ее волосы спутаны, на лице и на шее блестит пот, наш сын завернут в небольшое одеяло в ее руках, и мое тело расслабляется, когда я склоняю к ним голову, чувствуя сильнейшее желание защищать, чувствуя невероятную любовь и чистейшее счастье.

— Я люблю его, Реми, — шепчет она, склонив голову ко мне, и я чувствую себя таким чертовски благодарным ей за то, что подарила мне это, что мне просто необходимо поцеловать ее, почувствовать ее шепот напротив моих губ, — Я так сильно тебя люблю. Спасибо тебе за ребенка.

— Брук, — шепчу я, обнимая их обоих, защищая. Мое горло пересохло, а мои глаза убивают меня, и у меня еще никогда не было чего-то такого идеального, чистого и драгоценного в моей жизни, как моей маленькой петарды и ее маленькой частички, с маленькой частичкой меня.

— Если он такой, как я, мы будем его поддерживать, — шепчу ей. — Если он такой, как я... мы будем с ним.

— Да, Реми, — соглашается она, смотря на нашего сына и на меня, выражение ее лица такое любящее, что я будто заново рождаюсь. — Мы научим его музыке. И упражнениям. И как заботиться о своем маленьком теле. Оно будет сильным и будет изумлять его, и возможно, иногда расстраивать. Мы научим его любить свое тело. И себя. Мы научим его любви.

Я вытираю влагу со своего лица и говорю ей «да, мы это сделаем», хоть я и выиграл сегодня, но я все равно хотел бы быть достойнее, хотел бы быть другим. Хотелось бы быть для них идеальным во всех смыслах, чтобы они никогда не пролили ни слезинки из-за меня, волнения или стресса. Но я люблю их больше, чем кто-либо, более совершенный. Никто не убил бы за них, как я, или умер бы за них, как бы сделал это я.

По ее щекам стекают слезы, когда она протягивает руку, и я осознаю, что сделал шаг назад, как какой-то трус, что боится быть отвергнутым ими.

— Иди сюда, — шепчет она и я подхожу и склоняю к ней голову, и я не уверен, чья влага на моем подбородке, моя или ее, но я прикладываю все усилия, чтобы держать себя под контролем. — Я так тебя люблю, — шепчет она, прижимаясь ко мне лицом, лаская меня так, отчего мои глаза горят еще сильнее. — Ты заслуживаешь этого, и даже большего. Пока ты борешься там, я буду бороться за то, чтобы ты возвращался домой к *этому*.

Я издаю рычание, злой на то, что плачу, затем вытираю свои слезы и целую ее в губы, шепча:

— Я люблю тебя до чертиков. Сильнее некуда. Спасибо тебе за ребенка. Спасибо тебе за любовь ко мне. Не могу дождаться, чтобы сделать тебя своей женой.

НАСТОЯЩЕЕ СИЭТЛ

То, как моя жена выглядит сегодня.

Как она улыбается.

То, как моя жена прижимается к нашему улыбающимся сыну, говоря:

— Пока, Рейсер, будь послушным с бабушкой и дедушкой...

— Га!

Я поглаживаю маленькую круглую голову Рейсера, и целую его в пухлую щеку.

— Вот так, чертенок, ты слышал ее.

— Оставьте его нам, — говорит нам мама Брук около церкви, в то время, как неподалеку за нами наблюдает команда. Сестра Брук, Нора, прижимает к груди букет, который только что поймала, а Пит выглядит так, будто его сейчас стошнит возле нее из-за силы его чувств к ней. Тренер улыбается, как никогда, стоя с Дианой под руку, а Райли не может прекратить пялиться на нового парня Мелани, которому явно на это плевать.

А я... меня уже достал этот костюм и необходимость держаться на расстоянии от своей невесты в нашем собственном доме, и краткий поцелуй у алтаря, во время которого я не мог использовать язык и зубы, и удерживать руки подальше от ее попки. Когда Брук машет Мелани и кричит:

— Рейсер, Мамочка любит тебя! — я притягиваю ее на заднее сиденье лимузина, тянусь через нее, чтобы захлопнуть дверь, и наконец, она вся моя.

Она поворачивается, тяжело дыша, чтобы посмотреть мне в глаза, ее щеки покрасневшие, глаза сверкают от волнения и нет, я никогда не забуду этот день.

Я тянусь к ней и одновременно она пытается залезть мне на колени, я хватаю ее за талию, чтобы помочь, но она взвизгивает, пытаюсь подобрать платье и у нас не получается удобно устроиться в такой позе.

— Я любила это платье до этого момента, пока оно не начало мешать мне быть ближе к тебе, — жалуется она.

— Черт, я так тверд для тебя, иди сюда, — запуская руку в ее волосы, хватаю ее за шею и жадно впиваюсь в ее губы, целую ее, мой язык жаждет прикоснуться к ее. Я хочу большего. И она сразу же дает мне больше, жаждет меня, мягко постанывая.

Не отрывая от нее губ, я притягиваю ее ближе, когда она гладит мои волосы.

— Не могу ждать, — выдыхает она. — Ты должен сорвать это платье с меня.

— Попрощайся с этими дурацкими пуговицами, — у меня текут слюнки, когда провожу пальцем по ее щекам. — И я буду лакомиться тобой, как на чертовом банкете.

— О да, пожалуйста, — она прижимается своим носом к моему и вздыхает, играя пальцами с моими волосами. — Мы еще никогда не оставляли Рейсера дольше, чем на два часа. Чувствую себя плохой матерью.

Я качаю головой, уткнувшись в нее носом, как делаю всегда.

— Если мы не хотим оставлять его и уезжать в наш медовый месяц, ты по крайней мере должна позволить мне украсть тебя на один вечер, — целую ее в подбородок. — Ты самая нежная, игривая мама, которую я знаю, Брук.

Она смеется.

— О, и как много ты их знаешь? — дотягиваясь, чтобы ткнуть мои ямочки. — Чтобы сравнивать.

В самом деле? Не знаю ни одной. Кроме матери моего сына.

Боже, они так чертовски идеальны, и оба мои.

Иногда я наблюдаю за ними с другой стороны комнаты, и мою грудь переполняют эмоции от того, как они играют друг с другом. У Брук есть шестое чувство, благодаря которому она всегда знает, когда я смотрю. Она всегда поднимает взгляд, ее глаза, теплые с

искрами счастья, направлены на меня. И я подхожу к ним и притягиваю их к себе, целую и прижимаясь к ним обоим.

— Я знаю, что моя мать не была такой, как ты, — шепчу ей, целую кончик ее носа.

— А ты, нет такого отца, как ты, — она гладит бабочку на моей шее. — Я так сильно тебя люблю, Ремингтон, — она прижимается лицом к моей шее и пытается быть еще ближе ко мне, делая глубокий вдох, произносит хриплым голосом: — Ты выглядишь так горячо в этом смокинге, я умираю, как хочу тебя всего.

— Ты также вся для меня, — я усиливаю хватку у нее на талии, погружаясь губами в ее волосы.

Может быть, сейчас медовый месяц невозможен, особенно, когда никто из нас не желает оставлять Рейсера, но сегодня мне нужна моя жена.

Спокойно я целую ее в лоб и нос. Осматривая ее черты, наклоняю ее голову и провожу пальцем по ее губам.

— Мне нужно это, — выдыхаю я, и впиваюсь своими губами в ее.

Она трется своим языком о мой и вздыхает, когда я запускаю пальцы в ее волосы, снимая заколки с кристаллами. Снимая каждую шпильку в виде капли дождя с ее волос, запихиваю их в карман пиджака, медленно смакуя ее рот и целую ее всю дорогу в отель, пока никто из нас не дышит ровно, когда мы приезжаем.

Когда мы входим в лобби, на нас обращает внимание десяток любопытных глаз, а за этим следуют аплодисменты и возгласы, когда я беру ее за руку и веду к лифтам.

— Многая лета, мужик! — кричит кто-то.

— За здоровье жениха и невесты!

Брук смеется, и я также посмеиваюсь, когда завожу ее в лифт, а затем погружаюсь лицом в ее шею, вдыхая ее запах весь путь на верхний этаж.

— Я хочу съесть тебя, — рычу я, снова скользю пальцами в ее волосы. У нее темнеют глаза, когда она дотягивается к моей свободной руке и прикладывает ее к своему сердцу.

— Ты поцелуешь меня здесь? — она направляет мои пальцы на округлость ее аккуратной груди.

Я киваю.

Затем она поднимает ту же самую руку ко своему рту и целует ладонь.

— И здесь?

Я снова киваю.

Ее озорная улыбка совпадает с моей, когда она направляет мою руку вниз к ее животу и к низу ее платья, затем она смеется и поднимается на цыпочки.

— Как насчет... там?

Я наклоняю ее голову назад.

— Твоя киска сегодня точно получит свою долю внимания.

На ее губах появляется восторженная улыбка, и я должен взять их и поцеловать ее, останавливаясь только тогда, когда раздается «Дзинь».

Когда лифт открывается, я хватаю ее и поднимаю на руки, заставляя ее завизжать от удивления, направляясь к двойным дверям вниз по коридору.

— Реми!

— Это то, что мужья делают в их первую брачную ночь. Нет?

Она сцепляет пальцы у меня на затылке и кивает.

Я низко склоняю голову, чтобы прошептать ей на ухо, когда мы доходим к нашей двери.

— Как твой муж, я делаю все, что захочу, черт возьми, — говорю я, засовывая ключ в замочную скважину, добавляя, — И прямо сейчас, я собираюсь заняться тобой. — Открываю дверь, захожу внутрь и пинком закрываю их позади, затем опускаю ее на ноги лицом к комнате.

Включаю свет и Брук издает мягкий удивленный возглас.

Лепестки роз всех цветов разбросаны на кровати. Сотни ваз расставлены повсюду, сияя красными, белыми букетами. Я желал чертов сад роз для своей жены и ребята помогли с этим.

Когда Брук молча осматривает все вокруг, каждый дюйм в комнате: зеленый, желтый, белый, красный, розовый, некоторые бутоны еще не распустились, некоторые цветут, некоторые на стеблях, некоторые без них разбросаны по мебели, я тихонько подхожу к ней сзади, надеваю на нее наушники и кликаю «Воспроизвести» на своем iPod.

Начинает играть песня «Everything» в исполнении «Lifehouse». Она подносит руку к груди, когда начинает играть музыка, ее розовые губы слегка приоткрываются, а глаза становятся влажными.

Эмоции переполняют меня, в горле першит, глаза щиплет, как в день, когда родился Рейсер и в тот момент, всего через несколько часов после того, как Брук согласилась выйти за меня замуж — они стали моей семьей и центром моего мира. Сейчас моя жена стоит в этой комнате, которую я заполнил розами для нее и у меня. НЕТ. СЛОВ. Нет слов, чтобы сказать ей. О том, как она нужна мне. Как я хочу ее. Как я люблю ее. Как каждый день я просыпаюсь счастливым человеком и ложусь спать счастливым человеком, уверенный в том, что сильнее любить ее просто некуда. Но каждый день случается невозможное и я люблю ее еще больше. Ее улыбку, ее силу, ее преданность нашему сыну, ко мне, все в ней идеально для меня.

Она начинает тихо всхлипывать, продолжая слушать песню, хватаясь за живот, будто слушать слова песни становится больно.

Ты — все, что я хочу, ты — все, в чем я нуждаюсь, ты — это все... все...

У меня горят глаза, когда она тихо плачет, и меня переполняет нежность, когда я становлюсь перед ней. Поднимаю ладонь, чтобы поймать ее слезы с одной щеки и прижимаю губы к другой, целуя слезы.

— Не плачь, — бормочу я, и она зажмуривается, когда слез становится больше, ее руки дрожат, когда она обнимает меня.

— Не плачь. Я хочу, чтобы ты была счастлива, — бормочу я, снимая наушники и откладывая их в сторону, повторяя это ей на ухо. «Я хочу сделать тебя счастливой.» Она молча вздрагивает, шмыгая носом, и я беру ее лицо в руки, вытирая пальцами остатки слез и смотрю ей в глаза. Единственные глаза, которые по-настоящему видят меня. Нежность, голод и страсть золотых глаз любимой женщины. Глажу пальцами ее щеки.

— Не просто счастливой. Я хочу сделать тебя самой счастливой женщиной в мире.

— Ты уже сделал, — говорит она, всхлипывая, ее чувства отражаются в ее глазах, когда она смотрит на меня. — Вот почему я плачу.

С мягким стоном я притягиваю ее к себе и целую в ухо.

— Каждый день ты делаешь меня самым счастливым мужчиной в мире, — шепчу я, скользя пальцами вверх по ее спине, ища пуговицы ее свадебного платья, нетерпеливо расстегивая одну за одной. Она прижимается к моей шее и целует, когда внезапно отталкивается от меня и начинает пятиться назад, с новой игривостью во взгляде.

— Ты меня хочешь?

Я поднимаю одну бровь.

— Ты в этом сомневаешься?

Я начинаю следовать за ней, переключаясь в режим охотника, все мои инстинкты встают на дыбы и направляют мое тело гнаться за ней и поймать ее. Я не собираюсь позволить ей уйти слишком далеко.

— Иди сюда, — рычу я, протянув руку и притягивая ее к себе, она издает писк за секунду до того, как я ее целую, крепко и глубоко, проводя рукой вниз по пуговицам на ее спине, хватаю ткань и срываю ее. Пуговицы разлетаются в стороны на розы и на пол. Она стонет, когда я скольжу рукой в разрез и касаюсь ее мягкой обнаженной кожи.

— Мммм, — я облизываю ее шею, когда снимаю с нее рукава платья и сдергиваю верх платья к талии.

Она срывает мою бабочку и снимает пиджак с плеч.

— Я так готова, можешь считать, что весь этот день был прелюдией, — говорит она.

— Я так не думаю, — смеюсь я, затем прижимаю ее руки по бокам, переплетая наши пальцы, чтобы ее пальцы никуда не делись, пока я целую ее в губы, медленно и томно. — Давай начнем раздевать тебя.

Хватая ее за бедра, усаживаю ее на спинку дивана и поднимаю юбку вверх, чтобы дотянуться к серебристой блестящей туфельке. Расстегиваю маленькую линию кристальных застежек, затем отбрасываю в сторону одну и работаю над второй. Когда она падает возле первой, я провожу рукой по ее чулкам и нахожу идеальное место, чтобы разорвать их.

Она ахает от наслаждения, когда я разрываю и снимаю их с ее ноги, обнажая кожу от кончиков пальцев и выше. Облизываю пальцы ее ног, затем провожу языком вверх по изгибу ее ноги в то время, как мои руки скользят вверх по ее стройным длинным ногам, чтобы стянуть остаток чулка. Слышу, как она начинает учащенно дышать, и, когда ее ноги под платьем полностью обнажены, а я занят одним из ее розовых пальчиков, мне открывается идеальный вид на пятна влаги на ее трусиках. От сильнейшего желания у меня перед глазами все плывет, и я развожу ее бедра, услышав, как она переводит дыхание, когда я опускаю ее ногу и углубляюсь под ее юбку, чтобы облизать ее через трусики.

— Реми, — стонет она, когда я облизываю пятно влаги на кружеве. Она раньше никогда не носила кружево, и я могу увидеть ее киску, розовую и аккуратную под тканью. Издав низкий глубокий стон, я развожу ее ноги шире и еще раз ласкаю ее языком, затем я встаю из-под юбки, поднимаюсь на ноги. Я так разгорячен, что скоро превращусь в угли.

Грудь Брук вздымается, и она немного отклоняется назад, выглядя изумленной, влюбленной и прекрасной с поднятым до талии платьем. Ее тело согнуто под неудобным углом, темные волосы спадают сзади и у нее перехватывает дыхание от того, что я выделяю языком. Ее круглая красивая грудь еще сочнее, чем когда-либо была, ее соски выступают и почти кричат о моем рте.

— Ремингтон, — произносит она, почти умоляюще.

Мое тело сжимается от желания, я подхватываю ее на руки.

— Сегодня тебе достанется, Миссис Тейт, — шепчу я.

— Миссис Дюма-Тейт, — говорит она, расстегивая верхние пуговицы моей рубашки и проводя губами по щетине моего подбородка.

— Без разницы. Ты моя.

Она соглашается, невыразительно промычав, потому что ее рот занят вылизыванием

моей шеи. Моя кровь кипит от потребности, когда я укладываю ее на кровать, затем я снимаю с себя рубашку. Пока избавляюсь от запонок, я сдергиваю ее со своих плеч, мои глаза пробегаются по этой полной груди, более полной, чем когда-либо, ее соски больше для моего сына. И для меня.

Внутри я сгораю дотла.

Под ширинкой мой член полностью твердый и все, что мне нужно сделать, это рывком расстегнуть пуговицу на брюках и он вырвется сквозь молнию. Брук пытается выпутаться из своего пышного платья, и я решаю, что она нужна мне обнаженная прежде, чем я начну что-то делать.

Я протягиваю руку и стягиваю с нее юбку, а она вскрикивает и смеется, когда ткань снова рвется и теперь легко спадает с ее тела.

— О, я знала, что это платье не выдержит тебя, я это *знала!* — счастливо кричит она.

Мы вместе смеемся и, как только она остается в одних трусиках, лежа на спине, я заканчиваю раздеваться и затем стою здесь, у подножья кровати, обнаженный и такой чертовски твердый, что я едва могу ясно видеть. И я смотрю на нее, сердце в груди бешено стучит, а кожа гудит от ее близости.

Я смотрю, смотрю и смотрю. На свою жену. Свою женщину.

Она от нетерпения поднимается и ползет ко мне в этих влажных кружевных трусиках. Она целует длину моего члена, тату над ним, поднимается к кубикам моего пресса, к моей шеи и прокладывает себе путь к моим губам.

— Я так возбуждена из-за тебя, что вся дрожу, — она ласкает мой член.

Я беру ее волосы в кулак и наклоняю ее на дюйм назад, медленно проводя языком по ее губам.

— Тогда позволь мне.

Она улыбается напротив моего рта, затем стонет и открывает рот, чтобы наши языки встретились, и я кладу ее на спину на кровати, заваленной лепестками роз. Хватая горсть лепестков роз возле нас, я поднимаю руку вверх, чтобы осыпать ее лепестками.

Она переводит дыхание, когда они падают на ее тело, ее волосы распущены позади нее, она пробегает пальцами вверх по моим бицепсам, плечам, лаская меня, как я ласкаю эти лепестки роз, двигая ими вверх и вниз по ее телу.

Из ее губ вырывается мяукающий звук, глаза закрываются, а я продолжаю водить лепестками вверх к ее груди, растирая ими ее соски. В комнате витает аромат роз, но нет ничего лучше запаха Брук. Я знаю, когда она полностью влажная и готова ко мне, и сейчас она готова.

— Реми...

Пульсируя от необходимости быть в ней, я ложусь рядом и беру ее в свои руки, шепча напротив ее рта:

— Это наша официальная брачная ночь.

— Да, — она потирает руками мою грудь и смотрит на меня полужакрытыми глазами.

— И я хочу, чтобы она длилась как можно дольше, — прижимаюсь к ней губами, без языка, целую уголок ее губ, сверху, снизу... затем по центру. — Я хочу сохранить это мгновение, — хрипло шепчу, — тебя в моих руках, где ничто не сможет к тебе прикоснуться, кроме меня. — Когда я провожу рукой вниз по ее телу, она вздрагивает, позволяя мне ласкать и целовать ее, и она целует меня в ответ медленными разгоряченными движениями языка.

— Ничто, кроме тебя, — соглашается она.

— Вот так, — говорю я.

— Но я такая влажная, — выдыхает она.

— И ты знаешь, что мне это нравится, — бормочу я, лаская ее киску рукой прежде, чем направить ее к верхней части моего тела так, чтобы она была выше меня и я смог ее целовать, схватить за попу и чувствовать ее киску своим членом, в то время, как сжимаю в руках эту сочную попу, не отрываясь от ее губ.

Ее возбуждение возрастает, когда мы целуемся и она начинает приподниматься ко мне навстречу. Я переворачиваю ее на сторону так, чтобы рукой дотягиваться и ласкать ее киску через трусики. Целую ее плечо, затем направляюсь вниз к груди, к сморщенному розовому соску. Я высовываю язык, чтобы облизать его, затем направляюсь вниз к ее пупку и пробую на вкус каждый доступный дюйм ее кожи, ощущая, как ее живот поднимается и опускается от дыхания, но она позволяет мне делать с ней все, что я захочу.

Она прячет лицо у меня в волосах, когда я прижимаюсь и облизываю ее пупок, хватая лепестки роз и покрывает ими мое плечо, шелковисто гладкими она проводит ими по мышцам моей спины. Поднимаясь, я хватаю другую горсть лепестков и провожу обоими руками по ее телу.

— Я люблю тебя, — говорит она, глядя в мои глаза, наблюдая, как я беру ее лицо в руки.

— Я знаю, — говорю я. — А я люблю тебя.

Наши тела такие горячие, мы вспотевшие и влажные, продолжаем ласкать друг друга. Она знает каждый мой мускул, но каждый раз ощущение, будто она меня запоминает. Я знаю каждый дюйм ее тела, но я хочу жить в каждом дюйме, целовать, лизать, есть, кусать, каждый дюйм.

Я так и делаю, и затем она извивается, сжимая в кулаках мои волосы, произнося со стоном:

— Я сейчас кончу.

— О да, — бормочу я, хватая ее за талию и прижимая ее к своей эрекции, наблюдая за пульсацией на нижней части ее горла, когда она принимает меня. Издавая стон, я склоняюсь, чтобы языком погрузиться в ямочку возле ключицы, пока головка моего члена входит внутрь.

У нее из губ выходит воздух, и она сжимает мои бицепсы, мягко постанывая.

— Тебе это нравится? — спрашиваю я.

— Мне нравится все, что ты со мной делаешь.

Я опускаю голову и кусаю ее возле плеча, сладкие гладкие изгибы ее ягодиц в моих руках, когда она опускается все ниже и ниже. Она пытается опуститься на последний дюйм, и я останавливаю и поднимаю ее так, чтобы облизать ее сосок.

Я вылизываю его долго и детально, затем дую на сморщенный кончик. Ее глаза открываются от удивления, она вздрагивает и начинает двигаться напротив меня.

— Ремингтон, — умоляет она, опуская бедра к моей эрекции.

Я переворачиваю ее на спину.

— Что ты хочешь?

Щеки загораются возбуждением, ее глаза блестяще — золотые.

— Я хочу своего мужа, — говорит она, скользя пальцами по моей груди. — Прямо сейчас. Всего его.

Хватаю ее ноги и развожу их и наклоняюсь, влажное место между ее ног сводит меня с

ума. Но сначала я провожу губами по ее бедру, чтобы поцеловать шрам на ее колене, затем двигаюсь ртом обратно вверх.

— Ты хочешь его член, но как насчет его языка. — Мой рот парит над ее киской, и я облизываю влажное место.

Она выдыхает мое имя и сжимает мой затылок.

— Да, — выдыхает она, постанывая.

— Где ты его хочешь, — бормочу я, скользя пальцем в ее трусики, а затем и в влагилице, двигая ее клитор кончиком языка, и между нами только эта тонкая влажная ткань. Ее складки гладкие и набухшие. Я ввожу один палец, затем два, работая языком на ее клиторе. Она кончает, и мои пальцы становятся влажными, я вытаскиваю их и даю ей облизать.

С голодным звуком, она толкает меня на спину. Я охотно падаю и притягиваю ее на себя. Оседлав меня, она стонет от контакта нашей кожи. Она трется влагилицем по моему члену через нижнее белье и ласкает пальцами мою грудь. Я стону и сажусь, чтобы сжать ее грудь в руке, первобытное желание завоевать ее, перевернуть и трахать берет надо мной верх. Я переворачиваю ее, затем протягиваю руку между нами, чтобы поиграть с ее киской, когда я облизываю один сосок. Ее вкус так хорош, как и запах, и я прижимаюсь головой к ее шее, и делаю вдох, когда ее бедра широко разведены подо мной. И я приоткрываю ее белье так, что могу дразнить ее складки головкой своего члена.

Она снова стонет и покачивает бедрами.

— О да, — ее ноги раздвигаются шире подо мной, манят меня. Она наклоняет бедра и вжимает ногти в кожу моей спины. — Реми, — говорит она мне на ухо, благоговейно, будто я ее бог и это, мы, здесь, является нашей церковью.

— Мы занимаемся любовью всю ночь, — говорю я ей, смотря в ее лицо и потирая головкой своего члена ее мягкую кожу.

— Всю ночь, — соглашается она.

Хватая кружево между ее ног, я разрываю ее трусики.

— Я направляюсь внутрь тебя.

— Да.

Я поднимаю вверх ее руки и вхожу внутрь.

— Внутри своей жены.

— Да, — выдыхает она в мое ухо, вздрагивая, когда я наполняю ее.

Направляя ее за бедра вниз, я стону и начинаю двигаться в ней, наши тела горячие, скользкие от пота. Она стонет, я стону и пульсирую внутри нее, наши тела двигаются вместе, быстро, желая большего, шлепаясь, когда она опускает бедра, а я толкаюсь, желая быть настолько близко, как могу.

Облизываю ее ухо, шею, затем ее соски, по одному за раз, мои руки поднимаются ее по бокам, ее пальцы притягивают меня ближе, ее губы в моем ухе, когда мы теряем контроль.

«Я люблю тебя», выдыхает она.

«Нет, черт, нет, я люблю тебя.»

Она мечется и вздрагивает подо мной, кончая быстро и сильно, и когда ее киска сжимает мой член, я начинаю эякулировать внутри нее, сжимая руками ее дрожащее тело и позволяя ей взять меня с собой. Я мягко стону в ее шею, кусая изгиб ее шеи, когда я кончаю внутри нее в третий раз, и она стонет от удовольствия, пока мы оба не насыщены и тяжело дышим, мой язык потирает место, которое я только что укусил.

Я передвигаюсь, чтобы убрать с нее свой вес, когда она шепчет:

— Не выходи. Пожалуйста. Ты мне нужен во мне.

Я поворачиваюсь на спину и тяну ее с собой, она вздыхает и прижимается ко мне, переводя дыхание, когда я скольжу рукой по ее телу и к ее попе. Наклоняю ее голову назад носом, бормоча:

— Я все еще хочу тебя, — и когда она поднимает взгляд, я целую ее, двигая руками ее попу, раскачивая ее на члене.

Издав гортанный звук, она хватается меня за волосы и жадно запускает свой язык к моему, начиная качаться на мне.

— Правильно, детка, — напеваю я, хватая ее за бедра и двигая ее к себе, посасывая ее язык, покусывая ее нижнюю губу. — Правильно, возьми меня, оседлай меня, покажи мне, как сильно ты во мне нуждаешься.

Она садится и раскачивается на мне сильнее, и я поднимаюсь, чтобы полакомится ее грудью и сжать ее ягодицы, когда она азартно двигается на мне.

— Реми, — выдыхает она, и я знаю, что она уже близко. Она горячая, влажная и чертовски тесная на мне, и я издаю стон, когда мое тело напрягается и удовольствие накапливается у основания моего позвоночника.

Я проникаю языком в ее рот с сильным стоном, и мы целуемся и ласкаем друг друга, пока не кончаем. Когда она расслабляется, то все еще держит меня внутри, прижимаясь лицом к моей шее, а я прижимаюсь носом к ее волосам и вдыхаю ее аромат. Мы некоторое время не разговариваем, но в этом и нет необходимости. Я знаю ее, а она знает меня. Я внутри нее, а она держит меня. Наши тела говорят это громко и ясно.

Некоторое время мы молча лежим в кровати. Брук попеременно целует мою шею и дразнит кончиком пальца вокруг моего соска, в то время, как я вдыхаю запах ее волос и шеи, и молча ласкаю свою маленькую петарду.

НАСТОЯЩЕЕ СИЭТЛ

БРУК

На следующее утро я просыпаюсь прижатой к его твердому телу и его запах так соответствует ему и только он заставляет меня так чувствовать себя, и я осознаю, что до сих пор не показала ему его свадебный подарок. Живот скручивает от нервов и волнения. Бабочки порхают внутри.

Рядом с ним у меня всегда внутри бабочки.

Я чувствую себя девственницей каждый раз, когда он прикасается ко мне, целует меня и занимается со мной любовью.

Меня переполняет счастье, и я тихонько поднимаю взгляд, чтобы увидеть его с закрытыми глазами, но с улыбкой на губах. Я улыбаюсь, потому что знаю, что он проснулся... и так же расслаблен, как и я.

— Мистер Ремингтон Тейт, вчера вы женились, — шепчу я, пробегая пальцами вверх по твердым мышцам его загорелой груди, вверх по плотным сухожилиям его горла, щетине на подбородке, этим красивым ямочкам, дразня его закрытые глаза, вверх к колючим черным волосам, я спокойно его ласкаю, а внутри теряю сознание.

Наблюдая за тем, как он ожидал меня у алтаря вчера, когда я медленно (мучительно медленно) шла к нему под руку с отцом, хотя все, чего я хотела, это бежать; от него у меня перехватило дыхание.

Ремингтон в черном смокинге, его волосы темные и колючие, как всегда, его широкие плечи в пиджаке, прилегающем к его узкой талии и бедрам, а то, как эти танцующие голубые глаза смотрели на меня, когда я приближалась к нему...

Все исчезало, когда я смотрела в его глаза. Для меня ничего не существовало, когда я смотрела в эти глаза. Это не из-за цвета или оттенка, а из-за того, что я в них вижу.

Каждая изумительная сложность, из которых состоит Реми.

— Нашему ребенку скоро исполнится шесть месяцев, а у меня от тебя все еще порхают бабочки, — тихо шепчу я.

Он мужчина. Он может и не знать о бабочках, но я знаю достаточно для нас обоих. И сейчас во мне их целый рой, когда он открывает глаза и смотрит на меня. Теми самыми голубыми глазами, на которые мне хочется смотреть целый день.

Он наклоняет голову ко мне и легонько целует меня в губы, и меня наполняет тепло, когда его грубый изумительный голос проносится сквозь меня:

— Ты моя. Моя одержимость. Моя мечта. Моя надежда. Мое сердце, — шепчет он, проводя руками по моему телу, как он делал всю ночь.

— Скажи мне снова, что я твоя Настоящая, Ремингтон, — умоляю я, проводя пальцами по его подбородку, когда он смотрит на меня.

— Ты моя Настоящая, маленькая петарда. Ты мое все.

Мой желудок напрягается, когда я вспоминаю песню, которую он включал мне. Номер все еще пахнет розами. Я слышала, как ребята подшучивали над ним, советуя ему подарить мне что-то другое, вместо роз, что-то менее старомодное. Его не переубедить. Его не волнует, что другие думают об этом, только то, что он считает, что они значат, и он использует их, чтобы говорить со мной. Чтобы сказать мне, что он любит меня.

Ремингтон делает широкие жесты, даже если это не осознает. Он всегда доказывает столь многими способами, кем он является и что он чувствует. И я кое-что сделала... что, я надеюсь, скажет ему о моих чувствах. Точно так же, как его розы и песни говорят со мной.

Желудок сжимается в предвкушении, я поворачиваюсь к прикроватной тумбочке и достаю одну из своих резинок для волос, которую надеваю на запястье, когда не использую, чтобы завязать волосы в хвост.

— Поможешь мне надеть? — спрашиваю, передавая резинку ему в качестве предлога.

Он садится и поднимает мои волосы, и я люблю то, как он поднимает мои волосы одной рукой, одновременно пытаюсь выяснить, как это сделать другой.

Затем движение останавливается и наступает полная тишина.

Я задерживаю дыхание, когда он откладывает мою резинку для волос на кровать, затем он убирает мои волосы на бок, чтобы открыть мой затылок двумя руками. Очень-очень медленно, опьяняя мое тело, мой разум и сердце так, как только ему удастся, он проводит по моему затылку своей шероховатой подушечкой пальца.

Изумительное покалывание проносится сквозь мое тело, когда он наклоняет свою темную голову к моей шеи, в его голосе безошибочно слышно глубокое мужское удовольствие.

— Что это, — бормочет он, нежно облизывая это.

Я чувствую его язык на своей коже и мое сердце трепещет от него.

— Это твоя метка, означающее, что все, где она есть, принадлежит тебе, — выдыхаю я. Он прижимается головой сбоку к моей шеи и вдыхает запах, бормоча:

— *Это верно*, — затем он поворачивает меня за подбородок, чтобы добраться к моему рту и поцеловать меня, долго и сильно. Ремингтон Тейт. Моя любовь, мой муж, прекрасный отец моего ребенка, нежно меня целует, когда его пальцы пробегаются по тату на моем затылке, которое состоит из одного единственного слова:

«РЕМИ».

Больше книг на сайте - Knigolub.net